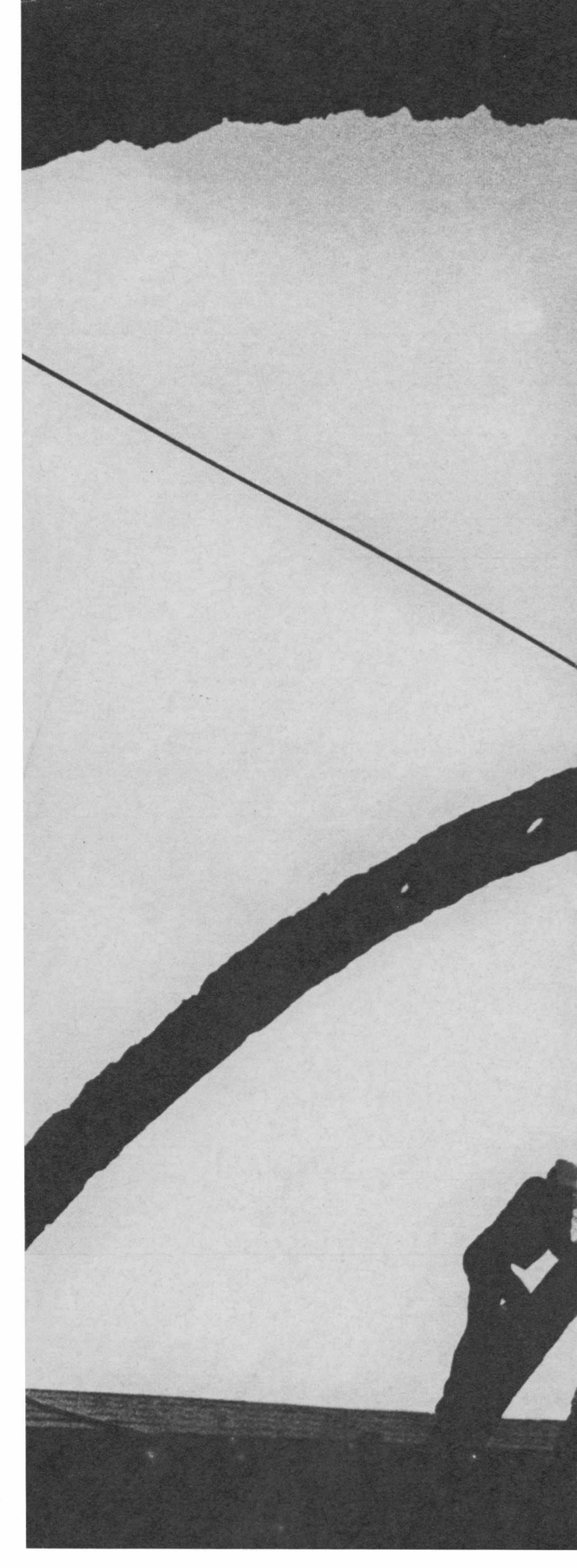

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Александр Кичигин — командир отряда «Гренада».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

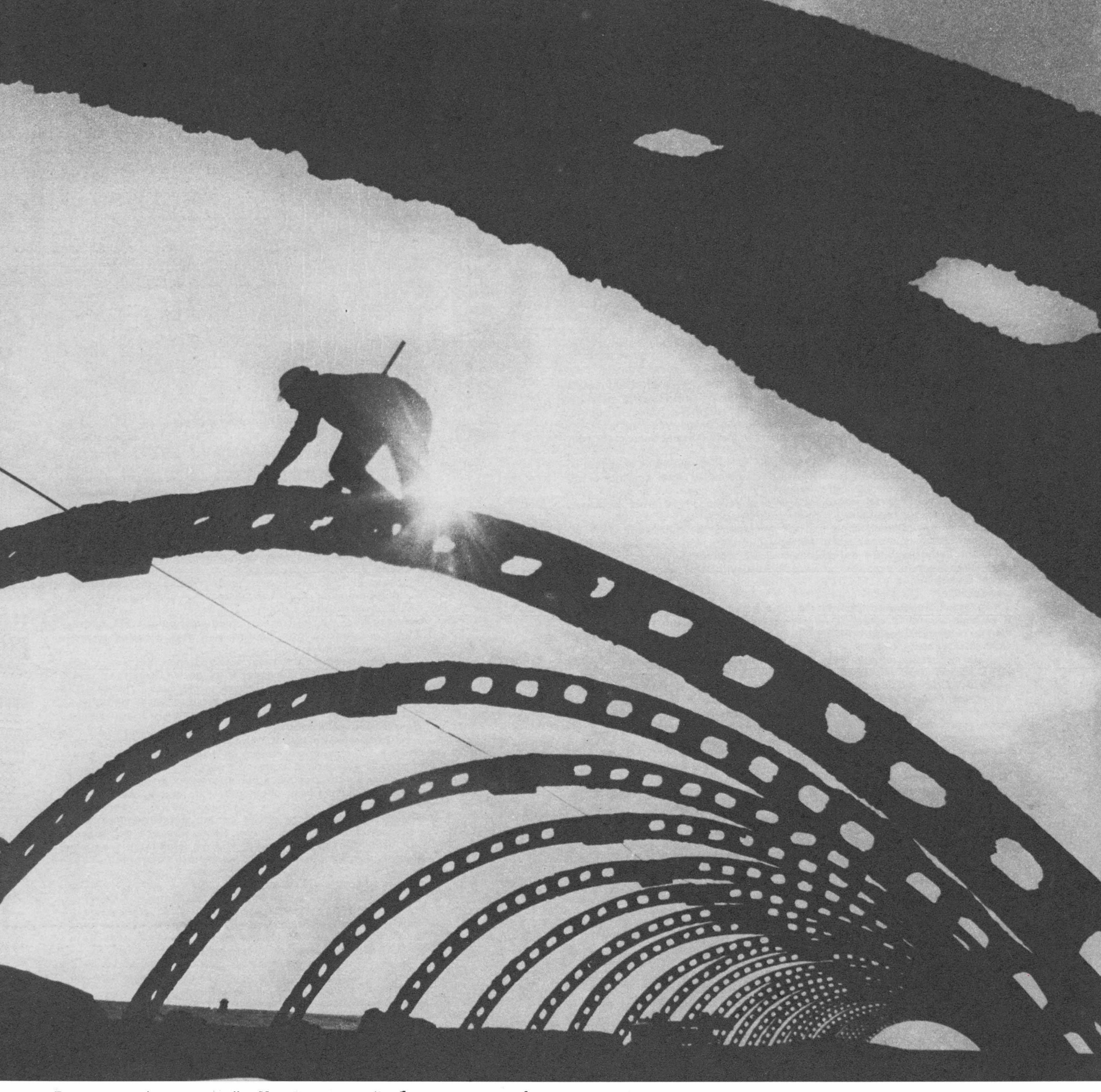
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 35 (2356)

Основан 1 апреля 1923 года

26 АВГУСТА 1972

ЖАРКОЕ СТУДЕНЧЕ

В совхозе «Андреевский», Целиноградской области, к осени будет новая ферма.

Интервью «Огонька»

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

СКОЕ ЛЕТО

Июль — август — страда не только на полях. Это и жаркая страда студенческая. Более полумиллиона будущих специалистов проходят сейчас свой «третий семестр». Ребята торопятся: им нужно многое успеть до осени — производственная программа строительных отрядов составляет более семисот миллионов рублей.

Корреспондент «Огонька» обратился к секретарю ЦК ВЛКСМ Владимиру Андреевичу ЖИТЕНЕВУ с просьбой рассказать о том, какое оно, студенческое лето 1972-го. Каковы его особенности, радости и трудности!

Продолжение см. на стр. 4.

ВЕРНЫЙ ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

25 августа исполнилось 60 лет Первому секретарю ЦК Социалистической единой партии Германии товарищу Эриху Хонеккеру, славному сыну немецкого рабочего класса, видному деятелю международного коммунистического и рабочего движения, выдающемуся партийному и государственному руководителю первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле.

Эрих Хонеккер родился в 1912 году в Нойнкирхене (Саарская область) в семье шахтера. Десятилетним мальчиком Эрих вступил в детскую коммунистическую организацию, с 1926 года он в рядах Коммунистического союза молодежи, а с декабря 1929-го — в Коммунистической партии Германии.

В 1930 году руководство партии направило Э. Хонеккера на учебу в школу Коммунистического Интернационала Молодежи в Москве.

После возвращения в Германию Эрих Хонеккер работал секретарем Саарского окружного комитета Коммунистического союза молодежи Германии, а в 1934 году был избран членом Центрального Комитета КСМГ.

Товарищ Хонеккер прошел суровую школу борьбы против фашизма и империализма. В декабре 1935 года он был схвачен гестапо и брошен в тюрьму. Стойко перенес Э. Хонеккер жестокий режим фашистских застенков, сохранив все качества несгибаемого коммуниста.

«Вся моя сознательная жизнь,— говорит о себе Э. Хонеккер,— определялась тем, что я рос в кругу людей, для которых отношение к Советскому Союзу было основным критерием того, являешься ли ты коммунистом. Несмотря на все клеветнические измышления тогдашних империалистических правителей Германии и всех их подручных, эти люди по внутреннему убеждению отстаивали этот священный для каждого коммуниста принцип. Таким образом, могу сказать, что я воспитан партией Эрнста Тельмана — Коммунистической партией Германии».

После освобождения немецкого народа Советской Армией Эрих Хонеккер находится в первых рядах строителей новой жизни на немецкой земле. Партия поручает ему работу по воспитанию молодого поколения. Э. Хонеккер — член Секретариата ЦК КПГ по работе среди молодежи, руководитель Центральной молодежной комиссии, а затем — с 1946 по 1955 год — председатель Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи.

Будучи членом Центрального Комитета КПГ, Эрих Хонеккер принимал непосредственное участие в объединении обеих рабочих партий — КПГ и СДПГ — на принципиальной основе революционного марксизма в Социалистическую единую партию Германии. На объединительном съезде партии в апреле 1946 года он был избран членом партийного правления СЕПГ. С тех пор Эрих Хонеккер неизменно избирается членом ЦК СЕПГ, а с 1950 года входит в Политбюро ЦК партии.

После учебы в Советском Союзе в 1955—1956 годах он продолжает свою деятельность в составе руководства СЕПГ. С 1958 года он работает секретарем ЦК партии, а 3 мая 1971 года коммунисты ГДР избрали его на высокий пост Первого секретаря ЦК СЕПГ.

Решения VIII съезда СЕПГ (июнь 1971 г.), на котором с отчетным докладом ЦК СЕПГ выступил Эрих Хонеккер, явились дальнейшим развитием генеральной линии партии на создание развитого социалистического общества в ГДР. В центре всей идейно-политической и организационной работы ЦК СЕПГ во главе с Эрихом Хонеккером находится забота о человеке-созидателе, воспитание его в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма.

Одна из заслуг СЕПГ состоит в том, отметил товарищ Л. И. Брежнев, что «в ходе большой и напряженной работы по социалистическому переустройству общества она выдвинула, воспитала и закалила замечательные кадры партийных руководителей, вооруженных марксистско-ленинским мировоззрением, беззаветно преданных рабочему классу, трудовому народу, твердо стоящих на позициях социалистического интернационализма».

Продолжая лучшие традиции германского революционного движения, Эрих Хонеккер вносит большой вклад в дело укрепления братской дружбы и тесного сотрудничества между СЕПГ и КПСС, между народами ГДР и СССР. «Краеугольным камнем всей политики нашей партии...— пишет он,— была и остается тесная связь с КПСС, было и остается прочное и на все времена незыблемое место ГДР на стороне Советского Союза. Единым фронтом со страной Ленина, со всеми братскими партиями и странами социалистического содружества мы боремся за общие цели».

В. ЦАПАНОВ

«КАК ЖИВУТ АМЕРИКАНСКИЕ РАБОЧИЕ?»

Французский еженедельник «Ви увриер» под таким общим заголовком опубликовал большой репортаж Роже Гибера. Ниже приводятся некоторые выдержки из этого репортажа.

Жертва террора нью-йоркской полиции.

Фото ЮПИ.

Я не могу удержаться от желания рассказать о визите к Джону Россу, рабочему-негру с завода компании «Интернэшнл харвестер». Джон — стюард, доверенное лицо Объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности от своей специальности. И этот человек, никогда не ходивший в школу, тотчас же приводит нам следующие цифры:

— Из 2 300 рабочих завода негров насчитывается 900 человек. Из 400 мастеров, работающих на заводе,— 4 мастера-негра. Хронометражистами работают только белые. А возьмите, к примеру, литейщиков, самую высокооплачиваемую на заводе специальность: 500 литейщиков —2 негра. Моя работа — уборка — самая низкооплачиваемая на заводе.

Нас внимательно слушают жена Джона, Коррин, с которой они прожили 23 года, и их дети: Джеки — 5 лет, Лаура —13 лет, Дэнил —10 лет и старшая, Линда,—17 лет, у которой уже есть полуторагодовалый ребенок... Нет только одного старшего сына, восемнадцатилетнего Джона. Он ищет работу...

Их дом внешне имеет приличный вид. Но внутри, несмотря на поддерживаемую в доме чистоту, все развалилось. Потолок в комнатах весь в зияющих трещинах; когда идет дождь, вода протекает в дом. Ванной нельзя пользоваться, очевидно, уже очень давно. Кажется, что вся мебель и кухонная утварь куплены на барахолке. Здесь есть много тех же хозяйственных принадлежностей, что и у семьи белых, но все это имеет вид отбросов другого мира, убогой карикатуры на общество потребления. Оплата квартиры обходится Джону 142 доллара в месяц. За обучение в школе детей он платит ежегодно 300 долларов.

— Уезжаете ли вы когда-нибудь в отпуск?

— Никогда. Однажды я отправил двух мальчиков к своей сестре на юг, в Сент-Луис. Поедут ли они туда еще когда-нибудь? Не знаю. А мы с женой никогда в жизни никуда не уезжали из нашего гетто в Чикаго.

— Вы стюард в профсоюзе. Что это значит?

— Я представляю интересы моих 34 товарищей по уборочной службе. Они мне доверяют.

— Чувствуется ли в профсоюзе дух расизма?

— Знаете ли, негры голосуют за негров, а белые за белых. Но есть и исключения. Негры голосуют за некоторых белых, и наоборот. Я считаю, что это очень хорошо. Ведь все мы рабочие, не правда ли? А если среди рабочих будет расизм, тогда будет плохо всем нам. И если в профсоюзе белые будут ненавидеть негров, то к чему это приведет? К счастью, в профсоюзе есть хорошие белые руководители. Но председатель, он не любит негров. А вот заместитель председателя, он хороший. Его все любят.

— Какие основные проблемы стоят перед вами на заводе?

— У нас много требований, особенно сейчас. Прежде всего речь идет об уволенных. Мы хотим, чтобы их восстановили на работе. А потом — дискриминация. Мы хотим покончить с ней, так как она вредит неграм, как я показал вам это на цифрах. Мы во всем бедные родственники. И в работе, и в заработной плате, и в вопросах жилища и обучения... Даже магазины — и те для нас специальные: нам продают всякую тухлятину дороже, чем где бы то ни было... Быть черным — большое несчастье, а так не должно быть. Мы все люди — мужчины и женщины.

— А что вы думаете о войне во Вьетнаме?

— Нужно дать другим жить так, как они этого хотят. Знаете ли, мне ближе бедный вьетнамец, чем мой американский хозяин...

Джон — это рабочий-негр, который весь день подметает пол на своем заводе, взгромоздившись на электрокар.

— Я бедный негр,— говорит он, провожая нас до двери своего дома.— Моя мечта — это иметь хорошую работу, хороший дом, дом «как у всех», я хочу иметь возможность посылать детей в хорошую школу и ездить с ними отдыхать на каникулы. Говорят, что негры — плохие американцы. А они всего-то и хотят, что простой справедливости, простых человеческих прав. Наоборот, я думаю, что мы очень хорошие американцы,— заканчивает Джон.

...Я встретил в Чикаго одну американку родом из Тулузы. Она замужем за американцем. В разговоре с нами она не могла удержаться от того, чтобы не сказать, насколько американская действительность изменила ее представления об американском образе жизни.

— Как и все средние французы, я была убеждена, что в Америке все люди счастливы, если вообще не богачи. Но я узнала здесь, что можно быть очень бедным, даже сидя за рулем «шевроле». И особенно я поняла, что значит быть неуверенным в завтрашнем дне.

— Какую неуверенность вы имеете в виду?

— Неуверенность во всем. Например, когда речь идет о здоровье. Знаете ли вы, что значит быть больным в стране, где нет социального обеспечения? Знаете ли вы, что значит здесь для человека узнать о том, что ему необходима хирургическая операция? Единственное, что можно сделать в Америке, чтобы потом можно было хотя бы частично покрыть расходы,— это застраховать себя в частной компании. За мужа и себя я плачу 750 долларов страховки в год.

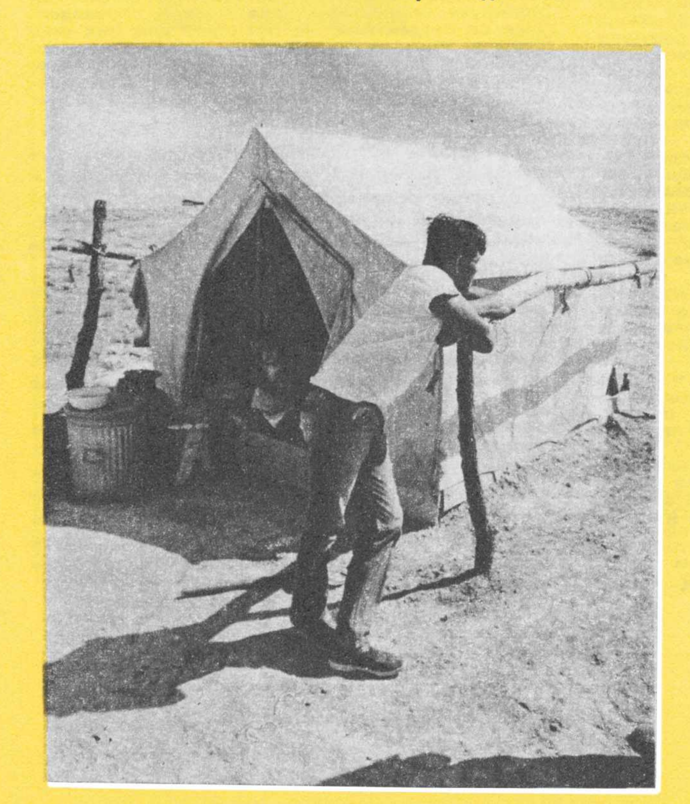
То же самое и с семейным пособием. Его просто не существует в Америке. Что же касается пенсии, то в лучшем случае (при наличии очень хорошего коллективного договора, заключенного профсоюзом) человек, вышедший на пенсию, в месяц получает сумму, равную оплате за одну рабочую неделю... Жить на это невозможно.

Еще хотелось бы сказать о работе. Знаете ли, здесь очень легко потерять свое место. И все это без предупреждения, без объяснений. Все построено на свободном предпринимательстве, ваш хозяин волен нанять вас или уволить...

Полное отсутствие социального законодательства — вот что характеризует Америку. А это как здоровье. Лишь когда его уже нет, начинаешь ценить его преимущества. Нужно пожить здесь, чтобы понять это.

Сегодняшняя Америка внешне — это не только богатство, изобилие, процветание богатой страны. Через некоторое время после приезда в страну, увидев людей на улицах, бросающуюся в глаза нищету некоторых кварталов, бродяжничество части населения, этих «лишних людей», которыми становятся десятки миллионов американцев, появляется желание все вывернуть наизнанку и говорить об американском образе жизни лишь как о кромешном аде.

В такой «квартире» живет американский рабочий Том Лей вместе с женой и тремя детьми.

О ЗОЛОТЕ БУМАЖНОМ И НАСТОЯЩЕМ

Игорь ТРОЯНОВСКИЙ

Римский император Калигула прославился не только тем, что привел на заседание сената своего коня и потребовал провозгласить его консулом. Вконец опустошив государственную казну, он приказал собрать морские ракушки и объявил их деньгами наравне с золотом. Из этой затеи, конечно, ничего не вышло.

С тех пор прошло много веков, и способы пополнять оскудевшую казну на Западе значительно усовершенствовались. Даже такое испытанное средство, как запуск в работу печатного станка, считается немодным. Особую изворотливость проявляют валютные эксперты Вашингтона. Им ведь приходится действительно нелегко. Отягощенный непомерными военными расходами и в первую очередь войной в Индокитае, платежный баланс Соединенных Штатов неизменно имеет большой дефицит. В 1971 году он составил около 30 миллиардов долларов! Позиции доллара значительно ослабли. После майской девальвации на 7,89 процента над долларом нависла новая угроза.

На западных биржах начался очередной приступ валютной лихорадки. Вначале в Лондоне, а потом в Париже цена золота достигла 70 долларов за унцию. И это при официальном курсе, равном 38 долларам! Владельцы долларов спешат избавиться от ненадежных зеленых купюр с портретом Джорджа Вашингтона и приобрести взамен благородный металл, стоимость которого неуклонно поднимается. В дни, когда на валютных рынках начинается паника, правительствам западноевропейских стран ничего не остается, как ограничивать операции с долларами.

В Вашингтоне срочно принимают аварийные меры. Нет, не за счет сокращения военных расходов или прекращения вьетнамской войны. Смысл новой валютной стратегии заключается в том, чтобы заставить партнеров США взять на себя часть этих затруднений, сохранить когда-то завоеванные долларом позиции.

В международных расчетах доллар по-прежнему играет главенствующую роль. Он является основной резервной валютой капиталистического мира. Доллар приравнен к золоту. Его курс по отношению к благородному металлу держался неизменным с 1934 года до мая нынешнего года. Вместе с тем реальная покупательная способность доллара с тех пор упала в три раза, золотой запас в Форт-Ноксе — хранилище сокровищ США — сейчас значительно уступает западноевропейским. Десятки миллиардов долларов, находящихся в обращении, фактически не имеют никакого обеспечения и являются пустыми бумажками.

Существующий ныне порядок был навязан Соединенными Штатами капиталистическому миру в 1944 году на конференции в Бреттон-Вудсе, в американском штате Нью-Гэмпшир. Тогда европейские страны были ослаблены в результате войны и вынуждены были уступить нажиму США. Теперь, однако, Вашингтон уже не имеет экономических рычагов для сохранения за долларом привилегированного положения сверхвалюты. В ход пускаются рычаги чисто политические. Эмиссары Вашингтона непрерывно совершают вояжи по европейским столицам и в Токио, где настоятельно требуют любыми средствами пресечь нападения на доллар. От союзников по военным блокам требуют «атлантической» солидарности.

Пускается в ход и другой аргумент. США шантажируют своих партнеров тем, что в случае крушения доллара рухнет вся валютно-финансовая система капитализма со всеми вытекающими из этого последствиями. Европа, наводненная американскими долларами, поставила себя в определенную зависимость от валютных махинаций Вашингтона. Не обеспеченные золотом доллары между тем кочуют из банка в банк, вызывая приступы спекулятивного ажиотажа, стимулируя инфляцию. Швейцарская «Газетт де Лозанн» пишет, что «доллары блуждают по миру, как чеки без обеспечения, и такое бродяжничество, очевидно, не скоро кончится».

Тем временем цена на золото продолжает медленно, но верно ползти вверх. Заглянем в святая святых валютного рынка — «золотую комнату». Чтобы попасть в нее, нужно подняться на третий этаж банка Ротшильдов в центре лондонского Сити. Посреди комнаты шестиугольный стол и шесть кресел. По бокам столики секретарей. На стенках олеографии, изображающие монархов прошлого века. Каждое утро здесь встречаются шесть маклеров, имеющих разрешение на совершение сделок на лондонском золотом рынке. У каждого блокнот, в котором записаны поступившие со всего мира заказы на покупку и продажу золота. Именно здесь и определяется рыночная цена на сегодняшний день — 70 долларов за унцию золота — цифра, казавшаяся фантастической еще несколько лет назад.

Пытаясь воспрепятствовать повышению роли золота в международных расчетах и создать иллюзию валютных реформ, за океаном разработали систему так называемого «бумажного» золота, или СПЗ. Однако «бумажное золото» так же отличается от настоящего, как ракушки Калигулы от драгоценного металла.

СПЗ отнюдь не являются «мировой валютой». По сути дела, это сертификаты, применяющиеся для подсчета в долларах взаимного кредита стран, входящих в Международный валютный фонд. Для финансовых расчетов СПЗ не могут быть использованы.

Все попытки навести косметику на мировую валютную систему результатов не дают. Западногерманский журнал «Штерн» по этому поводу писал: «Управляющие центральных банков, подобно консилиуму врачей у постели тяжелобольного, лечат лишь симптомы болезни, но не сам недуг. Создается впечатление, что они, вместо того чтобы сбить лихорадку, стараются похимичить с термометром, дабы он не показывал высокой температуры».

Вспышки валютного кризиса учащаются и становятся более опасными. Они являются своеобразной кардиограммой, свидетельствующей о неизлечимых болезнях мира капитала, его разрушительных противоречиях.

ЖАРКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ЛЕТО

Начало см. на стр. 1.

ВОПРОС. В минувшем году Всесоюзный студенческий отряд участвовал в строительстве 28 тысяч промышленных и сельскохозяйственных сооружений, причем 13 300 из них было сдано в эксплуатацию. А что предстоит сделать в нынешний третий семестр?

Ответ. В начале третьего семестра был торжественно поднят флаг сводного строительного отряда на родине первого космонавта — в городе Гагарине, Смоленской области. Перед зданием школы, где разместились молодые строители, развевались знамена союзных республик, потому что отряд этот многонациональный: здесь студенты Москвы, Украины, Азербайджана, Латвии, Казахстана, Смоленска. Шесть летчиков-космонавтов СССР стали почетными членами отряда. В гостях у ребят побывала Анна Тимофеевна — мать Юрия Гагарина.

Бывший Гжатск, где родился и рос отважный герой космоса, должен стать красивым современным городом. Здесь будет создан мемориальный комплекс. Уже в нынешнем году студенты приступили к возведению новой школы. С будущего года начнется сооружение Дома пионеров и школьников.

Работы у ребят много, но и для отдыха время остается. Жители города по вечерам любят заглянуть на огонек к своим гостям: студенты — народ веселый, боевой. Латыши устроили в холле молодежное кафе. Москвичи, будущие авиационные инженеры, украсили свои апартаменты моделями самолетов, азербайджанцы расставили в коридорах красивые стенды, где помещены лучшие студенческие работы по общественно-политическим дисциплинам.

Над стройкой в Гагарине шефствует все наше студенчество. 6 августа состоялся воскресник Всесоюзного отряда; заработанные на нем средства пойдут на строительство в бывшем Гжатске.

В городе, носящем имя первопроходца космоса, перед началом воскресника состоялся массовый митинг, в котором приняли участие не только все строители из сводного отряда, но и местные жители. В воскреснике участвовали первый секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Е. М. Тяжельников, секретари и члены бюро ЦК ВЛКСМ, руководители партийной организации Смоленской области и облисполкома. Приехал сюда и летчик-космонавт СССР Г. С. Шонин.

Для комсомольцев большая радость — трудиться на родине Ю. А. Гагарина. Но не менее гордятся они работой на других важных для страны стройках. Где только не увидишь сегодня ребят в зеленых куртках! Их лагери раскинуты почти на всех ударных стройках, названных в решениях XXIV съезда КПСС. Студенты — среди нефтяников, мелиораторов, лесопромышленников, среди тех, кто прокладывает железнодорожные пути в глухой тайге и воздвигает энергетические гиганты на берегах северных рек. Они и на Волжском и на Камском автомобильных комбинатах.

Как и в прежние годы, весом вклад молодежи в сельское строительство. Основное внимание уделяется сооружениям, которые можно закончить в короткие сроки летних каникул. Новосибирцы, например, прибыли на далекий полуостров Таймыр и заложили звероферму в колхозе «Путь Севера» — к осени голубые песцы переберутся на «новые квартиры». В Магаданскую область прилетели три тысячи студентов из Москвы, Сибири, с Поволжья, Урала. Они участвуют в строительстве Колымской ГЭС и Билибинской атомной электростанции, работают на реконструкции золотоизвлекательной фабрики, возводят производственные и жилые здания для чукотских приисков «Полярный», «Ленинградский», для нового золото-серебряного рудника «Дукат».

Сердечно провожали жители Владивостока своих земляков и их друзей с Алтая, из Омска, Иркутска. Все они — две с половиной тысячи человек — отправились на остров Шикотан. Там напряженная пора — идет сайра и скумбрия. Путина богатая: рыбы много, нужно помочь рыбакам...

Словом, трудно сейчас отыскать отрасль народного хозяйства, где не трудились бы студенты.

А девушки? Ведь они тоже рвутся в отряды. Как наиболее целесообразно использовать их энергию? Жизнь подсказала: самое лучшее — это направлять студенток на работу в сфере обслуживания, на транспорте, в медицине. Такие отряды с каждым годом набирают темпы и приобретают немалую популярность у самих студенток и у населения.

ВОПРОС. Трудовой семестр проходит в дни, когда весь Советский Союз живет подготовкой к своему большому юбилею. И Всесоюзный студенческий отряд 1972-го носит обязывающее имя — 50-летия СССР. Как это сказывается на особенностях его работы?

Ответ. Уже в самой географии студенческих строек ответ на ваш вопрос. Многонациональные отряды молодых работают во всех союзных республиках.

Студенты Молдавии отправились и в Казахстан, и на Алтай, и в Пермскую область, где сортируют лес, сплавляемый по Каме. Уже седьмой раз молдаване проводят лето в Кзыл-Ординской области. В этом году они здесь помогают строить инженерные системы на рисовых полях, воздвигают животноводческие фермы, дома, школы, клубы. Кроме молдаван, в Казахской ССР работают русские, белорусы, грузины, азербайджанцы. Тысяча минчан приехала в колхозы и совхозы Уральской области. С тружениками этой области их связывает давняя дружба, многие поселки здесь — их помогала возводить минская молодежь — носят имена белорусских городов... А 16 тысяч студентов Украины на лето переселились в Тюменскую область.

Сейчас по городам и селам страны идет агитпоход студентов, посвященный 50-летию образования Союза ССР. Юноши и девушки рассказывают рабочим и сельским труженикам о ленинских принципах национальной политики, об их воплощении в жизнь, об истории своих республик, расцвете культур разных народов. Эти лекции сопровождаются самодеятельными концертами.

Вся деятельность стройотрядов проходит ныне под девизом «50-летию СССР — наш ударный труд». Студенты участвуют в социалистическом соревновании коллективов строек, предприятий, колхозов, вносят посильный вклад в выполнение их обязательств, принятых к юбилею. Сильно помогает молодым их неуемная энергия, новаторская жилка. Конечно, нельзя сказать, чтобы студенты совершали какие-то выдающиеся открытия, но их работа по модернизации оборудования, их скромные рационализаторские предложения тоже дают немалый эффект.

Стоит, пожалуй, упомянуть и о том, что уже вошло в традицию выдавать гарантийные паспорта на те дома, постройки, фермы, школы, которые сооружены руками молодых и признаны лучшими.

ВОПРОС. Владимир Андреевич, расскажите, пожалуйста, о воспитательном значении третьего семестра, о том, как он влияет на становление характера будущего специалиста и гражданина.

Ответ. В своей речи на Всесоюзном слете студентов Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев так определил значение строительных отрядов: «Это — такая форма выявления и мобилизации энергии студенчества, его активности, которая, по-моему, полностью отвечает и потребностям нашего времени, и запросам самой молодежи».

Собственно, третий семестр потому и получил свое название, что он продолжает — только уже иными средствами — воспитательный процесс в институтах. И в этом отношении его значение поистине неоценимо. В высшей школе студента учат мыслительной деятельности, учат теоретически осмысливать действительность, дают ему знания по определенной специальности. А в строительном отряде студент познает жизнь, познает ее не умозрительно, не созерцательно, а практически, участвуя в ней своим трудом. Здесь он обретает рабочую профессию, учится строить отношения в коллективе, опираясь на принципы коммунистической морали. Здесь студент узнает и вес колоса, и шероховатость кирпича, и тяжесть бетона...

Работали ребята все лето, а когда пришла пора уезжать, видят: стоит сельская школа, возведенная их руками, и бегут в нее, весело размахивая портфелями, детишки... Знаете, какую гордость вселяет в юного человека ощущение: «Да, это я укладывал кирпичи нового цеха, это я строил дом, куда теперь с такой радостью въезжают новоселы, это я украшаю нашу землю... Значит, я чего-то стою, значит, работа моя и моих товарищей нужна людям, обществу». Так зреет в завтрашнем специалисте гражданственность.

Летний труд способствует развитию и организаторских навыков. В отряде все вопросы производственной, общественно-политической работы, внутренней жизни, дисциплины решают сами студенты. Таким образом, человеку здесь дают полную возможность проявить свою инициативу, энергию, принципиальность, способности организаторские и творческие. Важно и то, что участники трудового семестра частенько сами становятся воспитателями. Студенты организуют консультационные пункты, готовя сельскую молодежь к поступлению в институты. Немало юношей и девушек, подготовленных таким образом, например, в Горьковской и Ростовской областях, успешно выдержали экзамены в вузы.

Очень популярны в селах пионерские лагеря-спутники, создаваемые студентами. Нередко стройотряды опекают подростков, которые состоят на учете в детских комнатах милиции. Юные наставники проявляют к ним максимум доверия, тактично, неназойливо контролируя их, делят с ними радости и трудности.

От такого уважительного отношения мальчишки проникаются чувством собственного достоинства, гордятся «взрослой», настоящей работой. А кроме того, им просто интересно с молодыми воспитателями. Ну, кому не понравятся, скажем, конкурсы на лучшего плотника или штукатура? Призы здесь необычные, с выдумкой. Каменщику экстра-класса, например, вручается увесистый кирпич производства местного завода, кирпич, испещренный шутливыми изречениями и автографами коллег.

Живут школьники вместе со старшими товарищами в палатках. А вечерами отдыхают вместе со всеми у костра и поют под гитару песни, в которых есть хорошие слова: «Иностранное слово «романтика» здесь по-русски звучит — работа». Все это, естественно, очень импонирует подросткам. Два месяца, проведенные со студентами, не проходят для них бесследно. Учителя утверждают, что ребята, побывавшие в стройотрядах, заметно выправляются — лучше учатся, строже соблюдают дисциплину. Студенты продолжают следить за ними и зимой.

Так работа в строительных отрядах формирует юных граждан Страны Советов, которые с гордостью осознают свою причастность к созидательной жизни общества, ощущают ответственность не только за настоящее, но и за будущее своей Родины.

Молодежь хорошо помнит ту высокую оценку их деятельности в строительных отрядах, которую дал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев: «Работа этих отрядов лишний раз доказывает, что участие студента в общественной жизни — это не игра в самостоятельность, а полнокровная, практически полезная деятельность, которая много дает молодому человеку, развивает чувство ответственности, приносит признание общества. Свидетельством тому ордена и медали, которыми за ударный труд, за успехи в учебе, в науке только в этом году награждено пятьсот студентов».

Сегодня, 26 августа, в Мюнхене дается старт XX Олимпийским играм. В шестой раз примут участие в этих крупнейших соревнованиях нашего времени и советские спортсмены. В Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио и Мехико они добились многих замечательных побед: 685 спортсменов СССР стали олимпийскими призерами. Побед вам, дорогие друзья, и в Мюнхене!

Священная традиция наших олимпийцев. На Красную площадь, к Мавзолею Ленина перед отъездом пришли баскетболисты и волейболисты.
Фото А. Бочинина.

СЧАСТЛИВЫХ СТАРТОВ, ОЛИМПИЙЦЫ!

ВЛАДИМИР КИРШОН

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Советские драматурги двадцатых годов были истинными первооткрывателями новой эпохи в театральном искусстве. Маяковский, Билль-Белоцерковский, Ромашов, Лавренев, Всеволод Иванов, Афиногенов, Киршон, Вишневский, Погодин и другие — вот люди, на долю которых выпала тяжелая, но благородная задача: искусством театра воспламенять сердца миллионов зрителей на новые революционные свершения. На долю этих драматургов выпала честь вызвать к жизни в искусстве театра доселе неизвестные в истории человечества конфликты и образы людей, столкнувшихся в смертельной схватке классовых битв и победивших в этой великой битве!

Героями новых пьес и спектаклей стали рабочие люди, фабзавкомовцы, комсомольцы, молодые инженеры — образы людей, не только мечтающих о будущем, но и творцы этого будущего.

Во всех пьесах Владимира Киршона, во всех без исключения, есть пафос революционного строительства. Киршон — один из первых открывателей нашей революционной, пролетарской драматургии.

Перечитывая сегодня пьесы Киршона, можешь наряду с художественными достоинствами заметить иной раз и некоторое несовершенство в том или ином его произведении. Но главное — это целеустремленность творчества Киршона, его позиция революционного художника, его горячее стремление отразить в драматургии те неповторимые новые качества в психологии людей, в характере людей, которые вызваны к жизни Великой Октябрьской революцией.

«Рельсы гудят», «Город ветров», «Хлеб», «Чудесный сплав», «Большой день» и другие — вот названия пьес, которые вошли в нашу литературу как боевое оружие революционного искусства.

«Пьеса В. М. Киршона «Чудесный сплав» ценна для нас не только благодаря своим литературным, драматургическим достоинствам и идеологической четкости в раскрытии темы — эта пьеса представляет собой также превосходный материал для развития актерской техники»,— так говорил В. И. Немирович-Данченко.

Многие из нас не только из рецензий знают спектакли по пьесам Киршона, шедшие на многих сценах театров России и наших республик в двадцатые и тридцатые годы, но и мы сами не раз бывали свидетелями большого, истинного успеха драматурга и театра у широкого зрителя.

Секрет успеха драматургии Киршона заключается и в его мастерстве драматурга и в глубоком раскрытии им темы современности.

«Можно сказать, что у нас образовалась брешь,— говорил А. В. Луначарский о пьесе «Суд».— В нашем здании советской драматургии оказалась зияющая пустота — отсутствие отражения хотя бы важнейших элементов борьбы наших братьев на Западе. Тов. Киршон с мужеством, достойным всякой похвалы, так сказать, закрыл эту брешь своей грудью».

Эти слова А. В. Луначарского говорят еще и о том, что партия и правительство придавали огромное значение идеологической заостренности драматургии и театра, их роли в деле воспитания масс в борьбе за великие социальные переустройства.

В соотношении личного и общественного в характерах и поведении главных действующих лиц в современной драматургии и в драматургии В. Киршона всегда брало верх общественное. Поэтому на фоне извечных конфликтов драматургии и театра конфликты пьес двадцатых и тридцатых годов звучали как новаторские. И, как обычно все новое, для обывателя это считалось посягательством на вечно прекрасное в искусстве театра. А подавляющее большинство нашего нового зрителя новую драматургию и новый театр принимало с восторгом, потому что театр отображал современную жизнь борющегося народа.

Если в искусстве театра не происходит вечного обновления, нет вечного поиска все новых и новых средств выражения, то, безусловно, происходит застой. Но ни при каких случаях нельзя забывать о социальном звучании театральных произведений, ни в коем случае нельзя забывать, что театр — это великая школа жизни. А если школа — значит воспитатель характеров, воспитатель масс!

От вечного движения, от вечных поисков нового, к сожалению, некоторые художники устают. И порой тихие уголки жизни, где нет больших столкновений и процессов преобразования, воспроизведенные в сценическом искусстве, звучат «мило» и ласкают слух обывателя. И поэтому иной раз старое, истрепанное в искусстве театра выползает под маркой «новаторства».

Перечитывая пьесы драматургов двадцатых годов и среди них пьесы В. Киршона, невольно приходишь к той мысли, что было бы справедливым, чтобы каждый наш театр сегодня осуществил на своей сцене в году хотя бы один спектакль по этим пьесам, чтобы наш широкий зритель всегда помнил не только через историю, но и через искусство, какая жестокая борьба шла за становление нашей новой жизни! И, конечно, пьесы Владимира Киршона в этом случае, безусловно, заняли бы почетное место в репертуаре театров.

Георгий МДИВАНИ

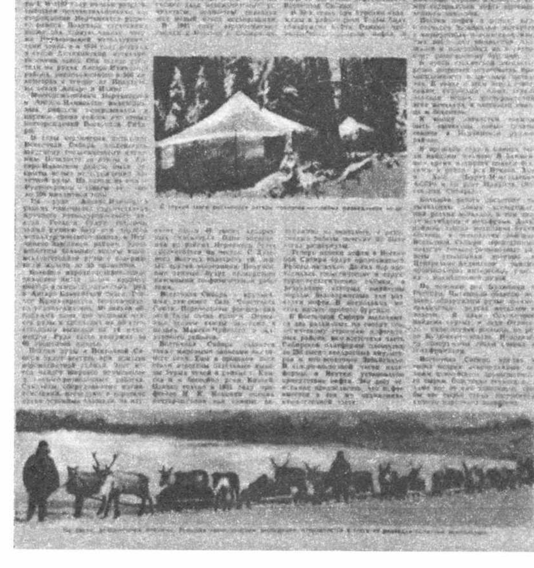
СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

1946 год. В № 40 «Огонек» рассказывал: в Сибири на ее огромных просторах будут продолжены поиски нефти и других полезных ископаемых, начатые сразу после установления Советской власти. Теперь мы знаем, чем увенчались эти поиски,— САМОТЛОР, УРЕНГОЙ, МАМОНТОВСКОЕ — УСТЬ-БАЛЫК... Грандиозные залежи ценнейшего топлива и промышленного сырья. Лучшие геологи — из Азербайджана, Татарии, Поволжья, Башкирии, Белоруссии, Украины — почти из всех республик страны помогали осваивать этот край. А что дальше! Не может быть, чтобы Сибирь уже открыла все свои богатства. И геологи снова идут в тайгу и тундру... Наш сегодняшний разговор — о поисках завтрашнего дня.

Корреспондент журнала «Огонек» Ю. Лушин беседует с известными геологами страны — директором Института геологии и геофизики СОАН, Героем Социалистического Труда академиком Андреем Алексеевичем Трофимуком и одним из первооткрывателей сибирской нефти, главным геологом «Главтюменьгеологии», Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии Фарманом Курбановичем Салмановым.

ПОИСКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Корреспондент. В нефтяной и газовой промышленности довести в 1975 году добычу нефти до 480—500 миллионов тонн и газа — до 300—320 миллиардов кубических метров — так сказано в Директивах XXIV съезда КПСС. Понятно, что вы, геологи, занимаетесь не добычей, а разведкой запасов, прогнозами, но от вас в первую очередь зависит, чтобы эти цифры стали реальностью. Не так ли?

А. А. Трофимук. Разумеется, здесь существует прямая взаимосвязь. Если ученые не дадут верный прогноз, а геологи не оправдают его своими поисками, разведкой, то что же тут планировать? Геологи Западной Сибири сейчас, по существу, работают впрок, в счет будущего, в счет десятой пятилетки. Я не ошибаюсь, Фарман Курбанович?

Ф. К. Салманов. Нет, нет, все правильно. Мы действительно работаем на будущее. Причем некоторые разведанные нами месторождения еще не осваиваются. Это объясняется тем, что промышленности выгодно брать в первую очередь высокодебитные месторождения, выгодно, чтобы каждая скважина давала как можно больше нефти. Поэтому нефтедобытчики сразу же ушли на Самотлор и не стали в этой пятилетке вводить в эксплуатацию часть месторождений Сургутского свода в районе Мамонтовского — Усть-Балыка, например. Это не значит, что там нефть хуже, просто там ее меньше, хотя месторождения тоже богатые. Но в данной ситуации добыча этой нефти обошлась бы дороже, чем на Самотлоре, зато со временем, когда разовьется энергетика, будут построены дороги, новые трубопроводы, города, поселки и тому подобное, придет черед и других месторождений. Это тоже своеобразный задел на будущее.

Корреспондент. Не так давно на севере Тюменской области, в Уренгое, собрались видные геологи страны — из Москвы, Ленинграда, Тюмени, Новосибирска. Главной темой совещания стал вопрос, есть ли нефть на Крайнем Севере на больших глубинах, на глубинах свыше 3,5—4 километров. Некоторые теоретики считают, что эти условия неподходящи для образования нефти. Слушая ваши выступления, я понял, что у вас другая точка зрения — северная нефть на больших глубинах есть. На чем основано ваше убеждение?

А. А. Трофимук. С тех пор, как открыли нефть в Приобье, а газ — на севере, теоретики стали искать причины и объяснения этим обстоятельствам. Почему природа распорядилась именно так, а не иначе? Некоторые объясняют это тем, что пласты с нефтью, образовавшейся в процессе переработки органических веществ в незапамятные времена, опущены на севере на бо́льшую глубину, чем в Приобье, на глубину 4—5 километров. И вот здесь-то под действием высоких температур и давления нефть превратилась в газ. Если согласиться с этим, то на севере просто больше нечего искать, все найдено. Но в том-то и дело, что газ своим составом, содержанием в нем изотопов и другими качествами как раз и не подтверждает своего глубинного происхождения, а свидетельствует о другом: о том, что он возник из окружающих пород. А раз так, то и ниже, на больших глубинах, должен быть какой-то продукт переработки, предположительно газоконденсат и нефть. Получается как бы три этажа на одном и том же месторождении. Верхний этаж — газ, средний — конденсат, нижний — нефть. Причем если бурить еще глубже, то где-нибудь в районе семи тысяч метров должна быть обратная, зеркальная картина — нефть, конденсат, а еще глубже — газ. И если наши надежды, например, здесь, в Уренгое, оправдаются — а все предпосылки ведут к этому,— то ценность месторождения возрастет многократно...

Ф. К. Салманов. Кстати, практика начинает подтверждать теорию: второй этаж уже найден, получен газ с конденсатом на целом ряде скважин. Вы видели это собственными глазами, когда летали на буровую номер 58 в Уренгое. Помните? Теперь геологи, испытав скважину, продолжают бурить глубже, надеясь встретиться с нефтью.

Корреспондент. На совещании вы, Фарман Курбанович, выражая надежду, что на больших глубинах севера Тюменской области должна быть нефть, с другой стороны, говорили, что эти самые глубины исследованы крайне слабо. Не противоречите ли вы здесь сами себе?

Ф. К. Салманов. Видите ли, академик Иван Михайлович Губкин предсказывал нефть за Уралом, когда в этих местах вообще не было ни одной скважины, и, как известно, не ошибся. И я говорил это лишь для того, чтобы стало понятно, какая ожидает нас громадная работа. В текущем пятилетии в северных районах области предусмотрено прирастить миллионы тонн нефти. Поэтому основные объемы глубокого бурения мы сосредоточим на площадях с установленной нефтегазоносностью — Уренгойской, Арктической, Медвежьей, Вынгапуровской, но будут исследоваться и новые площади. Пятьсот тысяч метров скважин, которые мы планируем пробурить, кое-что добавят, я думаю.

А. А. Трофимук. А потом не надо забывать, что общие закономерности залегания нефти и газа по вертикали, в том числе и на больших глубинах, давно определены. Вот они как раз и подсказывают: нефть у нас на севере есть. Большая нефть.

Корреспондент. Я записал одну фразу из доклада: «Планируется бурение нескольких параметрических скважин глубиной 4—5 километров». Что это значит?

Ф. К. Салманов. Это значит, что такая скважина позволит нам разглядеть интересующие нас глубины земли примерно так же, как рентгеновский аппарат позволяет врачу увидеть тайны человеческого организма, скрытые от глаза. Параметрическая скважина бурится как обычно, но только гораздо чаще отбирается керн — проба с интересующих геолога горизонтов. Она не рассчитана специально на открытие нефти, или газа, или других полезных ископаемых, но зато дает неоценимую информацию о том, где и как искать нефть, газ. Вот и все.

Корреспондент. В Уренгое, столице сибирского газа, у меня создалось впечатление, что о газе говорилось как о второсортном продукте. Вот нефть — это да, конденсат — сжиженные компоненты попутного газа — уже так себе, а о газе — почти ничего...

Ф. К. Салманов. Нет, ваше впечатление в корне неверно. Уренгой — действительно месторождение, которому в мире нет равных, запасы которого исчисляются не миллиардами, а триллионами кубометров газа. Подумайте только — триллионами. Знаете, до какого года мы можем не беспокоиться о газе? По крайней мере до 2000-го. Между прочим, если перевести на условное топливо те миллионы кубометров газа, что дает только одна скважина Уренгоя, то окажется, что она заменяет целую угольную шахту с годовой производительностью в два миллиона тонн. И все равно наряду с поисками нефти разведка залежей газа будет продолжена. В этой пятилетке, например, планируем прирастить его запасы еще почти на три триллиона кубических метров...

А. А. Трофимук. А что такое, кстати, конденсат? Это же ценнейший продукт, одна тонна которого заменяет три-четыре тонны

нефти, это — великолепное сырье для нефтехимии. Причем в недрах Тюменской области его запасы огромны. Геологи в нашей стране еще не сталкивались с таким явлением, поэтому сейчас возникла целая проблема — как использовать конденсат. У нас нет еще конденсатной промышленности, но ее нужно и должно создавать. И уж если зашла речь о нефтехимии, то можно выразить лишь сожаление по поводу того, что запланированное строительство центров нефтехимии в Тобольске и Томской области развивается очень медленно. Надо бы побыстрее. Сейчас многие миллионы кубометров попутного газа бесполезно теряются и попросту сжигаются. А ведь только на этом газе может работать по меньшей мере целый перерабатывающий завод.

Корреспондент. Вернемся, однако, к проблемам северной нефти. Если и дальше говорить о ней, то готовы ли мы к поиску и добыче ее в шельфах — технически и психологически,— учтя льды, девять месяцев зимы и все трудности, связанные с этим? Или говорить об этом пока преждевременно?

Ф. К. Салманов. Почему преждевременно? Специалисты в настоящее время считают, что на шельфах сосредоточено не менее четвертой части всех запасов нефти и газа в стране. Одно это заставляет уже сегодня серьезно думать над тем, как вести разведку в прибрежных водах. Все-таки это Крайний Север, а не Каспий. Мы планируем бурение на островах в море, но в самое ближайшее время на шельфы вряд ли выйдем. И не потому, что нас сдерживает какой-то психологический фактор, нет. В конце концов пионерами морской разведки являемся мы, советские геологи. Но дело тут не в этом. Еще далеко не все возможности Западной Сибири исчерпаны. В ее северных районах нас ждут неисследованные просторы, которые скрывают не найденные пока богатства. Но мы доберемся и до шельфов, дайте срок...

А. А. Трофимук. Думаю, что в ближайшем будущем шельфы на севере не представят технических трудностей. Попытаюсь нарисовать вам картину этого будущего, как я ее представляю...

Гигантские подводные танкеры, вероятнее всего, с атомным двигателем, плывут под водой. Им не страшны ни северные льды, ни бури, ни морозы. Они плывут к промыслам, расположенным на дне моря. Тут же, на дне, автоматы ведут бурение. Другие автоматы наполняют подводные танкеры нефтью... Для современной науки и техники в этой картине ничего невероятного нет. Так будет.

Корреспондент. К концу пятилетки Западная Сибирь должна дать стране 120—125 миллионов тонн, в 1980-м — 230—260 миллионов тонн нефти. Даже человека, далекого от экономики, эти цифры не могут не взволновать. Ведь во всем Советском Союзе в 1970 году было добыто 353 миллиона тонн нефти. Какие перспективы в этом отношении у районов Восточной Сибири, Якутии?

А. А. Трофимук. Самые радужные. Нет никакого сомнения в том, что геологи в ближайшее время откроют там крупные запасы нефти и газа. Собственно, в Якутии уже есть большой газ, в районе Норильска — тоже, есть два нефтяных фонтана на севере Красноярского края — это первые ласточки. Я считаю, что между Енисеем и Леной лежит крупнейшая нефтегазоносная провинция, которая по своим запасам, видимо, превысит богатства Западной Сибири, во всяком случае, будет не менее щедра. Повторяю, перспективы самые радужные, хотя Восточная Сибирь исследована крайне слабо.

Корреспондент. Мне приходилось слышать от геологов, которые занимаются изучением Восточной Сибири, что разведка в этих районах, в частности, в Красноярском крае, будет беспроигрышна, что в недрах здесь представлена едва ли не вся таблица Менделеева и что по разнообразию богатств Восточная Сибирь не идет ни в какое сравнение с Западной...

А. А. Трофимук. Вполне разделяю их оптимизм. Восточные районы ожидает великое будущее. И чем быстрее мы развернем там разведку в широких масштабах, тем скорее оно придет.

На буровой.

Фото Г. КОПОСОВА.

ГЛАЗА ПАМЯТИ

Светлана **РЯБИКИНА**

От Керчи до Аджимушкая всего несколько километров. Солнце припекает серую землю, пыль на дороге, траву на обочинах. Меловые домики поселка. Недалеко от него вход в легендарные Аджимушкайские каменоломни.

В этом году исполняется тридцать лет уникального в истории Великой Отечественной войны события — героической, почти полугодовой обороны Аджимушкайской цитадели, которую называют подземным Брестом. 170 дней — с мая по октябрь 1942 года — защищали советские люди крепость под землей Аджимушкая, находившуюся тогда во вражеском тылу.

Темнота. Не хватало воздуха: фашисты душили газами. Не было воды: взорваны колодцы. Без хлеба и медикаментов. Гибли от голода, болезней, обвалов. Не было даже возможности хоронить погибших — их засыпали камнями. Но тысячи людей жили и воевали в каменном подземелье. Устраивали вылазки. Оставшиеся в живых снова шли в бой.

Никогда не забуду первой встречи с защитником Аджимушкая. Его взгляд мужествен и упрям. Усталое лицо изнуренного, но не отчаявшегося человека. Под расстегнутым ватником — полоски тельняшки. Морской пехотинец. Один из тех, кого немцы прозвали в войну «черными дьяволами».

Его портрет висит в мастерской заслуженного художника РСФСР Николая Яковлевича Бута. Рядом с портретом — этюды. Здесь, в мастерской, находится только небольшая часть его аджимушкайских работ. Остальные — в Керчи. Там его картинная галерея «Герои Аджимушкая». Там сорок картин и свыше десяти лет работы.

Художник приехал в Керчь в начале лета, когда свежий солоноватый воздух с пролива начинает смешиваться с настоянным на полыни терпким воздухом крымских степей.

Ему понравилось в городе. Понравились тихие, зеленые улицы и мягкий овал Керченского пролива, легкий росчерк кранов в порту. Но он ждал встречи с Аджимушкаем. Ждал ее давно. Еще в конце войны как-то случайно на обрывке газеты прочитал он страшное и беспощадное стихотворение Ильи Сельвинского. Надолго запало в память краткое предисловие.

«Посвящаю воинам,— писал поэт,— прикрывавшим отход наших войск из Крыма в 1942 году. Окруженные неприятелем, ушли они в Аджимушкайские подземелья и предпочли медленную смерть немецкому плену. Мы нашли их скелеты, когда высадили десант на Керчь и захватили каменоломни. Я ходил среди них и вглядывался в их глазницы. Я когда-то видел их живыми. Я пожимал когда-то их руки. Вот эти руки. Руки, которые спасли жизнь мне и моим товарищам».

Тогда начинающему художнику было всего «шестнадцать мальчишеских лет», и он только готовился к поступлению в художественное училище. Прошли годы. Николай Бут стал зрелым художником, закончил серию работ, посвященных Брестской крепости, десятки картин об истории Великой Отечественной войны.

И вот теперь — Керчь, кочковатая, спекшаяся аджимушкайская земля. Лиловыми свечками пламенеют махровые цветы будяка у входа в каменоломни.

Он спустился вниз по откосу из мелких камней. Обдало сыростью и холодом. Несколько шагов — и гулкая, давящая тишина. Приходится зажигать фонарь и двигаться за его узким лучом в подземную пещеру. Поворот за поворотом уводят в глубь каменных коридоров. Стены их мокрые, липкие, местами сплошь покрыты воронками от выстрелов. Он спотыкается о камень, ищет фонарем место, куда поставить ногу, и невольно замирает сердце: кругом человеческие кости.

Да... Еще раз вспомнилось все, что удалось узнать о защитниках Аджимушкая. Тогда под землей это с особенной силой предстало воображению, возникли первые замыслы.

О многом он тогда передумал. Может, только не думал, что на работу уйдут годы, не предполагал, как крепко он полюбит священные камни Аджимушкая. И та расщелина, где он спустился под землю, станет его постоянной «полуподземной» мастерской, где, приезжая ежегодно в Керчь, он жадно работает, не пропуская ни одного дня.

Аджимушкай захватил художника. Он не ограничился серией картин «Опаленный Аджимушкай». Не исчерпывались образы, композиции. Число работ росло. Передвижная выставка «Герои Аджимушкая» обошла многие города и пользовалась большим успехом. На ее основе и возникла картинная галерея. Когда будет создан Аджимушкайский мемориальный комплекс, галерея станет его частью, а пока она разместилась в залах Керченского историко-археологического музея. Она достопримечательность города.

В залы, где висят полотна, ведет каменная лестница. Вдоль нее, как безмолвные часовые, застыли принесенные из каменоломен плиты ракушечника. От картины к картине погружаешься в живописную летопись Аджимушкая, каждая из них как остановленное навечно мгновение его обороны.

Мы видим, как солдаты подземного гарнизона ходили в атаки, охраняли свои позиции, лечили раненых, хоронили погибших и расстреливали трусов, как сражались до последней гранаты. При этом художник стремился показать защитников каменоломен крупным планом, высветить их из прошедших событий и уходящего времени.

Даже вынужденные уйти под землю, они чувствовали себя ее хозяевами. Они не теряли морального облика советского человека, жили по законам советского строя. Сейчас установлены фамилии, стали известны судьбы некоторых героев.

В партийном билете Степана Чебаненко, который погиб в Аджимушкае, когда ему было 28 лет, нашли записку: «К большевикам и ко всем народам СССР. Я не большой важности человек. Я только коммунист — большевик и гражданин СССР. И если я умер, так пусть помнят и никогда не забывают дети, братья, сестры и родные, что эта смерть была борьбой за коммунизм, за дело рабочих и крестьян... Война жестока и еще не кончилась. А все-таки мы победим!»

Эти слова были тогда, наверное, в мыслях многих аджимушкайцев. Были их клятвой, их верой. О них думаешь, когда смотришь на картины «Солдаты подземного гарнизона», «Защитники», «Аджимушкайцы», на портреты политрука, офицера морской пехоты, пограничника...

Портреты воевавших в каменоломнях, за исключением организатора обороны полковника П. М. Ягунова, подполковника Г. М. Бурмина, старшего батальонного комиссара И. П. Парахина и других, не конкретны. Это образы, и за каждым из них стоят десятки, а может, и сотни реальных людей.

Художник понимал свою ответственность, ведь портрет — это своеобразный документ эпохи. По нему судят о целом поколении. Внешняя достоверность должна убедительно сочетаться с «пропорциями духа».

И это удалось художнику. Удалось потому, что его работы не оставляют никого равнодушными. Люди смотрят на них, как в глаза памяти.

«Себя я увидела в «Аджимушкайской «Аленушке»,— написала в книге отзывов женщина из Севастополя.

На этой картине изображена девушка с санитарной сумкой на боку, задумавшаяся в минуту короткого отдыха, склонившая голову, как васнецовская Аленушка.

«Героев Аджимушкая» невозможно смотреть без волнения. Они берут за сердце людей разных возрастов, профессий, людей разной судьбы. Я видела, как мужчина лет пятидесяти долго стоял у портрета матроса, вглядываясь в его потемневшее лицо. А притихшие мальчишки не раз подходили к картине «Детство, опаленное войной».

Уходя из галереи, посетители оставляют частицы своего волнения записями в книге отзывов. Вот некоторые из них:

«Пришел спокойный, а ушел потрясенный. Спасибо Буту».

«Перед каждой картиной нужно снять шапку ради светлой памяти героев Аджимушкайских каменоломен, живых и мертвых, поклониться искусству художника, он достоин этого».

В полотнах картинной галереи сплелись воедино историческая правда и страстность художника. Она — во внутренней насыщенности полотен и в сильных, темпераментных мазках живописца.

Николай Яковлевич Бут сроднился со своими героями, много раз мысленно прошел их судьбой, пережил мучения израненной керченской земли. Тогда, три десятилетия тому назад, весной тысячи людей спустились под землю. И ушли в вечную память.

«Герои Аджимушкая» как глаза этой памяти, которые никогда не закрываются.

Н. Бут (Москва). МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ ИЗ АДЖИМУШКАЙСКИХ КАМЕНОЛОМЕН.

Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

Ю. Трузе (Москва). ПОРТРЕТ ГЕРОЯ МАЛОЙ ЗЕМЛИ В. КАЙДА.

ОГНИ КАРЛОВАРСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Редакция обратилась к генеральному директору студии «Мосфильм» Н. Сизову, возглавлявшему советскую делегацию на Карловарском фестивале, с просьбой подвести итоги большого творческого киносмотра.

— Я рад сообщить читателям «Огонька», что главная победа одержана на XVIII Международном кинофестивале в Карловых Варах летом нынешнего года **советской кинематографией.**

«Гран-При» фестиваля «Большой хрустальный глобус» по решению жюри вручен фильму «Укрощение огня» Даниила Храбровицкого. Кстати сказать, «Мосфильм» имеет еще одну такую же награду, полученную в Карловых Варах десять лет назад, в 1962 году. Тогда «Большим хрустальным глобусом» была отмечена картина М. Ромма и Д. Храбровицкого «Девять дней одного года».

Очередной фестиваль принес «Укрощению огня» также премию «ЮНИАТЕК». Эта международная киноорганизация рассматривает все фильмы, представленные на соревнование, с точки зрения технического совершенства. Разумеется, столь высокое признание производственных качеств и всей вообще чисто профессиональной работы советских кинематографистов опять-таки не может не радовать наш коллектив...

И еще одну премию получил фильм «Укрощение огня» — она присуждена творческим союзом киноработников Чехословакии, которые за время фестиваля и на пресс-конференциях и в печати не раз выражали свое горячее восхищение новаторской сутью советской картины: отточенностью формы, народностью и революционностью содержания.

Советские кинематографисты получили возможность продемонстрировать в Карловых Варах в день открытия XVIII фестиваля два фильма из эпопеи «Освобождение», созданной режиссером Ю. Озеровым: «Битва за Берлин» и «Последний штурм». Картины эти, хоть и были показаны вне конкурса, тоже удостоились премии. Она была присуждена авторам киноэпопеи по решению общества чехословацко-советской дружбы.

И, наконец, еще одна работа «Мосфильма», картина «Солярис» А. Тарковского, прошедшая на внеконкурсном экране фестиваля, награждена премией Международной ассоциации киноклубов.

Кроме этих фильмов, публика с большим интересом смотрела в Карловых Варах внеконкурсные советские картины: «Комитет девятнадцати», «Белая птица с черной отметиной», «Алые маки Иссык-Куля», «Игрок», «Руслан и Людмила»...

Очень оживленно и содержательно прошла в рамках фестиваля привезенная нами киноретроспектива, посвященная творчеству режиссера Михаила Ромма.

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить, что среди тридцати пяти стран мира, участвовавших в важнейшем киносмотре года, кинематограф советской страны предстал и на конкурсном показе и на внеконкурсных просмотрах как могучее искусство — масштабное по тематике и вместе с тем весьма разностороннее по воплощению... Наши фильмы с несомненностью подтвердили жизненную силу творческого метода социалистического реализма, притягательность коммунистических идей, воодушевляющих советских художников кино.

Мне хочется подчеркнуть, что организация и все устремления Карловарского фестиваля в целом имели в нынешнем году отчетливо выраженный прогрессивный характер.

Своей важнейшей целью фестиваль ставил привлечение таких фильмов, которые прежде всего способствовали бы развитию общественной миссии кинематографа, разработке актуальных проблем современности средствами искусства кино.

Следуя своему девизу «За благородство во взаимоотношениях между людьми, за вечную дружбу народов», XVIII Карловарский фестиваль отметил премиями и призами фильмы Японии, Италии, Польши, ГДР, ЧССР, Болгарии и других стран... На мой взгляд, наиболее серьезными и интересными были антимилитаристский политический фильм «Под знаменем восходящего солнца» японского режиссера Кинджи Фухасаки по сценарию Кането Синдо и «Такая странная любовь» итальянца Альберто Бевилаква — картина, предупреждающая об опасности возрождения фашизма, о позоре нравственной капитуляции перед соблазнами «сладкой жизни»... Социальным характером привлекали также английский фильм «Семейная жизнь» режиссера Кеннета Лоуча, индийский фильм «Интервью» Мринала Сена и многие другие картины.

Правда, фестивальный экран в то же время все-таки не обошелся, к сожалению, без картин малозначительных, а то и совсем ничего не говорящих о жизни народа и человека, пустопорожних, вроде канадского фильма «Шалопай» или французского «Рак»... Не совсем правомерным, по нашему мнению, было включение в фестивальную программу картин «Бак и проповедник» (США), «Цофф» (ФРГ), «Ангелы и херувимы» (Мексика), «Слово о любви» (Бельгия).

Духовность, глубина психологии в отношениях героев здесь подменены чувственностью, сексом, обывательским безразличием к жизни людей.

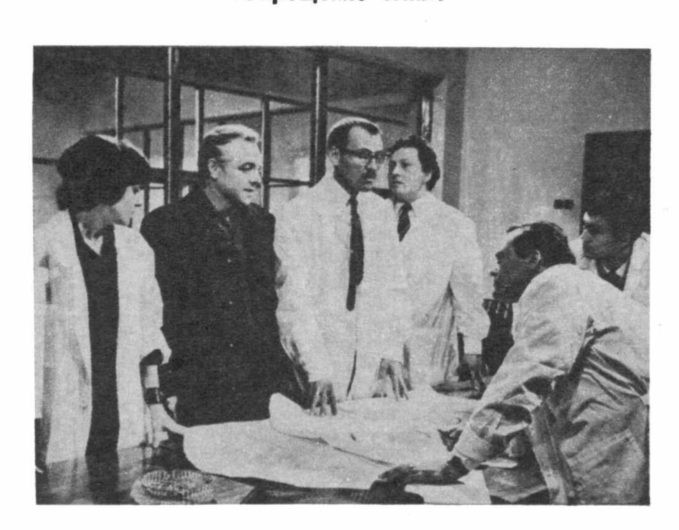
Но, повторяю, отнюдь не эти фильмы определяли облик фестиваля, все в целом его звучание. И тут нельзя не отметить поистине радующую, большую удачу **чехословацкого** кинематографа.

Работа братиславской студии «Колиба» — фильм «Парни что надо» — работа поистине отличная! Она по заслугам получила одну из главных наград фестиваля; жюри вручило ее режиссеру Йозефу Режуху.

Порадовал нас и творческий успех чешского режиссера Иво Томана, который в своем фильме «Дороги мужчин», возвращаясь мыслью к тяжким событиям 1968—1969 годов, убежденно и твердо говорит об антинародном, вражеском характере кровавой банды заговорщиков, пытавшихся столкнуть страну с пути социалистического развития... Дорогой смелых, дорогой мужчин идут настоящие люди из народа, в их числе обаятельный лейтенант Ланька, великолепно сыгранный артистом Карелом Глушичко.

С уважением назову я картину корейских кинематографистов «Цветочница» и особенно картину «Родной край», сделанную в ДРВ режиссером Буи Дин Га. В труднейших прифронтовых условиях снимался этот фильм, позволяющий живо ощутить мужество и героизм вьетнамских патриотов в борьбе против американской интервенции.

Для меня как нечто единое предстал полыхающий огонь этой освободительной патриотической борьбы Вьетнама и огонь, вызванный к жизни, к великому созиданию Будущего советскими людьми, покорителями космоса... И это было, пожалуй, самым сильным впечатлением Карловарского фестиваля.

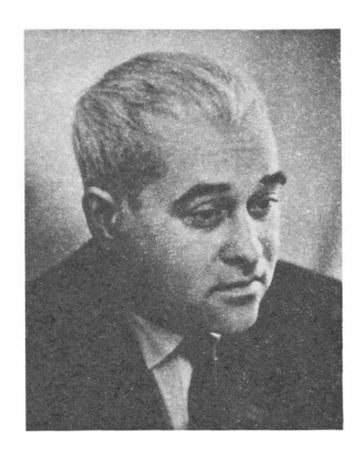
«Укрощение огня».

Д. Банионис и Н. Бондарчук в фильме «Солярис».

Сцена из фильма «Жемчужина в короне» Казимежа Кутца (Польша).

Петря ДАРИЕНКО

ИЗ МОСКВЫ К НАМ СВЕТ ПРИХОДИТ

* * *

Сколько раз, моя Молдова,
оставалась ты в руинах?
Шли непрошеные гости.
Шли как вестники беды.
Это счастье, что сумела
встретить друга-исполина —
И воскресшие из пепла
расцвели твои сады.

На твоей земле, Молдова,
говорил при всем народе
Летописец дней далеких,
старый мудрый Дософтей,
Говорил слова простые:
«Из Москвы к нам свет приходит».
В тех словах святая правда,
и нельзя забыть о ней.

Из Москвы к нам свет приходит.
Напоенная тем светом,
И моя земля рождает
негасимой дружбы свет.
И поэтому так гулки
родники в часы рассвета,
И поэтому так звонки
песни вдаль бегущих лет.

Друг пришел в края родные
вместе с солнечным восходом.
Породнились мы, как братья,
и прославились трудом.
И мечты у нас похожи —
было б счастье у народа,
Был бы мир, звенела б дойна,
поселяясь в новый дом.

Верный друг и брат, Молдова,
рядом был всегда с тобою —
В грозной битве за свободу,
в шуме праздников твоих.
Эта древняя дорога,
что связала нас с Москвою,—
Самый первый стих, Молдова,
самый твой бессмертный стих.

* * *

Нет!
Ни благоговенье,
ни терпенье
Я не желаю брать
с собой в поход.
Приветствую
я силу наступленья!
Пусть радость из груди,
как прежде, бьет.

Повсюду —
за столом,
в полете,
в поле —
Пускай победа
будет крестной мне.
Нет в мире выше и прекрасней доли,
Чем добрый свет
дарить родной стране.

* * *

На письменном столе
стояла роза —
Бесценное сокровище мое,
Поэзия
среди житейской прозы...
Вода и свет —
все было у нее.

Но вдруг она
глаза закрыла ночью
И голову склонила от тоски,
И, словно строчки песни,
грустной очень,
Упали
друг за другом
лепестки.
Есть родина,
я знаю,
у любого
И яркого
и скромного цветка.
И во дворце,
из золота литого,
Цветы задушит
по земле тоска.
Им нужно солнце,
и дожди,
и грозы.
Гнездо им нужно
на родной земле.
Я видел сам,
как умирают розы.
Умрет и эта —
на моем столе.

Она уйдет из жизни
безвозвратно.
Уже уходит.
В каждом лепестке
Я слышу стон ее
на непонятном
И очень мне понятном языке.

Цветы, цветы...
Зачем им жить
под крышей?
Им не цвести за стенами
квартир.
Хочу,
чтоб, этот тихий стон услышав,
Мы не лишали красоты
наш мир.

СЛОМАЛСЯ ДУБ

Памяти брата.

Зачастила смерть с косой
в дом родной непрошено.
Вот уже мой брат второй
рухнул как подкошенный.
Горе все испив до дна,
мать сидит под вишнями,
И не крестится она
своему всевышнему.

Слышен шум, а не поймешь
тихой ранней зорькою —
То ли это снова дождь,
то ли слезы горькие.
Скорбь суровая в речах
заглушила пение,
Словно стянуто в плечах,
сгорбилось селение.

Улетая за плетень,
никого не радуя,
Листья с вишни целый день
падают и падают.
Возле дома дуб стоял,
как шатер огромный был,
А вчера он вдруг упал,
словно бурей сломленный.

Не забуду этот день,
не забуду брата я.
Сколько лет за ним, как тень,
шла война проклятая.
Он отважно воевал,
залечил ранения,
Но скосила наповал
смерть без сожаления.

По-крестьянски, всем селом,
с ним народ прощается,
Вспоминают лишь добром,
как и полагается.
Всю войну прошел солдат
со своей пехотою.
Нынче целый дом ребят
без него сиротами.

Вот уходит в дальний путь
от родного дома он,
И не могут упрекнуть
земляки ни в чем его.
Как любил он напевать
вечерами длинными!
Как умел он открывать
лихо бочки винные!
Тут хоть плачь ты, хоть рыдай —
бесполезно маяться.
Кто ушел в тот дальний край,
тот не возвращается.
Песен брат не сочинил,
не писал для вечности,
Но немало подарил
миру человечности.
Жизнь его, как песнь, была
самая сердечная,
И за добрые дела
будет память вечная.

* * *

О счастье все толкуют,
но не может
Никто о нем сказать
определенно.
Два счастья
друг на друга не похожи,
У каждого из них
свои законы.

О счастье
каждый из живущих
думал,
Искал его,
искал упрямо,
с детства,
Чтобы, достигнув осени,
без шума
Понять
простые вещи
наконец-то.

Ни на закате,
ни в часы рассвета
Не встретил счастья,
но его ищу я.
Не знаю о других...
Но для поэта
Оно,
боюсь,
вообще не существует.

Перевел с молдавского
Петр Градов.

* * *

Поэту космонавт
приходится сродни...
В мучениях стихи рождаются ночами.
Полночные стихи!
Мне кажется, они
пронизаны зарей
и звездными лучами.

О людях пишешь ты,
стараясь их понять.
Так смотрят в темноту,
Путь изучая Млечный.
Глубинам нету дна,
и думаешь опять,
что каждая душа
есть космос бесконечный.

И каждый человек
несет в себе миры,
космическую пыль,
далекие созвездья,
и черноту ночей,
и яркие костры,
и пенные моря,
и город,
и предместья.

О космос-человек
с глазами и душой!
Он любит,
он казнит себя,
поет
и плачет.
Попробуй загляни в него
и всем открой
те тайны, что в себе
содержит он и прячет.

И все же ты идешь,
как космонавт,
на риск —
особый этот мир
познать в первооснове,
не думая о том,
что, может быть, сгоришь
над бездной бытия
от взрывчатого слова...

Перевел с молдавского Александр Кушнер.

НЕ ХОЧУ ОСТАТЬСЯ В ДОЛГУ

По весне, в нарядном одеянье,
Пики Кодр ласкают синеву...
Осень,
Как забытые желанья,
С гор сметает желтую листву.

Вновь, под ветром наклонясь, осока
В быстрину бросает семена,
И багряным, в цвет заката, соком
Окропила землю бузина.

О загадка вечная
Рожденья,
Колдовство на солнечном огне!
Зерна истины,
Судьбы свершенья,
Исподволь проросшие во мне!

Звездные свои ищу я строки
На земле, что вскрылена весной.
Пусть мой стих, что колос наливной,
Вровень станет средь хлебов высоких.

Быть как все!
В живой рабочей гуще!
Где своя и радость и беда,
И спешить, спешить за днем бегущим,
Чтоб не кануть в памяти живущих,
Точно камень в воду — без следа.

И долблю я в Кодрах свой родник:
Напоить стихи святою влагой,
Напитать их жизненной отвагой...
Пахари! Я вечный ваш должник.

Вот они, стихи, как на ладони
Зернышки литого колоска.
Как я буду счастлив, если тронет
Ваше сердце хоть одна строка...

Перевел с молдавского Александр Буртынский.

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

ПОДВЕЛА... ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ!

Сборы проходили в накаленной и нервозной обстановке. Папа глухо ворчал, что сумка не резиновая, а мама слушала и знай начиняла ее всякой всячиной: налила две фляжки кваса, компота в термос, бутылку пива, опустила пакет молока... А к ним — бутерброды с колбасой и рулетом, полдюжины помидоров, хлеб, булочки городские, яйца, печенья пачку и, окончательно сломив папино сопротивление, перед самым выходом еще и полкурицы впихнула! «На торговлю надейся, а запас имей»,— обосновывала она между делом свой взгляд на проблему улучшения материального благополучия во время отдыха. «Много ты видел, чтобы торговля об отдыхающих на лоне природы пеклась?! Небось, один лоток с пирожками выставят, сам в жареный пирожок превратишься, пока там простоишь...»

Папа знал, что насчет превращения в жареный пирожок мама сильно преувеличивала, но он не раз испытывал на себе, как выглядит иногда «торговая точка», и перестал отбиваться. Папа покорно взял в руки сумку и отправился во главе семьи к месту отдыха минчан — к Комсомольскому острову.

...Шли медленно. Казалось, что жара пытается расплавить их вместе с асфальтом и окружающими строениями.

— Шашлыками пахнет, — вдруг оборачивается дочка и кивает в сторону прилавка, уже обозначившегося между кустами.

— Откуда здесь шашлыки?— не задумываясь, парировала мама.— Ты что, на ВДНХ приехала или в «Арагви» очередь заняла?

— А вон бочка с квасом! — с радостью воскликнул сын.— И народу никого!

— Уверен, что это — бочковтирательство,— мрачно сострил папа (он всегда острил, когда находился в плохом состоянии духа).— Небось уже в мае продали квас, а бочку взять забыли, вот и стоит людей дразнит, и очереди поэтому нету.

Тем временем запах шашлыков ощущался совсем явственно, и оставалось лишь пожалеть, что, не надеясь что-либо купить, никто из членов семьи не захватил с собой денег. Пришлось остановиться подальше от жаровни, чтобы шашлычный дух не вызвал столь неуместное в создавшейся ситуации выделение слюны.

— Ничего не пойму.— Папа хотел развести руками, однако тяжеленная сумка не позволила ему.— Откуда несут мороженое, напитки?

— И насчет кваса ты, милый мой, ошибся.— Мама бросила на него уничтожающий взгляд.— Квас есть, и никакой толпы. А вон еще бочка. И третья... И на том берегу одну вижу.

Позже посланный в разведку сын сообщил, что вокруг жаровен и киосков толкучек не наблюдается, а тети и дяди в белоснежных куртках продают и минеральную воду, и напиток «Мокко», и лимонад. Есть и печенье, и коржики, и шоколад.

Тогда папа в сердцах пнул ногой постылую сумку и позволил себе резкие критические высказывания в адрес домочадцев. Он упрекал их в том, что они живут старыми представлениями о торговле, и вдобавок объявил, что будет бороться с перестраховщиками в собственной семье.

Внеочередное выяснение отношений отбило аппетит. И хотя мама категорически настаивала, чтобы все принесенное из дому было съедено и чтобы папа нес назад пустую сумку, приноснулись только к помидорам, остальное отдохнувший папа потащил обратно.

Он нес и ворчал вслух, сокрушаясь по поводу того, что о случившемся нельзя написать в жалобную книгу. В самом деле, не станешь же писать жалобу на городское управление торговли за то, что оно занялось всерьез проблемами обслуживания мест массового отдыха и что в нынешнем году уже обозначились хорошие приметы этого внимания и усердия.

Конечно, можно было бы написать, что для образцового обслуживания отдыха в парках, на пляжах, на лодочных станциях, в палаточных городках надо еще очень и очень сильно тянуться, и все же достойно похвалы, что, например, на Комсомольском острове (а там отдыхают тысячи и тысячи горожан) не изнывают очереди в надежде промочить пересохшее горло глотком кваса, что не оттопчут они своих ног возле ящиков с напитками, не вздыхают безнадежно страждущие мороженого и пива, что запах шашлыка весьма приятен в раскаленном воздухе.

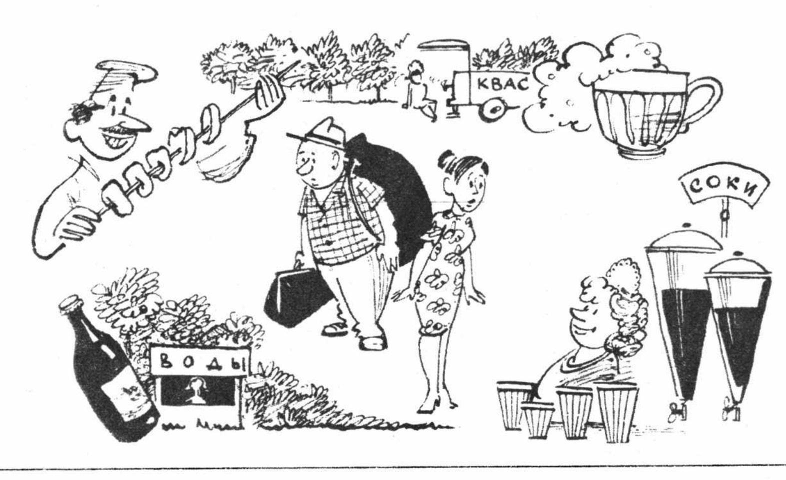
...Да, в жалобную книгу об этом не напишешь. И прекрасно! И самое главное тут, пожалуй, вот что. Сколько раз приходилось (и еще нередко приходится!) слышать от должностных лиц всяких рангов: «Требовать легко, а попробуйте сделать, попытайтесь обеспечить такую массу отдыхающих, когда...» И шли веские, убедительные ссылки на нехватку транспорта, на недостаток кадров, на нетерпимую маломощность пищевых предприятий. А когда всерьез взялись, оказалось возможно. Когда отнеслись по-государственному, заинтересованно, инициативно и стали реже ссылаться на иные времена, когда люди вовсе без мороженого жили, а минеральной водой даже не всех больных напоить могли, все получилось иначе.

Управление торговли Минского горисполкома уже давно начало готовить базу для торговли в местах отдыха. Принялись сооружать павильоны и киоски, продумывать проблемы транспорта, загодя подбирать на летний период дополнительных работников, решать вопросы с оборудованием, тарой, спецодеждой; поделили функции торговли и общественного питания. Каждое людное место закрепили за одним торгом, для контроля подключились депутатские комиссии...

В особо жаркие дни здесь начинает действовать большой резерв выездных буфетов. По сравнению с прошлым годом увеличилось количество всяких ларьков, кафе, увеличилась продажа безалкогольных напитков, пива, мороженого. И меньше стало претензий, хотя они еще есть и, надо думать, будут: покупатель становится все более требовательным. И все больше становится людей, уверенных, что, приближаясь к парку или пляжу, они не увидят цистерн с «хвостами», буфетов, в которых не купишь минеральной воды. Пример Комсомольского острова вселяет надежду: на торговлю можно надеяться.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

В ШЕСТНАДЦ

Юрий ПОМОЗОВ

Маша как родилась в Калязине, так с тех пор и не выезжала из этого маленького, полузатопленного городка с нелепой колоколенкой, торчащей прямо из воды. Ей даже стало казаться, что она всю жизнь проволочит здесь, и было обидно и грустно. Но в нынешний год, когда Маша окончила девятый класс, мать отправила ее на лето в Калинин к своей родной сестре.

Сестра Гликерия Семеновна жила на краю города, в Ново-Промышленном районе, на самом берегу Волги, жила вдвоем с мужем, бакенщиком, в казенном домике, а работала по соседству — в столовой экскаваторного завода. Она с чувствительной радостью, свойственной, пожалуй, всем бездетным женщинам, встретила племянницу и, конечно, стала проявлять много докучливой опеки.

Маше понравилось у тетушки; ей по душе пришлась крохотная каморка в сенцах, где ее поселили; она глаз не могла отвести от васильковых обоев, к которым сейчас же прикрепила фотографию любимого киноартиста Дружникова. Да и вообще она была довольна переменой в своей жизни, и желанное чувство самостоятельной свободы крепло в ней день ото дня.

Вот только сам заводской район не приглянулся девушке. Вечно-то здесь клубились дымы, пахло мазутом, несло песком и кирпичной пыльцой с береговых причалов, а под ногами, куда ни ступишь, колотила судорожная, неприятно-щекотная дрожь: это все на том же соседнем экскаваторном заводе неистовствовали какие-то диковинные машины. И Маша без сожаления покидала рабочую окраину и на весь день уезжала в центр города. Там она подолгу гуляла, лакомилась мороженым (лето выдалось на редкость жаркое) и была счастлива и беззаботна в своем молодом одиночестве. А когда вечером она возвращалась в свою уютную каморку, ее встречал Дружников. Он смотрел со стены своими бархатисто-черными, грустными глазами и будто бы спрашивал с сочувственной нежностью: «Почему же ты, юная, красивая, шестнадцатилетняя, до сих пор одна?..»

Но однажды Маша изменила своей привычке и никуда не поехала. Весь сущий мир вдруг сосредоточился для нее в пространстве между подмытым глинистым берегом и высоким заводским забором. А случилась эта перемена в ветреный день. Тогда все чадные дымы мяло, скручивало и уносило в полевые дали, к сосновым борам, и небо над головой синело резко, холодно, по-северному и, казалось, готово было обрушить на землю хлопчато-белые облака подобно снежной лавине. Тогда и река гулко, пушечно хлопала о крутые береговые срезы... и вдруг вскидывалась фонтанами, чтобы сейчас же взорваться на тысячи и тысячи стеклянно-блестких, острых брызг и далеко по ветру разнести свое бодрое дыхание.

Маша сразу же, как только вышла на крыльцо, была прохвачена ветром и крепкой свежестью. Она вздрогнула и засмеялась от знобкого удовольствия. Ее, кроткую от природы девушку, всегда влекла мятежная и таинственная стихия, влекла, видимо, из бессознательной еще потребности нарушить в самой себе скучное и вялое спокойствие души и сердца. Поэтому Маша вместо того, чтобы идти вдоль унылого охристого забора к трамвайной остановке, кинулась со смехом и ребячьим взвизгиванием навстречу ветру, вмиг достигла сыпучего края берега и здесь только, уже под брызгами, замерла в своем легком и трепетном, как флаг, платьице. Ее голубые, а сейчас уже резко-синие в отсвете неба глаза с какой-то жадной завистью ласкали взъерошенную и поседелую от волн-беляков, но теперь уже вовсе не укротимую, накатистую Волгу. Чудилось, что река вот-вот оторвет от рабочих, промазученных берегов все налипшие баржи-нефтянки, подкинет кверху вместе с брызгами все грузовые причалы, слижет с отмелей навалы кирпичей, досок, бревен и, озорноватая, добычливая, щедрая, уйдет в зеленые, ясные просторы...

Тем сильнее была удивлена Маша. На берегу, съежившись, глядя в землю перед собой тупым взглядом, сидел парень; одна его рука, крупная и тяжелая, во вздутых жилах мастерового, обхватывала ноги с какой-то закостенелой цепкостью, а другая... Другой-то, именно правой руки и не видела Маша! Зато она заметила, как правый рукав пиджака то надувался туго, подобно воздушной колбаске, то словно бы лопался и дрябло морщился, а то вдруг, вскинувшиоь по-живому, принимался обхлестывать парня по спине...

Маша не могла не пожать плечами: такой обидно-несуразной казалась эта человеческая немощь на виду у взыгравшей Волги! Парень точно бы сжимался, весь уходил в себя, в то время как реку распирала глубинная сила. Парень был попросту жалок — река же беспредельно могуча. Но все-таки теперь Маша не могла любоваться великолепным и даже, пожалуй, хвастливым буйством природы. Ей казалось, что стихийные силы природы унижают не только однорукого парня, но и ее, Машу. Она невольно ощутила сострадание к калеке и, присев неподалеку, сама вдруг сжавшись, словно из солидарности, стала украдкой разглядывать парня. И ее поразило молодое лицо со старческими морщинками у глаз и с двумя резкими складками-скобками у рта, которые проступали даже сквозь курчавую шерстку отросшей белесоватой бороды и выражали горькую скорбь, а вместе с ней, кажется, и примиренность...

Спустя два дня Маша опять повстречала однорукого парня, на этот раз при полном затишье, в утро туманно-дремотное, раннее. Парень сидел на низеньких мостках, на которых Гликерия Семеновна обычно полоскала белье, а Маша умывалась. Около него удочка, но сидит он спиной к Волге и лицом к берегу.

Тут-то Маша и разглядела глаза парня! Они были прищурены, словно бы от боли, и блекло-голубыми капельками как бы сочились из мелких, тесных морщинок-складочек, в самом деле стариковских. Но сколько же в тех запавших глазах было нечеловеческой тоски, а во всей вялой, с обвислыми плечами фигуре — отрешенности и от Волги, покойной и гладкой, точно паркет, и от этого славного июльского утра, и от нее, Машеньки, которая стояла неподалеку от мостков, тихая и печальная, со скрещенными на груди руками, и, кажется, всех в мире несчастных готова была одарить доброй своей жалостью.

Нет, никого и ничего не хотел замечать парень-инвалид. Его взгляд упирался в цеховую стену, желтую и яркую, особенно броскую среди сонно-понурой листвы тополей и сереньких клочьев тумана. В то же время ноздри его прямого суховатого носа чутко подрагивали, а иногда с жадным присвистом втягивали в себя воздух, словно хотели вперекор сладкой речной свежести уловить тепловатую машинно-дымную горечь цеха. И вдруг Маша решила: «А ведь завод экскаваторный, наверное, не чужой для паренька! Нет, не чужой».

Вечером, за ужином, она как бы невзначай поведала о встрече с покалеченным парнем и назвала его с сострадательной насмешкой «горе-рыбаком», чтобы хоть как-то скрыть свое пристрастное любопытство.

— А-а, это ты, должно быть, с Гришей Махотиным повстречалась! — сказал Степан Панкратьевич, муж тетушки.— Видать, Гришук уже из больницы выписался, вот и потянуло его на родное проклятое местечко.

— Да почему же проклятое? — удивилась Маша.— Какая вообще беда стряслась с ним, с Гришей?

И тогда Степан Панкратьевич рассказал о нем:

— Работал прежде Махотин в артели «Металлист» — молотобойничал там, а уж

АТЬ ЛЕТ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

как экскаваторный завод построили, он туда поступил и сделался первостатейным монтажником, то есть устанавливал в цехах самое разнокалиберное оборудование и среди прочего паровоздушные молоты, к которым имел особую расположенность как бывший кузнец. Но вот приспело время оборудовать литейный цех, а никакого им, монтажникам, благоприятства: зима, холод лютый, и все балки скользкие, в ледяных сосульках. Само собой, пришлось жаровни ставить для сугрева. А Махотину — тому невтерпеж: злой был на работу. Полез он, супротив всяческим уговорам, на ферму блок подвешивать, да нога-то и сорвалась с балки, а руки зазябшие не удержали. Камнем упал Махотин — и прямо на ребристую железину! При полном бесчувствии был увезен в больницу, а очнулся уже калекой...

История эта потрясла Машу. У нее в глазах и в носу защипало, и, чтобы не расплакаться, она потихоньку ушла в свою каморку.

Теперь Маше уже самой не терпелось повидать Гришу Махотина и сказать ему ласковые и ободряющие слова, если, конечно, робость не помешает...

...Был жаркий, очень жаркий день. Все заводские дымы висели неподвижно в безветренном воздухе и никак не могли перелететь через Волгу, которая и сама казалась недвижной, вялой, словно бы убаюканной, и вместо облаков отражала одну чадную муть да разве еще одиноких чаек, залетавших с ближнего Московского моря.

Не мешало бы искупаться! Но весь берег у экскаваторного завода был полонен мальчишками, вода здесь бурлила, как кипяток в чайнике, и Маша отправилась на поиски чистоводья. Она шла по изрытому, в бревнах и камнях берегу, а сама все время думала о Грише. И вот уже возникло предчувствие, что она сейчас увидит его...

Гриша сидел на песчаной отмели и, положив на широкую доску клетчатую ковбойку, намыливал ее своей единственной рукой; да вот беда: ковбойка то пучилась заодно с мыльной пеной, то опять разглаживалась, тоненькая, наверно, уже до дырок протертая.

— Давайте я помогу,— сказала Маша в порыве дружеской заботы, которая и заглушила ее природную робость.

Но Гриша даже не обернулся. Должно быть, после несчастного случая он уже привык к сострадательному людскому вниманию и тяготился им. Поэтому он не только не отозвался, а продолжал еще энергичнее терзать свою бедную, застиранную ковбойку. Тогда Маша настойчивее повторила:

— Ну давайте же я вам помогу, Гриша!— И, простодушная, прибавила для пущей убедительности:— Я же все, все знаю и очень жалею вас.

Лучше бы Маше было не говорить этих слов! Гриша медленно и даже как-то величаво обернулся, и его глаза, которые прежде щурились, точно от боли, теперь глядели на девушку во весь размах ресниц, и несло из синей их обнаженной глубины спокойным, презрительным холодком.

— А я... я не нуждаюсь в твоей жалости,— процедил парень.— И запомни: Махотин, пока он жив, выше людской жалости.

Это были горделивые слова, и Маша, пристыженная, молчала. Ее щеки горели под взглядом парня, словно обдающим студеным ветром; она уже страшилась смотреть на него.

Тут Махотин, видимо, сам решил сжалиться над девушкой.

— Ладно, ты уж обо мне не беспокойся,— произнес он дружески-грубовато.— Ты иди-ка, иди, куда шла...

С той поры Маша долго, наверное, с месяц, не видела Гришу Махотина. Но она постоянно думала о нем и тревожилась: както он, разнесчастный, устроит свою судьбу? Уж не говорил ли он горделивые слова в утешение себе? Не хотел ли он в чужих глазах выглядеть ухарем-молодцом?..

Случилось так, что тетушка прихворнула, и Маша стала ходить в столовую за обедами.

Под бренчание супной кастрюли и бидончика она сначала вступала в задние проходные ворота, затем, благополучно миновав суровую охранницу с рыжей кобурой на боку (хорошую, кстати, знакомую Гликерии Семеновны), сразу точно окуналась в тенистую прохладу березовой аллеи и шла по ней, легкая, стремительная, вдоль коренастых цехов с огромными клетчатыми окнами, шла мимо волейбольных площадок на расчищенных цеховых дворах и вечно разрытых траншей с поржавелым кабелем, пока, наконец, не выбиралась на асфальтовую, в завитках гаревой пыли площадь перед зданием заводоуправления. Здесь обыкновенно красовались новенькие, липкие, пахучие экскаваторы, причем на многих из них висели почетные таблички со словом: «Продано».

В этом-то заводоуправлении, в самом нижнем этаже, почти полуподвальном, помещалась столовая. Помнится, когда Маша впервые очутилась здесь, ее поразили густо накрахмаленные и очень жесткие, наподобие проволочной сетки, кисейные занавески, как бы процеживающие дымный ветерок; она подивилась высаженным прямо в пивные бочки фикусам, ее привели в восторг округло-серебристые, с виду легкие, даже будто воздушные люстры, похожие на купола парашютов и готовые, казалось, вот-вот опуститься с небесно-голубого потолка...

Обычно Маша сдавала кастрюлю и бидончик в раздаточное окно, а сама в смиренном ожидании присаживалась за какой-нибудь ближний свободный столик. Так же она поступила и в один из августовских дней — незабываемый чудесный день! Потому что, присев и взглянув прямо перед собой, она едва не вскрикнула от радости и удивления. Напротив нее, за соседним столиком, сидел Гриша Махотин, только уже не прежний, а почти незнакомый Гриша: в синем берете, в черной, как заводской дым, спецовке — и преспокойно ел котлеты с макаронами. Но чем проворнее он действовал вилкой, тем, казалось, все больше изумлялась Маша его новому рабочему обличью, и тем сильнее в ней разгоралось непобедимо-женское любопытство — узнать тайну этого счастливого превращения.

Конечно, и кастрюля и бидончик были разом забыты! Как только Гриша Махотин выпил фруктовый компот и направился к выходу, Маша, крадучись, пошла за ним... Она преследовала парня вплоть до цеховых ворот, дубовых, обитых для пущей сохранности листовым железом. Ворота были слегка распахнуты, и Гриша мигом втиснулся меж створок. А Маша, оробев, принялась в щелястый проем разглядывать Гришино обиталище.

О, как тут было до жути интересно! Слева от ворот стояли поодаль друг от друга, под металлическими колпаками кузнечные горны и натужно гудели, огнем полыхали, острым да синеватым; и тут же рядом на звонких наковальнях молотки и молоточки будто сами по себе, без усилия людей отплясывали что-то бесшабашно-веселое... А справа от ворот чернели нагревательные печи и тоже гудели, только густо, басисто, с приятной хрипотцой, и тоже огнем полыха-

ли, только внутри, в утробах своих; и над ними нависали металлические колпаки, только пошире, попросторнее.

Здесь же, около печей, высились паровоздушные молоты, и напоминали они гигантские скобы, опущенные концами книзу и будто навек примагниченные к стальным плитам пола. И у этих молотов откуда-то сверху все время срывалась чушка — преогромная, этак килограммов в пятьсот весом; да срывалась-то она не бесшумно, а с фырканьем звонким, со свистом озорным и била яростно, тупо по раскаленному слитку, мяла его подобно воску или замазке, выколачивала из него крупные зернистые искры...

Словом, это был адски пламенный и неистово грохочущий мир. Прямо хоть уши затыкай, чтобы не оглохнуть, и глаза прикрывай, пока в них случаем не залетела какая-нибудь бесовская искра! Но Маша все же не отступила перед мятежной стихией цеха, которая влекла, пожалуй, не меньше, чем буйство взыгравшей природы. А главное, в этот грохочущий и пламенный мир только что вошел Гриша Махотин, бесстрашный и дерзкий, несмотря даже на свою одну-единственную руку!

Маша глаз не отрывала от парня. Он шел по стальной рубчатой дорожке в синеватой и, наверное, вкусно похрустывающей окалине, и все могучие молоты словно бы расступались перед ним с преданной покорностью, как перед хозяином-повелителем. Он шел, веско ступая своими рабочими сапогами на толстых подошвах, и все печи и горны то осыпали его калеными монетами искр, то выбрасывали к нему, подобно рукам для пожатия, свои распяленные, раздутые клинья огня, а то вдруг резко обводили его коренастую, волевую фигуру горячей золотистой каймой.

Гриша подошел к дальнему, в конце стальной дорожки молоту, сел на голенастый стул с кожаным сиденьем, уперся обеими ногами в какую-то железную покатую ступеньку, что-то крикнул рабочим у печи и вдруг вцепился своей левой рукой в длинную стальную рукоять, сразу замер, настороженный, в каком-то азартно-боевом нетерпении.

Вместе с парнем и Маша замерла. Ею тоже овладело нетерпение. Но вот рабочие крючьями вырвали из нагревательной печи круглую, ослепительно-лучистую, как солнышко, болванку и бережно опустили это земное светило под молотом на стальное ложе. И тогда произошло в самом деле потрясающее чудо! Гриша, стиснув зубы, рывком пригнул длинную рукоять книзу. Молот сейчас же фыркнул сипло и звонко и вмиг обрушил тяжеленную чушку на безмятежно сияющий слиток. Удар был до того плотный и смачный, что слиток разом сплющился, а земля под ногами у Маши содрогнулась, потрясенная. А Грише все было мало! Он точно сросся своей левой рукой со стальной рукоятью, побратался с ней навек и теперь наносил беспрерывные удары, сорил румяной окалиной налево и направо.

— Ну вот, теперь я совсем не боюсь за Гришу,— вслух рассудила Маша,— и могу спокойно уезжать домой.

Но все-таки она со страхом ожидала телеграмму матери из Калязина, потому что, несмотря на душевную успокоенность, уезжать в свой скучный городок не хотелось: ведь там за все шестнадцать лет Машиной жизни не произошло ни одного интересного события!

Между тем лето кончалось... Все чаще задувал сиверко, и на прибрежных деревьях уже трепетали желтыми мотыльками, а иногда и срывались прямо в воду пожухлые листья.

Наконец утром пришла телеграмма от матери, и Маша, грустная, с незаплетенной косой, стала собираться в дорогу. Но уехать, не повидав на прощание Гришу, не простившись с ним хотя бы издали взглядом,— этого не могла себе представить Маша. И, простодушная в своем порыве, она решила сейчас же, немедленно отправиться к кузнечному цеху, благо все охранницы в проходных воротах были знакомые и свободно пропускали на завод.

Моросил надоедливый, совсем уже осенний дождичек. Кутаясь в плащ, Маша быстро шла по березовой аллее. Желтые, обвислые прядки деревьев то и дело задевали ее непокрытую голову, словно хотели на прощание вплести свою грустную позолоту в светлые волосы девушки. А в лицо уже несло низким дымом — знакомым, сладковато-горьким, угольным...

Но Маше не повезло. Как она ни всматривалась в струйчато-знойную мглу кузницы, как потом, уже в полном отчаянии, ни заглядывала в клетчатые прокопченные окна, нигде, ни у одного молота не могла высмотреть Гришу Махотина. Должно быть, он попросту не работал в дневную смену, а разузнать все в точности у кого-нибудь из рабочих Маша не решилась.

Обескураженная, она уже хотела возвращаться, как вдруг на цеховом дворе, в сторонке, у лимонно-желтых кустов облетавшей акации, увидела доску почета, а на ней мокнущие под дождем, незастекленные фотографии передовых кузнецов, в том числе и снимок Гриши Махотина с его радостной улыбкой на открытом и очень молоденьком лице, которое казалось очень добрым и красивым, но которое все-таки могло раствориться в дождевых потеках. И Маша, из жалости уже к Гришиной фотографии, открепила ее от доски и, свернув трубочкой, сунула за вырез платья — в надежде, что там, на груди, она малость подсохнет...

А потом Маша побежала обратно к проходным воротам. Она бежала и еще не ведала, что эту фотографию будет часто-часто рассматривать дома, в своем скучном Калязине, и сердце ее станет сжиматься тоскливо, а душа — рваться вдаль, рваться, как птица в родное гнездовье.

Александр СНИТКО

Журавли

Летят на север журавли,
летят, плывут над снегом талым.
Им этой, нашенской земли
на теплом юге не хватало.
Им не хватало хуторка,
что у реки за поворотом,
того уснувшего ставка,
что мы в сердцах зовем болотом.
Летят на север журавли,
курлычат весело и дружно;
им, как и мне, немного нужно —
пусть мерзлой, но родной земли.
Моря растаяли вдали,
а впереди поля белеют,
и лица пахарей светлеют —
летят на север журавли!..

Старый дом

Отец ломает старый дом,
да так старательно ломает,
как будто он не понимает,
что нет, не дом идет на слом.
От вида голых рам, стропил
вонзилась в сердце боль тупая...
Я здесь, в немирный мир ступая,
седой порог переступил.
Да, захирел родимый дом,
весь покосился, стал горбатый.
Но в нем мечты мои, утраты,
он мне когда-то был гнездом.
А рядом, окнами маня,
вознесся новый стройно, дерзко...
Но кем он станет для меня,
но чем заменит память детства?
Отец ломает старый дом.
Трещат подгнившие полати.
Мать говорит:
— Помог бы бате...
И я беру тяжелый лом...

ЛОЦМАНЫ ОГНЕННЫХ РЕК

Заседает бюро «Интерметалла».

СЭВ в действии

В. ЧЕРНЫШЕВ

Каждые три месяца представители государств, входящих в «Интерметалл», специалисты производства и торговли, руководители крупных металлургических заводов встречаются в Будапеште. Своих представителей на эти совещания присылают также Румыния и Югославия. О чем идет речь на таких встречах? О том, какие виды продукции поставлять друг другу, кто и что может получить в обмен на свои товары.

Металлургов, людей «огненной профессии», живописцы любят изображать в рабочих спецовках и отсветах раскаленных стальных потоков.

В «Интерметалле», где металлурги ходят на работу в белоснежных сорочках с галстуком и говорят на разных языках, «огненное производство» предстает в несколько ином ракурсе. Штаб-квартира этой организации, в которую входят шесть братских стран, расположена в Будапеште. Когда знакомишься глубже с работой мощных блюмингов и слябингов, находящихся друг от друга на расстоянии в сотни и тысячи километров, но связанных волею людей как бы в один организм, когда прослеживаешь пути стальных слитков, путешествующих через границы, или маршруты гигантских международных нефтепроводов, открывается совершенно новая сторона дела.

Творческие поиски специалистов братских стран направлены сейчас на то, чтобы плоды труда горняков, сталеваров, прокатчиков служили людям лучше, эффективнее, чтобы сам труд был организован как можно целесообразнее — не только в масштабах отрасли или хозяйства одной страны, но и целой группы государств, объединенных узами братского содружества.

С Фуадом Карамышевым, советским экспертом экономического сектора, мы беседовали о работе, проводимой «Интерметаллом» в области специализации.

Например, у Советского Союза, ведущего гигантское строительство, растет потребность в трубах диаметром 140 миллиметров. В то же время советская промышленность может снабжать зарубежных партнеров бесшовными горячекатаными трубами меньшего диаметра. Конечно, можно было бы изменить валки на некоторых отечественных прокатных станах, перевести их на изготовление продукции более крупных габаритов. Но ведь это требует времени и средств. Поэтому целесообразнее — что и делается в «Интерметалле» — ориентировать заводы на то, чтобы они максимально использовали имеющиеся мощности, снабжая своей продукцией сразу две или несколько стран. За минувший год советские предприятия, в частности, получили через «Интерметалл» несколько сот тысяч тонн проката и труб.

На Тиссе, близ пограничной деревушки Тисасентмартон я видел, как советские и венгерские строители укладывали в траншею, вырытую на дне реки, 320-метровый дюкер — кусок стальной артерии, связывающей советский и венгерский участки нефтепровода «Дружба-2». Операция прошла успешно. Наши монтажники, люди опытные и бывалые, с похвалой отзывались о 720-миллиметровых трубах чехословацкого производства, составивших «нитку» дюкера. «Они обладают хорошими пластическими свойствами, принимают рельеф дна», — сказал начальник группы строителей нефтепровода Леонид Найденов. Неподалеку лежали образцы труб известной западной фирмы, не выдержавшие конкуренции с чехословацкими.

Эксперт «Интерметалла» Фуад Карамышев подтвердил, что партнеры с большой ответственностью относятся к качеству поставляемой друг другу продукции, ведут напряженную научно-исследовательскую работу. Примером могут быть сварные трубы. Структура металла в шве не такая, как в стенках цилиндра. Значит, могут появляться трещины, повреждения. Советские исследователи разработали технологию такой обработки швов, которая устраняет этот недостаток.

Стандартизация — тоже важный участок работы «Интерметалла». Представьте такую картину: в каждой стране свои нормы, стандарты, допуски. СЭВ ведет работу по унификации, но это требует еще немало времени. А ведь круг потребителей продукции становится все шире. И какой-нибудь «уголок равнобокий», принятый в Болгарии, может отличаться от своего польского близнеца настолько, что окажется неприменимым для тамошних конструкций. Чтобы избежать «разночтений», в «Интерметалле» разрабатывают справочники для металлургов.

На территории Будапештской международной ярмарки я видел два столбика из деталей того профиля, что называют уголками, — они изготовлены на венгерских заводах и стоят здесь уже не один год. Первый — из простой стали — разрушается на глазах: ржавчина слой за слоем отпадает, разъедая металл. Второй столбик тоже заржавел, но плотная, неотслаивающаяся коррозийная корка защищает металл от дальнейшего разрушения. Это образец дешевой, экономичной низколегированной стали.

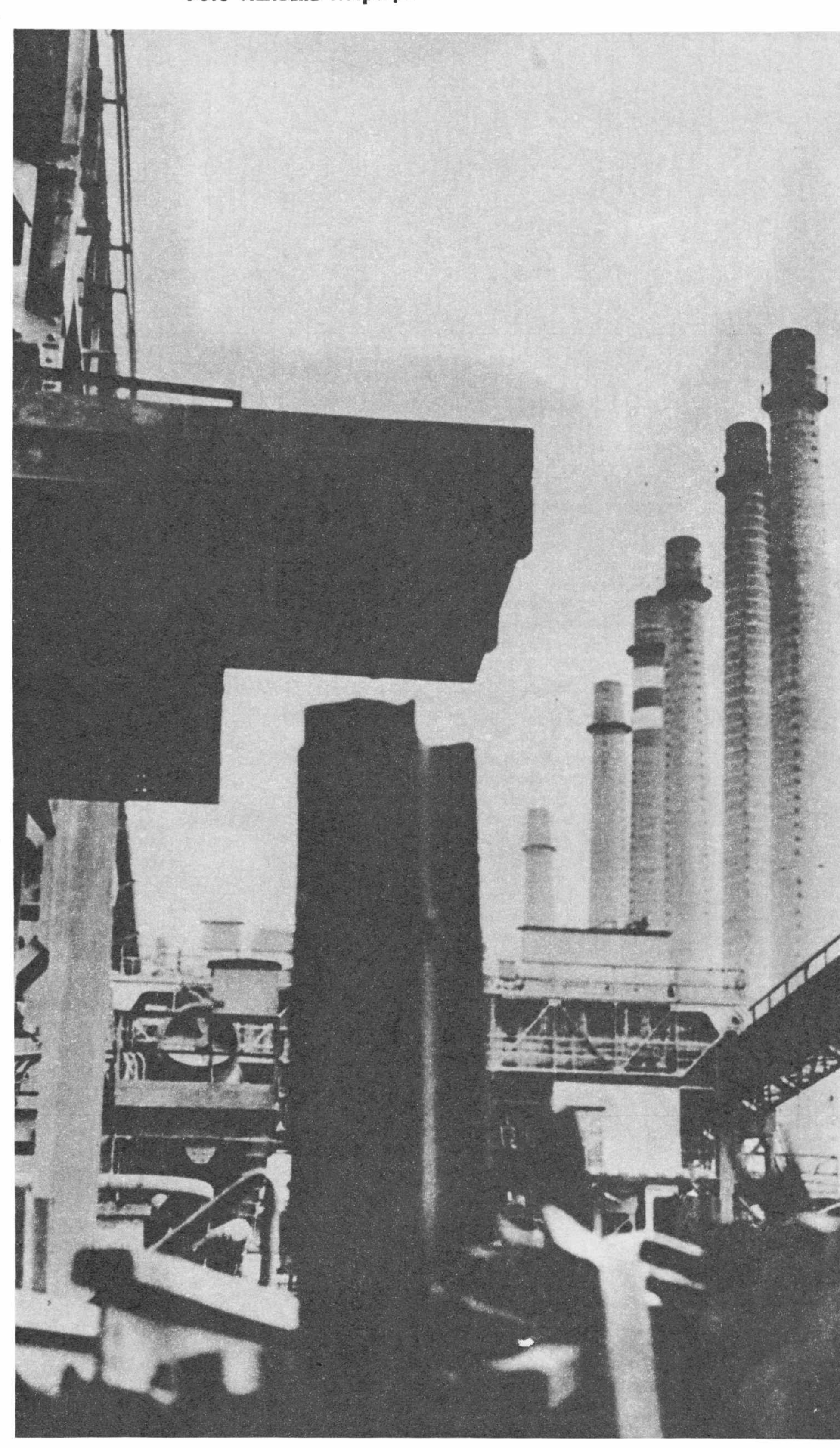
— Мы стремимся как можно шире внедрять в производство стран — участниц «Интерметалла» новейшие достижения науки и техники, — прокомментировал этот пример Фуад Карамышев. — Достаточно напомнить, что на земном шаре запасов олова, например, необходимых для производства белой жести, знакомой каждому, кто хоть раз открывал консервную банку, осталось, как считают некоторые исследовательские организации, не больше, чем на четверть века. Вот почему ученые и производственники шести стран особенно энергично занимаются поисками новых способов сохранения металлов, и наша организация оказывает им всяческое содействие в обмене опытом, идеями.

Знакомясь с работой «Интерметалла», я поинтересовался его историей.

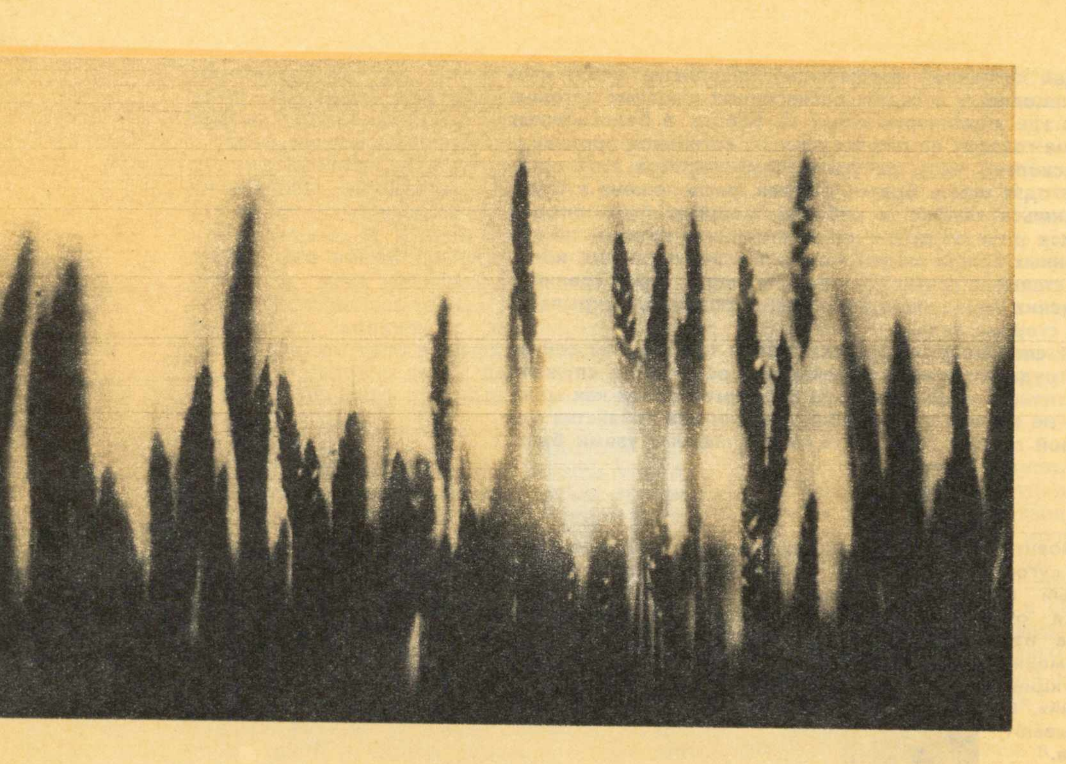
— В 1964 году правительства Венгрии, Польши и Чехословакии подписали соглашение о создании организации по сотрудничеству в черной металлургии, — рассказывает директор бюро «Интерметалла» Тадеуш Хшановски. — Вскоре к нему присоединились СССР, ГДР и Болгария. Новая организация стала осуществлять обмен продукцией между входящими в нее странами.

Эта форма сотрудничества быстро дала ощутимые результаты. Уже на следующий год после подписания соглашения обмен в рамках «Интерметалла» составил почти миллион тонн, а в прошлом году он вырос в два с лишним раза. Страны-участницы обменялись, например, металлическими изделиями на 4 миллиона рублей, пятую часть этих поставок дали советские металлургические заводы.

Металлургический комбинат в городе Озд.
Фото Иштвана Котроцо.

РЯЗАНСКИЙ МЕД

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

А за банею подряд
Ульи круглые стоят,
Все на ножках на куриных,
Все в соломенных платках,
А кругом, как на перинах,
Пчелы спят на васильках.

Все оказалось не совсем так, как в прелестной сказке Бориса Корнилова.

На пасеке Научно-исследовательского института пчеловодства стояли ульи не круглые, а четырехугольные, как маленькие домики. «Соломенных платков» на них не было, и они смело подставляли щедрому в этом году солнцу свои плоские непокрытые головы. Некоторые ульи примостились на весах, и сотрудники института в белых лабораторных халатах заносили в журналы ежедневную прибавку в весе. А в середине пасеки выстроились уж совсем необычные длинноногие плоские ульи, в которых за прозрачной стеклянной стенкой была видна интимная жизнь их обитателей. Свита старательно кормила едва двигающуюся, отяжелевшую матку, пчелы-разведчицы выплясывали на сотах, рабочие пчелы внимательно наблюдали за движениями танцовщиц, а некоторые уже вылетали из улья на промысел.

Васильки тоже поблизости не росли. Зато неподалеку раскинулась плантация подопытных растений. Видно, эти растения пришлись пчелам по вкусу не меньше, чем васильки, и они деловито перелетали с цветка на цветок. А кругом пасеки высились тенистые липовые аллеи...

* * *

В лаборатории биологии медоносных пчел мне показали удивительный прибор. Внешне он выглядит скромно: небольшая коробка с переключателем, микрофоном и сигнализатором. Этот прибор, сконструированный сотрудником лаборатории кандидатом биологических наук Е. Еськовым, подслушивает, о чем говорят пчелы в ульях.

Как разговаривают пчелы и о чем они говорят — проблема необычайно интересная для исследователей и не менее важная для практиков. Ведь из этих разговоров можно выяснить, как чувствует себя семья, не собирается ли она разделиться, куда и за каким нектаром летают обитатели улья и еще очень, очень многое.

В наблюдательном улье со стеклянными стенками на пасеке института я видела, как пчела-разведчица танцует на сотах свой танец и рабочие пчелы внимательно следят за ней. Эти-то движения и сумел расшифровать австрийский ученый Карл Фриш. Теперь исследователи знают, что если понравившиеся пчеле растения цветут в 30 метрах от улья, то разведчица исполнит круговой танец, если же источник нектара будет в 80 метрах, то круговой танец становится виляющим, если же пища еще дальше, в 140 метрах, то пчела начнет выписывать восьмерки. Известны даже некоторые «диалекты» этого пчелиного языка. Например, тот же Фриш познакомил свою подопытную австрийскую пчелу с итальянской. И что же? «Прослушав» указания итальянки, она пролетела дальше кормушки. Почему? Оказывается, для итальянской пчелы характерен более энергичный, южный ритм. Она раньше переходит на виляющий танец, поэтому и ошиблась ее северная собеседница.

Сейчас ленинградские коллеги рязанских пчеловодов сконструировали кибернетическую пчелу-разведчицу, которая, выдавая себя за жительницу улья, дает указания, куда лететь за взятком. Однако эта пчела неполноценна, так как она «немая». А настоящие пчелы общаются между собой не только танцами, но и звуками.

Ученым удалось доказать, что во время танца пчелы-разведчицы звук уточняет расстояние, куда надо лететь за взятком. Во время опытов в институте ученые подключали магнитофон, когда разведчица посылала рабочих пчел на промысел, и искусственно удлинили издаваемый ею звук. В результате рабочие пчелы, получившие неправильную информацию, залетали на более дальние расстояния.

Во время подобных экспериментов,

«Шепот» пчел, их «разговоры» можно не только услышать, но и записать при помощи специальных приборов.
Фото М. САВИНА.

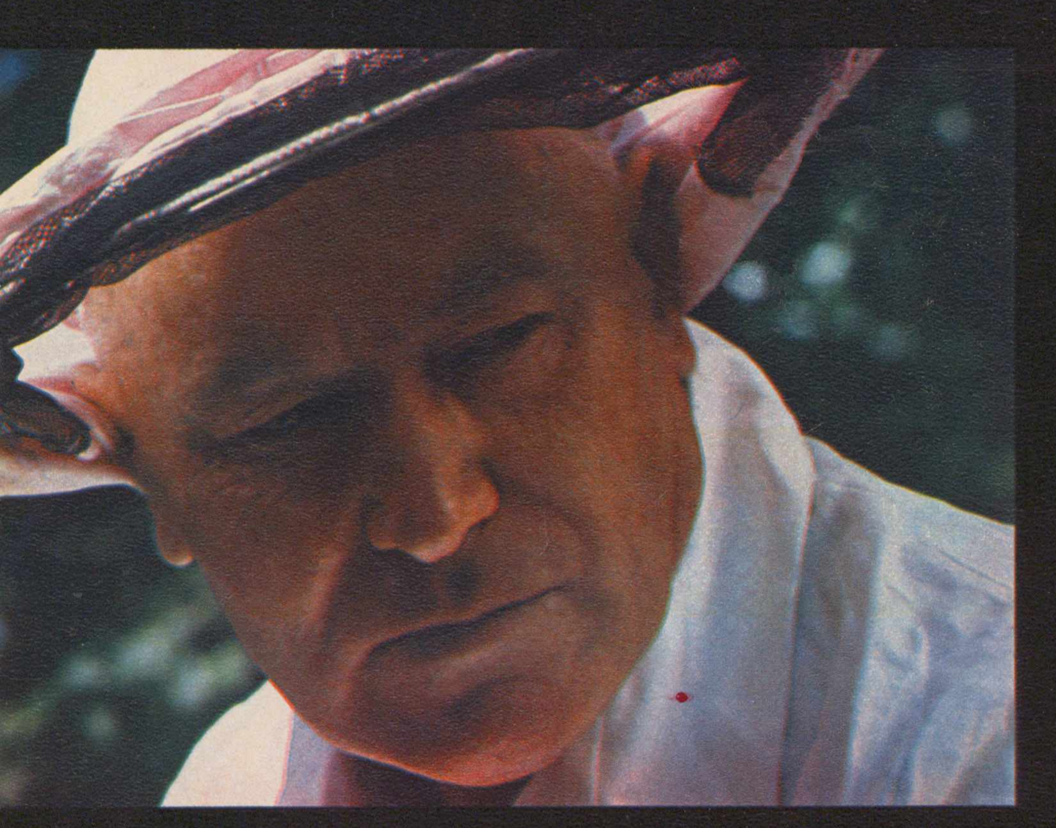

В улье свита постоянно кормит едва двигающуюся, отяжелевшую матку, а рабочие пчелы собирают нектар с медоносных растений.

Всю жизнь связал с пчеловодством заслуженный деятель науки РСФСР, доктор биологических наук, профессор Георгий Филиппович Таранов.

Его опытом пользуются зоотехники-пчеловоды, которые совершенствуют свое мастерство в Научно-исследовательском институте пчеловодства.

проходивших во многих лабораториях мира, не обходилось и без курьезов. Например, в США известный исследователь пчел Г. Эш сделал кибернетическую пчелу, закодировал и передал ей информацию о нектаре, пустил в улей и стал наблюдать за ее действиями. Она начала свой «рассказ», а рабочие пчелы, столпившись вокруг нее, внимательно смотрели и слушали. Каково же было удивление ученого, когда вместо того, чтобы лететь за пищей, одна из пчел кинулась на кибернетическую и пыталась ее ужалить.

Оказывается, Эш не научил искусственную пчелу вежливости. Она не обратила внимания на звуки наблюдавшей за ней пчелы, давшей знать, что ей уже все понятно, и продолжала свой рассказ. Это и вызвало такую ярость.

Но какие же цели, кроме удовлетворения любознательности ученых, преследуют работы по расшифровке языка пчел?

Прежде всего это необходимо практикам, чтобы перевести такую сложную и капризную отрасль хозяйства, как пчеловодство, на промышленную основу.

В жизни пчелиной семьи наступает момент, когда семья делится, начинает роиться: 20—30 тысяч пчел со старой маткой покидают улей и уносятся неизвестно куда. Раньше это бывало совершенно неожиданно для пчеловода. Для промышленного пчеловодства это явление нежелательное. Почему? Во-первых, задолго до роения пчелы бездельничают, не работают, берегут силы и мед для жизни на новом месте. Кроме того, деление ослабляет семью, уменьшает ее, а значит, пчелы меньше приносят меда.

Прибор, сконструированный Е. Еськовым, улавливает звуки в улье и загоревшейся лампочкой или звонком недели за две предупреждает пчеловода о готовящемся роении, дает возможность подготовиться к нему.

Перед делением семьи у матки нарушается гормональный обмен, и для возросшей семьи уже не хватает маточного вещества, которое она выделяет. Это одна из причин распада семьи. Сейчас ученые не только узнали состав маточного вещества, но и синтезировали его искусственно. Зная, что семья готовится к роению, пчеловод может добавить в улей искусственное маточное вещество и этим задержать распад.

* * *

«Все это, конечно, очень интересно: кибернетика, звуки пчел,— скажет иной читатель.— Но почему еще недостаточно в продаже душистого золотого меда? Думают ли об этом ученые Института пчеловодства? Какие меры собираются принимать?»

Начнем с того, что пчела — живое, сложное, тонкое существо, неразрывно связанное с природой, с цветами и травами. Здесь-то и сказываются противоречия двадцатого века. Исчезают нераспаханные земли с луговыми цветами, которые так любят пчелы. Их заменяют культурные растения, очень ценные для человека, скажем, пшеница, но совершенно бесполезные для пчел. Сорнякам объявлена непримиримая война, а некоторые из них — василек, например,— дают самый вкусный для пчел нектар.

И все же получать много меда можно. Только что сотрудники института закончили очень интересную работу: они подсчитали запасы медоносного нектара на просторах Западной Сибири и Алтайского края. Эти запасы оказались столь велики, что могут прокормить значительно большее пчелиное население, чем теперь. Только одни заросли малины в тайге способны дать тонны белого душистого малинового меда. Мало ульев в Карелии, богатой медоносными растениями, и почти даром пропадает нектар щедро цветущей летом тундры.

В институте разработаны схемы севооборота и для исконных пчеловодческих мест средней России, не ущемляющие интересы колхозов и совхозов, но учитывающие интересы и пчеловодства. На экспериментальных полях института испытываются новые сорта медоносных растений; выясняется, как рациональнее подсевать новые медоносы к полям бобов, клевера, кукурузы, чтобы заманить на них пчел; определяются точные сроки, когда лучше вывозить на поля ульи. Экономисты подсчитали, что от реализации меда и воска пчеловодство дает ежегодный доход в 200 миллионов рублей, а от повышения урожайности сельскохозяйственных культур благодаря опылению — 2 миллиарда рублей. И эти цифры можно намного увеличить. В институте сотрудники с горечью говорили мне о том, что многие руководители колхозов и совхозов пренебрегают пчелами как опылителями и теряют на этом огромную часть урожая. Пчелы — незаменимые опылители полей и садов, и справедливость требует, чтобы часть прибыли с урожая шла на развитие пчеловодства.

Наука и практическое пчеловодство связаны неразрывными нитями. Эту живую связь ощущаешь в каждой работе, в каждом исследовании, в каждом замечании ученых. Поэтому столь жизненны рекомендации пчеловодам-практикам, рожденные в лабораториях института.

Кандидат сельскохозяйственных наук Алексей Степанович Яковлев рассказал мне о целой стройной системе исследований, проведенных в институте, чтобы перевести эту самую архаичную область сельского хозяйства на промышленные рельсы.

В этой системе достойное место занимают научные работы, направленные на то, чтобы заставить пчел собирать больше меда.

Заведующий лабораторией биологии медоносных пчел, кандидат биологических наук М. Жеребкин разработал способ прогнозирования медоносности пчел. Собирая с цветов нектар, пчелы перерабатывают его в мед. И в этом процессе огромную роль играет особый фермент. Чем он активнее, тем больше пчела приносит меда. Значит, особенно медоносные семьи селекционеры смогут обнаруживать по активности этого фермента. Не менее важно заранее знать, как выдержит зиму та или иная пчелиная семья. Ведь примерно 30 процентов пчел погибают за зиму. Жеребкин доказал, что способность пчел хорошо переносить зиму тоже зависит в значительной степени от фермента, выделяемого ректальными железами. Это тот защитный механизм, который бережет пчелу от загнивания в ней переработанной пищи. По активности этого фермента селекционеры станут отбирать выносливые пчелиные семьи.

Более 20 лет отдал созданию новой породы пчел директор института кандидат биологических наук Григорий Данилович Билаш. Новой породе дали имя «Приокская». Название это понятно: институт находится под Рязанью, среди поэтичных окрестностей Оки.

Новая порода соединила в себе лучшие качества грузинских пчел и среднерусских. Приокские пчелы отличаются мирным, малоройливым характером, изумительной способностью моментально переключаться с отцветающих медоносных растений на зацветающие, более длинным хоботком, которым удобнее доставать нектар из глубины цветка, и выносливостью, позволяющей им сравнительно благополучно переносить долгую русскую зиму...

* * *

Сейчас вряд ли надо кому-нибудь доказывать, как полезен мед. Да и другие создаваемые пчелами продукты: маточное молочко, пчелиный клей — прополис — в рекламе не нуждаются. Однако изучение этих веществ активно продолжается в химической лаборатории института. И исследователи находят все новые и новые приятные сюрпризы.

Старший научный сотрудник Тамара Васильевна Вахонина открывает термостат и насыпает мне на ладонь горсть какого-то странного вещества, внешне похожего на гречневую крупу, только чуть светлее.

— Возьмите крупиночку и разотрите на ладони,— говорит она.— Не догадываетесь, что это такое? Цветочная пыльца, собранная пчелами! Да, да, пища богов, амброзия. А точнее, пчелиный хлеб. Можете попробовать.

Я жую чуть кисловатые, напоминающие сухие фрукты крупинки.

Это кладовая многих ценных пищевых и лечебных средств. Здесь собраны азотистые вещества, аминокислоты, углеводы, ферменты, витамины, гормоны, 27 минеральных веществ — словом, все те кирпичики, из которых складываются живые клетки.

— Питаясь только одной пыльцой, можно прожить,— шутит Тамара Васильевна. И серьезно продолжает:— Свойства пыльцы изучены еще недостаточно, но уже теперь ясно, что, помимо корма для пчел, она найдет самое широкое применение в медицине. Уже делались опыты для использования ее в лечении печени, почек. Пыльцу добавляли в пищу ослабленным грудным детям. Как примесь ее использовали в пирожных, для приготовления тонизирующих напитков, и везде пыльца показывала себя с самой лучшей стороны.

Последнее увлечение сотрудников лаборатории — прополис, пчелиный клей. Ему сулят карьеру еще более головокружительную.

Если взять из улья пробу воздуха, то анализ покажет, что в ней нет никаких бактерий, воздух стерилен. Причина этого лежит в бактерицидных способностях прополиса. Если вдруг в улей заберется, например, мышь, то пчелы будут ее жалить, пока не убьют, а так как труп вытащить не смогут, то забальзамируют прополисом.

Сейчас в химической лаборатории института досконально исследуются свойства прополиса, чтобы создать на него государственные стандарты, выявить пути его применения...

* * *

Единственный в стране Научно-исследовательский институт пчеловодства перебрался под Рязань, на родину потомственных пчеловодов, в 1954 году. Когда-то иностранные путешественники писали, что именно в Рязани текут «медвяные реки». В древнем рукописном сказании о деве Февронии и муромском князе Петре говорится, как искусная врачевательница земли Рязанской Феврония вылечила князя от страшной болезни медом. В Рязань везли князя в повозке, а после лечения он сел на коня и поскакал в Муром.

Настоящее всегда уходит своими корнями в прошлое. Не знаю почему, но меня обрадовало, что большинство исследователей в институте связаны с пчеловодством не только призванием, но и семейными традициями. Внук пчеловода и сын пчеловода — директор института Григорий Данилович Билаш. Дед посоветовал пойти работать в институт Георгию Федоровичу Бухареву, теперешнему ученому секретарю. С детства помогал на пасеке отцу Михаил Васильевич Жеребкин, заведующий отделом биологии медоносных пчел. Пасека была у отца кандидата сельскохозяйственных наук Лоры Петровны Яковлевой... Может быть, это меня радует потому, что в преемственности семейного таланта и любви к пчелам этих людей кроется надежда, что и в наш многоопытный атомный век, век синтетики, век технического прогресса, не пересохнут «медвяные реки» земли Рязанской, не иссякнут, а растекутся по всей стране...

Знатный овцевод, управляющий отделением тянь-шаньской опытной станции Сабыр Абакиров.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Б. СМИРНОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА.
Специальные корреспонденты «Огонька».

В ГОРЫ —

В самом центре Тянь-Шаня, в узкой долине между хребтами гор, стоит город Нарын. Он невелик — несколько тенистых улиц, небольшие дома, мост через бурную реку Нарын,— но город этот можно по праву назвать столицей тянь-шаньских чабанов. Совсем недавно, полтора года назад, Нарын стал областным центром. Главная забота, которой подчинены сейчас дела города,— это труд чабанов, кочующих со своими отарами в далеких и близких горах.

— Мне просто трудно подобрать слова, чтобы объяснить, насколько изменились сейчас условия жизни и труда чабанов,— говорила секретарь Нарынского обкома КП Киргизии Мырзагуль Джамангулова. — Ведь я сама выросла в чабанской семье... Главное — совсем другими стали люди. Понимаете, теперь чабан — это не заброшенный кочевник, а вполне современный, развитой человек, который хочет и жить в культурных условиях, и хорошо одеваться, и регулярно читать газеты, и вовремя постричься, и послушать концерт... Чабаны подчас просто требуют: пришлите к нам хорошего лектора, или профессора-медика, или популярного артиста! Не удивительно, чабанскую профессию нередко выбирают для себя парни и девушки. Многие животноводы заочно учатся. А знаете, сколько у нас поэтов среди чабанов! Спичек в юрте может не быть, но книга, музыкальный инструмент, радиоприемник — обязательно. Культурному обслуживанию чабанов мы придаем большое значение. Это лекции, кинофильмы, приезд артистов... Мы отправляем в горы целые агитколонны, которые бывают в самых труднодоступных районах. Широко применяется система обслуживания по заявкам. Зимой и летом, днем и ночью в горах можно встретить машины, идущие к чабанам...

Турганбай Абдыгазиев пил в юрте чай. Чай уже остыл, но Турганбай все так же медленно, словно боясь обжечься, мелко отхлебывал зеленоватый настой.

«Что-то постарел я,— думал Турганбай,— что-то быстро устал. Овцы стали хитрые, как шайтаны, гоняйся за ними всю ночь на лошади! И отара кажется теперь очень большой, и горы будто круче. Да нет, ничего не изменилось, просто я старый стал, наверное. А может быть, больной я?»

Турганбай заглянул наверх — там, в открытом проеме крыши, виднелись рваные облака и клочок блекло-голубого неба. Полумрак юрты хранил тепло, а за тонкими ее стеклами метался ветер, принося в ущелье холод снежных вершин. Сейчас внизу, в долинах, печет солнце, ребятишки плещутся в теплых арыках, а старики пьют чай в тени могучих чинар... Хорошо бы погреть на солнце усталую спину!

тины далекого детства. Вот он с отцом, с матерью сидит в юрте, и огонь трещит под закопченным казаном. Здесь же братья и сестры, весь немудреный кочевой скарб юрты. Вот он мальчишкой пасет овец, и овцы разбегаются по склонам. Турганбай очень боится за них, потому что в горах есть волки, а на десятки километров вокруг — ни души...

Чабан не услышал, как к шуму горного ручья прибавился надрывный прерывистый гул ползущих в гору машин. Не услышал, как машины остановились у юрты.

Дверь распахнул веселый парень.

— Салам, Турганбай! Да ты спишь! Угостил бы кумысом с дороги... Заболел, говоришь? А мы сейчас доктора вашего, Кыдыка Андреевича, на его «УАЗе» встретили, он к тебе вечерком прикатит. А может, это к тебе вертолет санавиации утром летел, может, ты его своей «Спидолой» вызвал? — захохотал парень и взял приемник. — Э, да он у тебя испорчен! Вот мы его сейчас и починим. Давайка я тебя пока постригу... У Аскара нашего сегодня в аппарате цветная пленка заряжена, закажи ему цветной снимок! А где жена, где все чабаны? За нами следом автолавка пылит, все ваши заказы везет...

У юрты рядом с лошадью теперь «паслись» два автофургона. Машины выглядели как бывалые путники. Краска местами отвалилась с пыльных кузовов, кое-где металл хранил следы от ударов острых камешков и царапины упрямых веток. Но детишки чабанов, неизвестно откуда взявшись, сгрудились у запыленных машин, словно у волшебных ящиков. Машины и впрямь были полны чудес. Вот один из веселых молодых волшебников вытащил из фургона коробку с никелированными приборами, и с головы завернутого в белую накидку Турганбая полетели по ветру состриженные волосы. Другой парень рассаживал чабанов перед фотоаппаратом, и те, гордо распрямив плечи, устремили неподвижные взгляды поверх объектива, на белые гребни гор. Потом застучал молоток сапожника, и, заглушая его, раздались трели и трески ожившей «Спидолы»...

Турганбаю стало весело. Подстриженный, помолодевший, он прикрепил к новому пиджаку орден Ленина, медали ВДНХ и значок ударника, вместе с женой и детьми чинно дождался очереди и уселся перед объективом фотокамеры. У юрты собралось уже много народу: это чабаны из соседних бригад, издали приметив бытовой автофургон, прискакали сюда целыми семьями. Турганбаю нравилось, что все видят его награды. Хотя

Чаепитие в юрте Абдыгазиевых.

Выступление Нарынского самодеятельного ансамбля.

Идет профилактический осмотр...

С ЗАБОТОЙ

Турганбай потянулся за «Спидолой». В этот час по радио передавали сводку погоды для чабанов. Может, и в горы уже идет тепло? Но «Спидола» молчала. Опять малыши баловались с приемником! Это все Апал, жена. Зачем она настояла, чтобы дети были здесь, в юрте, а не в удобном доме в поселке?

Турганбай рассерженно отодвинул приемник, потянулся за чайником. Чайник уже остыл, и пришлось вставать, идти к плитке. Но плитка не загоралась. Видно, газ кончился в баллоне...

Турганбай раздвинул легкие резные створки двери и выглянул наружу. Свернувшись клубками, лежали у входа усталые собаки. Лошадь тянулась губами к редким травинкам, и длинная ее грива трепетала на ветру. Небо прояснилось, и только маленькие облака-овечки жались к белым вершинам.

Турганбаю стало холодно. Он вернулся к остывшему чаю, закрыл глаза, и потекли кар-

каждый здесь и знает, что он, Абдыгазиев, один из лучших чабанов на Тянь-Шане, но ведь не каждый же день случается надевать парадный пиджак с орденом!

Лужайка у юрты напоминала ярмарку. Раз собрались чабаны вместе — значит, поговорить надо, дела обсудить. У кого-то в руках запел комуз, пустились в пляс малыши. А тут приехала и автолавка.

...Только к вечеру разгоряченный Турганбай присел возле юрты. Ломота в спине прошла, и вместе с ней исчезла куда-то усталость. Какая там болезнь, просто сырой туман разнобил его утром! И не старый он совсем.

Чабаны, завернув в плащи покупки, ускакали к себе в горы. Взревели моторы отдохнувших автофургонов.

— Оставайтесь ночевать, всем места хватит! — приглашал Турганбай, но моторы машин ответили громкой дорожной песней.

— Что ты, хозяин, нас ведь всюду ждут! — сказал, прощаясь, веселый парикмахер Сабыржан. — Чабаны ждут нас в горах, а дома — жены. Ведь у нас, Турганбай, тоже семьи есть. Только видим их редко — все в горы спешим, к вашим заботам...

— Да у тебя, Турганбай, и без нас гостей хватает! — добавил шофер автомастерской Амангул Мушур-Алиев. — Библиотекарь приезжает? Приезжает! Концертная бригада была? Была! Про медицину и почту уж и говорить не приходится. Однако пора ехать.

Машины ушли, мигнув последний раз на повороте малиновыми огоньками. Снова тихо стало в горах. Из юрты вкусно пахло лепешками. Хорошая жена Апал: и приезжих угостила, и покупки успела сделать, и о газе для плиты позаботилась...

Турганбай привычным рывком забрался в седло, кликнул собак и направил лошадь туда, где на склоне горы, как облачко, белела отара овец...

ВРЕМЯ, СЦЕНА, ГЕРОЙ...

Н. ТОЛЧЕНОВА

Недаром сцена представляется нам, зрителям, всесильной: она не знает барьеров времени...

В самом деле, герой нынешний и герой вчерашний для сцены равны, поскольку всегда действуют в спектакле, идущем сегодня... И, наверное, можно сказать, что, оформляя сцену, режиссер вместе с актером и художником овеществляют Время.

В этом магия театра, его великое волшебство...

Одну и ту же сценическую площадку — в общем-то, нехитро устроенный помост — мы, согласно велению театра, видим всякий раз новыми глазами... Видим, как это и приказывает театр: местом встречи Вронского с Анной Карениной; обветшалой усадьбой, где живет дядя Ваня; колокольней, откуда ведут бой партизаны Вершинина; бескрайней донской степью двадцатипятитысячника Давыдова...

Конечно, талантливый артист может представить нам своего героя даже и на пустой сцене. Я помню, как В. Н. Пашенная, не выходя из своей комнаты, показывала горьковскую Вассу и тут же Хозяйку «Каменного гнезда», чтобы мы могли увидеть, какие они разные, непохожие.

Веря в великую силу актера, равно как и в чудесную способность зрителя домысливать, дорисовывать все, что окружает героя, всю обстановку действия, молодой режиссер Е. Еланская предлагает интересное решение «Почты на юг» (по Сент-Экзюпери). Это спектакль-концерт в Зале имени Чайковского. Художнику Э. Стенбергу не мешает органная кафедра; изящный белый столик на сцене — вот, собственно, и все оформление. Столь же условны и чуть стилизованные костюмы, которые создает Стенберг.

Откуда же в конечном счете возникает высокое эмоциональное воздействие этого своеобразного спектакля на публику? Актеры?.. Да, конечно!.. Отвечая режиссерскому замыслу, они прочитывают свои роли мягко, без малейшего нажима, в точно найденном глубинном ключе, который мгновенно «отмыкает» и душу зрителя, и мы как бы сами начинаем «видеть» перед собою все происходящее.

Тут, вероятно, более всего дают себя знать безмерные, но очень еще мало изученные сотворческие возможности зрительного зала, наше общее активное участие в созидании образа.

Но, что и говорить, подобные удачи случаются не очень-то часто. А в обычной практике театра впечатления зрителя обогащаются сильнее во сто крат, когда режиссер и художник вкупе окружают актера на сцене еще и зримым, вещным миром, благодаря чему психология героя, все его поступки не просто получают наглядность, «подкрепляются» реальной обстановкой, а создают западающие в душу приметы Времени, перерастают в живой и сильный облик Времени.

Вещь на сцене перестает быть просто вещью. Точно связанная с образом, она «работает» на сверхзадачу.

Вспомним деловитый, размеренный, безжалостный стук топора в финале «Вишневого сада» на сцене МХАТ... Создавая свое учение о театре, великий Станиславский подчеркивал, что в постановке пьесы нет мелочей, нет деталей незначительных, второстепенных, а есть сложное, живое единство замысла и воплощения.

Спектакли Художественного театра, обретая всю полноту и прелесть такого именно воплощения — тончайших изобразительных, пластических находок,— становятся подлинной классикой. Они раскрывают поистине неограниченные возможности декорационного искусства, но в то же время утверждают подчиненность формы, зримых образов спектакля идее, мысли, всей структуре **внутреннего** движения пьесы.

В этом смысле весьма поучительна работа В. Мейерхольда над постановкой «Дамы с камелиями». Продумывая с необычайной требовательностью каждую деталь каждой мизансцены в этом спектакле, Мейерхольд не допускал отношения к вещам как к пустякам. Его волновали даже и не самые костюмы, грим, прически, сколько малейшие их нюансы, подробности, казалось бы, из зрительного зала вовсе не различимые... Ничего не упуская из виду, Мейерхольд тщательно отбирает реквизит, всю сценическую обстановку. Предметы должны не просто отвечать своему назначению, но создавать настроение! И работники театра получают непременное предписание режиссера: найти и приобрести в комиссионных магазинах Москвы и Ленинграда для «Дамы с камелиями» подлинную антикварную мебель восемнадцатого века, скрупулезно точно отвечающую рисункам и фотографиям.

Московская публика с большим интересом следила за всеми этими приготовлениями. Но вот удивительное дело: ничего нового, значительного в историю театра спектакль, в общем-то, не внес.

II

С годами сценография, наследуя великие традиции и развиваясь, что-то отбрасывая, а что-то обретая, создавая новое, предстает как искусство гораздо более простое, а в то же время гораздо более сложное.

Конечно, теперь редко где вспоминают об антиквариате. На первом плане режиссер и художник держат сверхзадачу, общий, масштабный образ спектакля. Не устаешь восхищаться глубиной проникновения в работах Н. Акимова, Б. Волкова, И. Сумбаташвили, Н. Шифрина...

Иногда художники предлагают зрителям единое декорационное решение постановки. Однако же и в этом едином оформлении мы безошибочно различаем художественные элементы, помогающие видеть еще и известные изменения в ходе событий, подчеркивающие нарастание внутреннего драматизма.

В ленинградских «Трех сестрах» Г. Товстоногов, выстраивая свой спектакль, дает художнику С. Юнович необычайный простор для действия. И театр вводит нас в удивительное обиталище чеховских героинь — красивых душою людей. Это дом и одновременно цветущий весенний сад... Потом сюда вторгнется злая сила мещанства, начнет хозяйничать Наташа Л. Макаровой, и вокруг все сразу изменится, погаснет, потускнеет...

А какой неповторимый, никем и никогда вроде бы не виданный, а в то же время единственно возможный, убедительный мир создает великолепный художник Ю. Пименов в спектакле «Таланты и поклонники», поставленном М. Кнебель на сцене Театра имени Маяковского! Это не просто любопытная «обратная» сторона повседневной актерской жизни, открывшаяся вдруг зрителю: всевозможные старые декорации, обшарпанные кулисы, афиши, но еще и мир творчества, мир самоотвержения, мир беззаветного служения искусству, который приносит сюда герой М. Штрауха, старый неудачник, влюбленный в театр.

В «Дядюшкином сне» тот же режиссер и тот же художник создают совсем иную обстановку для М. Бабановой. Ее героиня — мордасовская дама Мария Александровна, несбыточными замыслами своими неустанно мучающая себя не меньше, чем других,— существует в наглухо замкнутых по кругу, стеганых комнатках-бонбоньерочках, откуда, кажется, вовсе нет никакого выхода!.. Не только настоящая жизнь в них не проникает, но будто и самый воздух... Тюрьма... И видишь, что, став тюремщиком дочери, героиня М. Бабановой сама на всю жизнь заключена в той же тюрьме.

В страшный, душный мир несчастья превращает сцену Театра имени Моссовета художник А. Васильев, создавая вместе с режиссером Ю. Завадским спектакль «Петербургские сновидения» (по роману Достоевского «Преступление и наказание»). Вытянутый вверх до отказа мерзкий двор-колодезь; облезлые, угрюмые стены свинцового цвета; узкие, мрачные, словно на эшафот ведущие, лестницы; тесные клетушки неустроенного человеческого жилья... И такие закономерные здесь, я бы сказала, неизбежные выходы Бортникова—Раскольникова по узкому, протянутому со сцены в зрительный зал мостику — к людям...

Этот же художник в некрасовском спектакле «Золото, золото, сердце народное», который поставлен молодым режиссером Е. Завадским, всю площадку сцены, весь ее размах творчески выразительно использует для свободного, просторного выявления непокорной народной души. Здесь В. Марецкая утверждает яркий, человеческий талант своей героини — веру в будущее человека и народа. Здесь на сцене торжествует былинная широта ЭПОСА... А вот торжество ЛИРИКИ — поэзия сценографически скупого, сдержанного, почти документально изложенного театром повествования о тонких, сердечных взаимоотношениях Бернарда Шоу и актрисы Пэт Кембелл... Это «Милый лжец», блистательно играемый Л. Орловой и Р. Пляттом в постановке Гр. Александрова.

Художник А. Васильев и на сей раз заставляет удивляться точности, целомудренной строгости решения сложной психологической темы. Действие спектакля происходит в небольшом пространстве, собранном по правую и левую стороны сцены и выраженном всего несколькими штрихами: рабочая конторка Шоу да несколько предметов скромной обстановки Пэт... И, оказывается, ничего нам больше не нужно, чтобы мы остро, свежо, напряженно ощутили и особенность характеров и необычность всей атмосферы, окружающей героев.

Почему же вдруг не получился аналогичный, казалось бы, спектакль «На балу удачи»?.. Великолепная актриса Л. Сухаревская ведь с полным правом определяет роль Эдит Пиаф как СВОЮ, давно ожидаемую, остро драматичную роль; она сама вместе с Е. Якушкиной участвовала в создании пьесы о французской певице.

Спектакль этот, поставленный А. Дунаевым в Драматическом театре на Малой Бронной, оформлен художником С. Ставцевой. Впрочем, оформление здесь — лишь неприглядный, какой-то подчеркнуто замызганный диванчик посреди сцены, да еще великое множество разноцветных, ярких и пышных занавесов.

Звучат темпераментные, страстные, резко усиленные динамиком песни Эдит Пиаф... Увлеченно рассказывает о жизни певицы Л. Сухаревская... А непередаваемое словами волшебство, некое слияние зрительской души с жизнью человеческого духа на сцене, увы, не свершается... Не возникает чувства гармо-

нии целого; нет ощущения единства человека с Временем. Оно размыто, размельчено какими-то случайностями, может быть, ненужным вовсе знакомством нашим с теми незначительными людьми, которые довольно часто вторгались в судьбу Эдит Пиаф, принося ей боль и разочарование.

Видимо, ощущая досадную ущербность, даже унизительность этих обидных для героини встреч, режиссер и художник «возмещают» потери спектакля обилием занавесов, подчеркнутой их «красивостью». В иные напряженные минуты эти явно ненужные Пиаф — Сухаревской занавесы вдруг начинают бурно, как при урагане, развеваться во все стороны, обозначая, наверное, еще большее «нагнетание страстей».

III

Занавес вообще может играть, оказывается, чуть ли не первостепенную роль в спектакле. Даже таком, как «Гамлет»!..

К этому неожиданному, прямо скажем, выводу пришли многие критики, посмотрев шекспировскую пьесу в Театре на Таганке.

На чем же базируется подобное впечатление?.. И дает ли основание для него работа художника Д. Боровского, оформившего постановку Ю. Любимова...

О занавесе в «Гамлете» уже столько было говорено, что, придя в театр, публика невольно начинает именно занавес рассматривать в первую очередь. А занавес и впрямь необычен!.. Удивляет тяжелая фактура — грубое, сквозное плетение толстой темно-коричневой пряжи... Несмотря на всю свою громоздкость, какую-то явную переизбыточность, занавес «способен» свободно передвигаться по сцене во всех направлениях и, кажется, своей массой может сбить с ног, а то и вовсе уничтожить, стереть с лица земли человека... Удивительно ли, что на таком подавляюще-мрачном фоне, при полном почти отсутствии других сценических атрибутов, говорящих о реальной жизни людей, сами эти люди, все без исключения, представляются в конце концов слишком уж мелкими, маленькими, в том числе даже Гамлет В. Высоцкого... И, отнюдь не касаясь здесь многих прочих сторон творческого решения спектакля «Гамлет», а имея в виду только нарочитую, чрезмерно подчеркнутую бедность оформления, как бы «компенсируемую» занавесом, с огорчением замечаешь, что занавес — его «масштабность», «монументальность» — в чем-то важном заслонил героев, помешал им выразить сложность и напряжение шекспировского Времени.

IV

Думается, критик Г. Макарова высказывает довольно-таки спорную мысль, когда в своей статье «Давид Боровский» (журнал «Театр») берется доказывать, будто художник этот «знает, что суть человека не только в принадлежности миру и Вселенной, но и в привязанности к каждому дню. Люди у Боровского «вытолкнуты» в мир, который, как известно, велик, но этим же людям свойственно возвращаться под крышу своего дома. Быт в спектаклях Боровского человечен, и вся стихия его спектаклей бытовая, несмотря на крайнюю обобщенность оформления».

Нет, вот уж чего-чего, а именно человечности-то, на мой взгляд, как раз больше всего и не хватает Д. Боровскому. Он строит подчеркнуто «небытовые», сухие, лишенные красок и цветовых пятен спектакли... В них люди «вытолкнуты» в мир не «под крышей», а в мир особый — недобрый, лишенный души, конкретных примет жизни «своего дома».

Конечно, сценография Боровского, его спектакли всегда сразу бросаются в глаза необычностью решений. Но сами-то эти решения порой как бы загораживают, а тем самым замельчают героя. Даже в волнующей драматической повести о войне и подвиге «А зори здесь тихие» нужно огромное напряжение, нужен необыкновенный подъем таких талантливых актеров, как В. Шаповалов, З. Славина, чтобы преодолеть явно надуманную сложность сценического оформления.

Да и сам художник Д. Боровский, по-моему, весьма решительно опровергает точку зрения Г. Макаровой — о господстве бытовой стихии в его спектаклях — одной из последних своих работ. Это «Валентин и Валентина» на сцене театра «Современник».

Какой уж тут быт! Какая уж тут «стихия» человечности!

Давайте посмотрим на сцену... Ее загромождает множество металлических светильников разной высоты, но одинаковой формы. Такие светильники обычно в городах стоят на улицах, вдоль тротуаров... Тут же на сцене голые металлические остовы кроватей, именуемых в продаже «панцирной сеткой». Одна из них, поставленная «на попа́», образует нечто вроде дверцы лифта с частой решеткой. Из-за этой решетки и смотрят на «мир» поочередно то Валентин, то Валентина... Нет ничего, ни одной детали, несущей приметы обычной человеческой жизни. Разве только пестрый платочек набросит кто-нибудь из героев на ближайший светильник, когда «Современник» хочет сказать зрителю, что действие происходит не на улице, а «дома»... Впрочем, на одном из таких светильников еще жарят вдруг настоящую яичницу, изумляя этим зрителя...

Уже сам по себе весь этот металлически-тяжелый, придавливающий, урбанистический антураж рождает ощущение безнадежности, бесперспективности первой любви молодых героев. Впрочем, пьесу М. Рощина прочитывает в этом плане, конечно же, и режиссер В. Фокин. Поэтому не удивительно, что полюбившие друг друга молодые герои артистов И. Акуловой и К. Райкина предстают в спектакле беспомощными, нежизнеспособными... Тут и мир, окружающий героев, в лучшем случае кажется равнодушным, а то и вовсе не дружелюбным.

Благодаря такому именно оформлению пьеса М. Рощина выглядит на сцене «Современника» мрачнее, чем она есть. Но все же она обретает здесь некую мысль, проблему, пусть даже и негативно решаемую... В Русском же театре драмы в Таллине, где режиссер Е. Хигерович и художник В. Пейль прочли и поставили пьесу такой, какая она есть, возникает вот уж истинно «бытовая», начисто лишенная поэзии история полудетского увлечения героев... Налет мещанства, заурядности тут виден на всех персонажах, а на Валентине — в первую очередь.

Художник оформляет спектакль «попросту», но с излишней, мягко говоря, откровенностью, располагая вдоль авансцены большую «семейную» кровать. Валентина, полуобнаженная, откровенно оплакивает здесь свое падение. Но не материнский гнев ее страшит — ей обидно, что «рубикон перейден» без цветов, в неприглядной чужой комнате...

Попытку несколько приподнять и высветлить пьесу — думается, все же так и не увенчавшуюся успехом,— предпринял МХАТ... И прославленные актеры старого состава и новые актеры, пришедшие в театр вместе с О. Ефремовым, играют «Валентина и Валентину» в постановке режиссера В. Кузенкова. Играют, стремясь показать хороших, что называется, без сучка и задоринки, людей... Обе матери — всякая на свой лад — желают счастья своим детям. И дети вполне того достойны! И счастье у них, как говорится, впереди!.. В свою очередь, и художник Л. Столярова тоже делает все, чтобы в душу зрителя запала трогательная история первой любви Валентина и Валентины... Скромная садовая скамейка — постоянное место их встреч — становится в МХАТе как бы зрительным образом обоюдной душевной чистоты молодой пары...

Спору нет, работая над пьесой, театр затратил много усилий. Но, как ни грустно, они не увенчались большим творческим результатом. Спектакль не прозвучал.

Впрочем, это и понятно: из пушек по воробьям не стреляют.

V

В своей творческой магии, в своем творимом на сцене волшебстве, Театр, как мы видим, далеко не всегда добивается желаемого успеха.

Основой его всегда остается пьеса. Но даже и пьесы бывает мало. Даже таланта Режиссера и Актеров может быть недостаточно. Ибо столь же огромно значение Художника, который призван не просто «позанятнее» показать время, жизнь, судьбы человеческие, но создать единый, сильный и впечатляющий их образ, полный мысли и чувства.

Мысль и чувство — вот то главное, что характеризует достижения советской сценографии. И тут снова не без тревоги перечитываешь статью В. Березкина «Сценография сегодня» («Театр» № 4).

Снова встречаешь тут безоговорочное восхваление работ Д. Боровского, да к тому же «подкрепленное» многими весьма спорными зарубежными примерами. Ну вот, скажем, описание одной из «фигуративных композиций», которую особенно хвалит автор как «задающую тон», энергичную и смелую.

«По полу были разбросаны,— пишет В. Березкин,— шины, обрывки рук, ног, в глубине — куча забинтованных, бесформенных, пропитанных кровью тел, среди них торчат оплывшие желтые свечи. К боковой стене прислонена лестница, на ступенях которой разрозненные грязные сапоги, перебинтованная нога, болтающаяся на куске сломанной планки. На первом плане — некогда белый рояль, ныне заляпанный и обгорелый, прямо в клавиатуру воткнуто древко оборванного флага, в крышку вбиты гвозди, тут же треногий протез, завершающийся идиотски улыбающейся головой, и обломок колонны, из которой торчит свеча...»

Какой же «тон» может быть задан **такому** спектаклю, если учесть, что это спектакль о войне?!.

А вот какое «оформление» рекомендуется для постановки чеховской пьесы «Иванов».

«На сцене — диван, кресла, пуфы, стулья, покрытые бархатными зеленоватыми чехлами с бахромой, рояль, виолончель, четыре столика — круглый, ломберный, садовый и еще один для игры в карты. Все эти вещи — подлинные, взятые из гостиных, кабинетов героев чеховской пьесы. Собранные воедино, расставленные в одном общем пространстве, освещенные сразу тремя хрустальными люстрами и огороженные высоким забором из неровных, неструганых досок, они словно обретают новое качество. Где-то в глубине сцены стены забора сходятся, образуя узкий коридор — выход. Еще не появились актеры, еще не началось действие, а его интонация, ритм, пластика мизансцен, даже будущие перемещения актеров во многом уже предопределены созданной художником средой — бытом, который оказался сведен в антибытовую, хаотичную с точки зрения жизнеподобия композицию, бытом, с которого словно содрали кожу,— стены оголили и поставили в острейшем соприкосновении с грубыми досками забора. Здесь страдают и пляшут, развратничают и умирают, любят и стонут от боли, радуются и напиваются. В правой части сцены на тахте умирает Сарра, в левой — наряжают для свадьбы Сашу. Медленно уходит в коридор похоронная процессия, и тут же все возвращаются, кто-то садится за рояль, и все — и господа и слуги — кружатся в танце...»

С большим «сочувствием», подробнейше описывает критик и многие другие подобные же решения, действительно антибытовые, хаотичные с точки зрения живой жизни.

Все эти работы показывались на мировой выставке — Квадриеннале 1971 года. Но так ли уж безоговорочно приемлемы они для советской сцены даже в качестве рекомендаций?..

VI

В этой связи хочется напомнить знаменательные слова Бертольта Брехта, который, размышляя о работе художников, писал: «Бедняк, которому не хватает кухонного стула, не испытывает нехватки краски и формы. Богач, владеющий красивым старинным стулом, видит в нем не место для сидения, а форму и цвет. Мы, коммунисты, видим вещи иначе, чем эксплуататоры и их прислужники. Но это различное видение относится к вещам. Речь идет о вещах, а не о глазах. Если мы хотим научить тому, что вещи должны быть увидены по-другому, мы должны учить этому на вещах. И мы хотим, чтобы они были увидены не просто только «по-другому», но совершенно определенным образом, совсем иным, но не только иным, отличным от других образом, а п р а в и л ь н ы м, то есть образом, соответствующим вещам. Мы хотим освоить вещи в политике и в искусстве, и мы хотим не только «освоить». Предположим, кто-то выступает и говорит: «Я осваиваю». Разве любой тут не спросит: «Что?» Я слышу ваши слова: «Нашими тюбиками с краской и карандашами мы можем передать только краски и линии вещей, ничего больше». Это звучит так, словно вы скромные люди, честные люди, чуждые всякому обману. Но это звучит лучше, чем оно есть в действительности. Тысяча примеров подтверждает, что тюбиками с краской и карандашами можно о вещах рассказать, раскрыть, объяснить больше, чем только то, что относится к линиям и краскам...»

К этому, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

Рассказать, раскрыть, объяснить жизнь в ее сложности, красоте, борьбе — призвание художников советской сцены, их высокий долг перед своим народом.

Виктор КУДРЯВЦЕВ

УГАНДА — СТРАНА НА

Направляясь на автомашине из аэропорта Энтеббе в Кампалу, вы въезжаете в северное полушарие. Чтобы посетить живописный горный район по берегам озера королевы Елизаветы на границе с Заиром, вам надо снова спуститься в южное полушарие. Географическая судьба поместила Уганду на границе севера и юга нашей планеты — ее пересекает экватор. Неподалеку от угандийского города Масака поперек шоссе, тянущегося вдоль берегов озера Виктории, проведена узкая желтая полоса — это и есть экватор. Одновременно она разделяет пополам угандийскую деревушку. Экватор упирается в стену хижины. Хозяин живет в северном полушарии, а его пятеро детей занимают комнатку в южном. Жители ходят в гости друг к другу или по делам из одной половины земного шара в другую.

Лучи солнца падают здесь отвесной стеной. В нашем представлении тут должно быть нестерпимо жарко, душно. «Ну и погодка,— говорим мы,— как на экваторе». Мы ошибаемся. Здесь довольно мягкий, легко переносимый климат. Температура колеблется от 26 до 29 градусов. Ветрено, а вечером прохладно. Иногда идут дожди. Уганда не знает времен года — ни зимы, ни лета. Здесь всегда стоит ровная погода...

Уганда — граница севера и юга Африки не только потому, что здесь сходятся оба полушария, но еще и потому, что здесь берет свое начало великий Нил, соединяющий древность с современностью. Исток Нила — река Кагера впадает в озеро Виктория. По площади это озеро равно двум Бельгиям, местами его глубина достигает километра. «Африканское море» появилось на картах мира в середине прошлого века. Его открыл английский путешественник Джон Спик. Он увидел здесь гиппопотамов, стаи неведомых голубых и оранжевых птиц, большое количество слонов, вышедших на водопой.

Сегодня в том месте, где английский путешественник подошел к истокам Нила, стоит каменный обелиск и доска с надписью, напоминающей об этом событии... Впрочем, это было открытие истоков Нила лишь для европейцев. Африканцы многие века жили здесь в непосредственном общении с великой природой континента, такой же древней, как и африканская цивилизация.

Затем эти места посетил английский журналист Генри Стэнли. Он представил обширный доклад английскому правительству, в котором указывал на необходимость срочного захвата Британской империей этого ключевого района Африки. Лондон торопился еще и потому, что с запада к этим местам подбирался его основной колониальный конкурент того времени — кайзеровская Германия. Она обосновалась на западном побережье Африки, в Камеруне, и оттуда стремилась организовать проникновение в экваториальные районы. В начале двадцатого века в Уганде побывал тогда еще малоизвестный парламентарий и журналист Уинстон Черчилль. Он назвал Уганду «райским уголком» и составил план использования Уганды в качестве форпоста для английского проникновения в другие «райские уголки» Африки, а также захвата природных богатств страны. К началу двадцатого века Лондон навязал небольшим государствам этого района неравноправные договора. Уганда стала английской колонией.

Борьба угандийского народа против колониализма продолжалась более полустолетия. В октябре 1962 года Уганда стала независимым государством...

Ныне Уганда быстро меняется. Лучшие умы Уганды прекрасно понимают, что укрепление независимости и суверенитета страны — важнейшее условие, без которого невозможен никакой дальнейший прогресс.

Бесславно закончившаяся недавно эпопея угандийской авантюры сионизма весьма примечательна. Несколько лет назад угандийское правительство столкнулось с серьезными финансовыми трудностями. Прежнее руководство страны обратилось за займом в Лондон. Однако в британской столице эта просьба не встретила понимания. Вместе с тем чиновники соответствующего ведомства, с которыми вели переговоры угандийские представители, несколько неожиданно порекомендовали Кампале обратиться к... Тель-Авиву, поскольку, мол, этот последний «обладает возможностями помочь» Уганде. Правительство Милтона Оботе довольно безответственно отнеслось к этому «переадресованию». В результате было заключено соглашение о «помощи» Уганде. В африканскую республику в огромном количестве посыпались всякого рода израильские специалисты. Они с быстротой и ловкостью стали внедряться в важные звенья государственного аппарата, стремились укорениться в армии Уганды, проникли в аппарат государственной безопасности. «Специалисты» начали мутить воду в вооруженных силах, пытаясь раздуть вражду между офицерами, выходцами из различных племен, и использовать это в своих интересах. Они добивались доступа к государственным секретам страны, беззастенчиво стремясь насадить в органах безопасности свою агентуру. Независимость Уганды оказалась под угрозой. Нынешнее руководство страны пересмотрело решение прежнего правительства. Правительство президента Иди Амина приняло решительные и своевременные меры. Сионистская агентура была изгнана из страны, дипломатические отношения с Израилем порваны. «То, что произошло в нашей стране,— отмечал в этой связи министр иностранных дел Уганды Вануме Кибеди,— может случиться и в любой другой африканской стране, где силы колониализма руками сионистской агентуры пытаются развернуть подрывную деятельность. Это урок не только для нас, это урок для всей Африки».

Важнейшей проблемой сегодняшнего дня в Уганде является становление национальной экономики. До последнего времени хозяйство страны было почти целиком ориентировано на капиталистические страны. Уганда вывозит кофе и хлопок. Основной импортер кофе — Соединенные Штаты, хлопка — Англия, Япония и Австралия. Равным образом иностранные компании все еще занимают ключевые позиции в экономике. «Стандард бэнк оф Саут Африка» и «Барклай бэнк»— оба британского происхождения — держат в своих руках кредитную систему страны. Голландский «Датч бэнк» укрепился и контролирует экономику восточной части Уганды. Англо-французский так называемый «Оттоманский банк» финансирует внешнюю торговлю. Многоэтажные здания этих финансовых монстров, расположенные на центральной улице Кампалы, Роуд-эромо, напоминают о том, что экономически колониализм все еще пытается устоять на африканской земле.

Нынешнее руководство Уганды стремится расширить узкие горизонты прежней экономической политики страны. В Кампале все более осознают важность и полезность для Уганды развивать сотрудничество с социалистическими странами.

Острая проблема страны — отсутствие национальных кадров для народного хозяйства, государственного аппарата, здравоохранения и просвещения. Эта проблема типична для всех молодых африканских государств, но в Уганде это уязвимый участок.

Вопрос подготовки национальных кадров — одна из жгучих проблем Уганды. И в этом отношении, как отмечают в Кампале, помощь социалистических стран может быть особенно полезной.

...Я приехал в Мбале поздно ночью и, чтобы не терять времени, позвонил врачу Анатолию Федоровичу Кравцову по телефону. Я извинился, может быть, я разбудил его. «Да нет,— ответил он,— мы тут поздно засиделись с друзьями. Небольшое торжество. Сегодня я сделал свою тысячную операцию здесь, в госпитале Мбале».

— Здесь работать трудно, но интересно,— говорит Анатолий Федорович Кравцов.— Африканцы — люди стойкие, терпеливые. Многие переносят самые тяжелые и болезненные операции без единого стона, со спокойным лицом, словно это их, так сказать, «не касается». Мне, врачу, знающему цену человеческим страданиям, это внушает глубокое уважение...

Анатолий Федорович получил образование в Ростовском медицинском институте. Сам он с Дона... Его товарищ Евгений Федорович Захаров учился в Москве, во Втором медицинском. Я присутствовал на приеме, который он проводил в терапевтическом отделении. У Евгения Федоровича особые сложности с диагностикой. Опрос пациента ведется через переводчика. В ряде лекарств Уганда испытывает недостаток. Особенно сложно было с антибиотиками. Теперь дело поправилось — Уганда закупает пенициллин, антибиотики в Советском Союзе.

Советские врачи пользуются всеобщим уважением. Их труд для угандийцев, живущих у подножия Элгона, олицетворяет добрую руку дружбы, помощи, протянутую советским народом народу этой африканской страны.

По просьбе журнала «Огонек» я взял интервью у министра иностранных дел Уганды г-на Вануме Кибеди. Вот его содержание, которое, на мой взгляд, заинтересует читателей, поскольку это — первое интервью, которое государственный деятель Уганды дал советскому журналисту.

— Как вы бы могли охарактеризовать главные принципы угандийской политики?

— Внешняя политика Республики Уганды основывается на нескольких определенных принципах. Первый из них — принцип непри-

соединения. Это означает, что Уганда как независимое суверенное государство свободна сама решать, что соответствует ее интересам и что нет. Он означает также, что мы сами выбираем своих друзей сообразно их отношению к нам. Во-вторых, наша внешняя политика направлена на то, чтобы бороться с проявлениями колониализма на Африканском континенте. Вот почему мы решительно выступаем в поддержку освободительного движения здесь, в Африке, потому что мы верим, что Африка не может чувствовать себя независимой, когда наши братья и сестры в различных частях континента находятся еще под колониальным гнетом. И третьим принципом нашей политики является поддержка всех международных организаций, членами которых мы состоим, в первую очередь Организации Объединенных Наций. Мы верим в принципы, заложенные в ее Уставе. Кроме того, мы верим в Организацию африканского единства, которая является организацией нашего континента и в которую входят независимые африканские государства. Таковы основы политики, которой мы придерживаемся.

— Вы упомянули о позиции Республики Уганды в связи с борьбой африканских народов за свободу. Что вы можете сказать о позиции Республики Уганды в связи с борьбой других народов против империализма?

— Поскольку мы решительно выступаем против империализма и неоколониализма, то из этого следует, что мы поддерживаем борьбу арабских народов за их права и борьбу вьетнамского народа. Стоим на их стороне, потому что считаем, что народы должны быть свободны выбирать, что лучше для них. Никто не может навязывать свое господство народу потому, что он невелик... Поэтому мы верим, что арабские народы, народ Вьетнама имеют полное право решать вопросы их жизни без вмешательства извне. Они добьются решающих успехов в борьбе против колониализма и империализма.

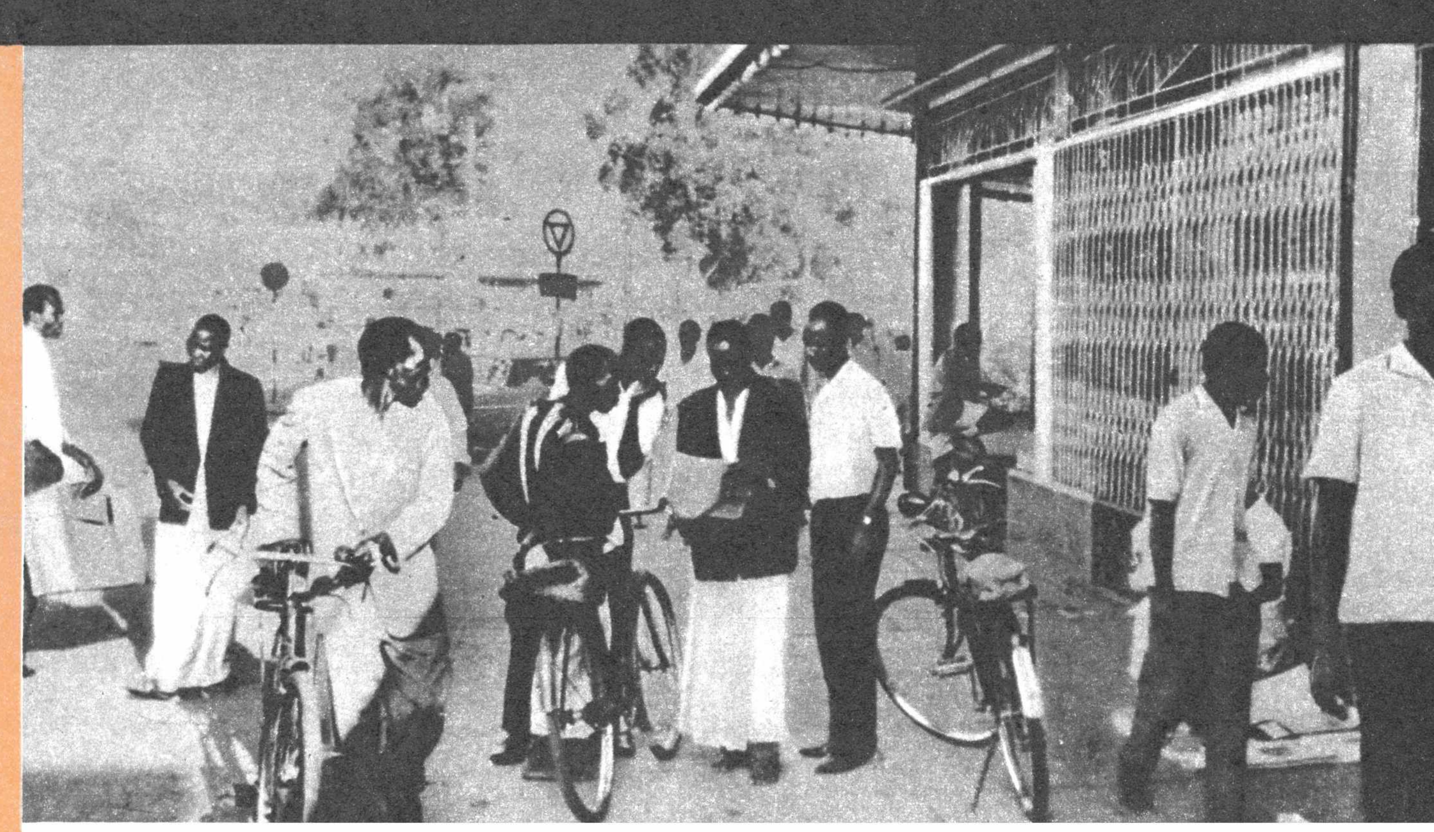
— И последнее: что вы думаете о развитии советско-угандийских отношений?

— Я счастлив отметить, что за период существования нового правительства отношения между Угандой и Советским Союзом находятся в самом лучшем состоянии. И перспективы их также обнадеживающи. Могу привести в качестве примера соглашение в области культуры и образования, которое предусматривает посылку в Уганду советских преподавателей и лекторов в угандийский университет, а также угандийских студентов на учебу в Советский Союз. Это очень хорошо, создаются прекрасные перспективы...

ЭКВАТОРЕ

Женщины племени баганда в праздничном одеянии.

Фото ТАСС.

На улицах Кампалы.

ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ

Советские люди проявляют симпатии и живой интерес к Африке, к ее прошлому и настоящему, к африканскому народу, который играл и играет важную роль в поступательном развитии человечества.

Правильное понимание современной международной обстановки и роли в ней народов Африки невозможно без глубокого изучения их истории, экономики, государственности.

Недавно вышедшая монография под редакцией профессора Р. А. Ульяновского «Функции государства в независимых странах Африки» уже встала в ряд лучших исследований, посвященных данной теме.

Понятие некапиталистического пути, выдвинутое марксистами-ленинцами применительно к современным условиям развития освободившихся стран на основе идей В. И. Ленина, вызвало большой поток теоретических исследований. В связи с этим особый интерес и значение приобретает практическая и теоретическая сторона дела, конкретные процессы, происходящие в настоящее время в социальной и идеологической областях жизни государств, избравших этот путь.

За последние годы на некапиталистический путь встали новые страны Африки. Они добились значительных успехов в укреплении национальной независимости и провели прогрессивные общественные преобразования.

Большая заслуга авторов монографии состоит в том, что они комплексно исследуют основные направления деятельности молодых государств Африки различной социальной ориентации.

«С образованием новых государств,— как подчеркивают в своем исследовании советские ученые,— на большей части Африканского континента в основном завершился первый этап национально-освободительной революции. Ныне эта революция вступила во второй, более трудный и длительный этап, главным содержанием которого является борьба за подлинную экономическую независимость и социальный прогресс».

Перед народами, добившимися политической независимости, встали новые, грандиозные по своим масштабам и историческому значению задачи, на решение которых направлена вся многогранная деятельность молодых государств.

В поле зрения советских ученых находится широкий круг проблем государственных функций независимых стран Африки, образовавшихся в результате крушения колониальной системы империализма и относящихся к так называемому третьему миру.

Как видно, само понятие «третий мир» весьма условно и имеет ограниченное значение. Он «не образует,— пишут авторы,— единого целого ни в политическом, ни в социально-экономическом отношениях». Входящие в него государства различаются и по избранному ими пути общественного развития и по своей социальной природе. Действительно, исторически возможны только два пути общественного развития освободившихся от колониальной зависимости стран — социалистический и капиталистический.

В книге подробно изложены внутренние функции молодых африканских государств: охрана общественного и государственного строя, роль в создании и в развитии новой технико-экономической структуры, в ликвидации колониального наследия в области культуры и просвещения, внедрение в сознание всех членов общества мировоззрения господствующих классов или социальных групп.

Рассмотрены также внешние функции, содержанием которых являются: оборона страны от нападения извне, борьба за мир и международную безопасность, борьба против колониализма, расизма и неоколониализма, развитие международного сотрудничества со всеми государствами независимо от их строя.

Однако, отмечая общность некоторых элементов содержания отдельных функций, авторы монографии в то же время не прошли мимо тех существенных различий, которые определяются социальной природой государства.

«В странах социалистической ориентации,— как справедливо указывают авторы,— охранительная деятельность государств направлена против тех эксплуататорских классов и социальных групп, которые стремятся при поддержке неоколонизаторов вернуть эти страны на капиталистический путь развития».

В странах капиталистической ориентации охранительные функции государства направлены против прогрессивных сил, выступающих за последовательное проведение глубоких социально-экономических преобразований и переход на некапиталистический путь развития.

Книга «Функции государства в независимых странах Африки», несомненно, подняла ряд актуальных проблем, расширила представление о процессах и явлениях в африканском обществе, весьма существенных для понимания исторического процесса нашего времени.

Ф. ВОЛОШИН

«Функции государства в независимых странах Африки». Издательство «Наука», 1972.

НА ВЕТРАХ ИСТОРИИ

Бора — так называется таинственный и самый свирепый на Черном море ветер. Зарождается он в районе Новороссийска, за кремнистым Маркотхским хребтом. Незаметно накопив огромную силу, бора внезапно обрушивается на город, порой срывает с домов крыши, ломает телеграфные столбы, выворачивает с корнем деревья. Подняв в море огромные волны, бора, как щепки, выбрасывает на берег «зазевавшиеся» океанские суда.

«Бора» — название нового романа писателя Якова Кривенка. Книга посвящена революционным событиям 1905 года. Здесь, в пролетарском Новороссийске, в декабре громыхнула революционная «бора». Рабочий класс изгнал губернатора, жандармов, изолировал солдат, полностью захватил политическую власть в свои руки, создал «Новороссийскую республику».

Опираясь на исторические факты, автор показывает, в каком сложном положении очутилась в предреволюционный период социал-демократическая партия на юге России. Меньшевистский Донской комитет выступил против Ленина. В Екатеринодарской организации царили разброд и шатание. Большие трудности испытывали новороссийские большевики, твердо стоящие на ленинских позициях. В книге показан сложный процесс укрепления социал-демократических комитетов Армавира, Тихорецка, станции Кавказская.

Справедливо, что в книге отдано должное революционеру Старосельскому.

Роман начинается с приезда в Новороссийск профессионального революционера Михаила Ветлугина. По поручению Старосельского Ветлугин объединяет отдельные кружки и группы, постепенно создает мощную революционную организацию — Черноморский комитет РСДРП.

Автору удалось показать, как в стихийном революционном движении масс зародилась идея о создании Совета рабочих депутатов, который впоследствии стал и организатором вооруженного восстания и органом управления.

У героев романа свои пути в революцию. У некоторых из них он особенно труден. Маша Гвоздева, дочь преуспевающего купца, полюбив Ветлугина, порывает со своей семьей, своим классом, вступает в новую жизнь. С интересом мы следим за любовью Маши и за ее самоотверженным поведением.

Конечно, в коротком отзыве о книге вряд ли можно дать полный анализ всех событий романа и образов ее героев. Но нам кажется, что главное в романе автору удалось. Михаил Ветлугин, Филипп Дубрава, Владимир Сокольский, Антон Зернов, Евсей Негнибеда, дед Окунь, Маша Гвоздева и другие зримо встают перед нами.

История Новороссийска богата революционными, боевыми и трудовыми традициями. В годы гражданской войны по приказу Ленина на рейде Цемесской бухты потоплена Черноморская эскадра. В годы восстановления от разрухи город быстро дал молодому Советскому государству цемент, который стал фундаментом многих новостроек первых пятилеток. Эта страница в жизни города нашла яркое отражение в романе Федора Гладкова «Цемент».

В годы Великой Отечественной войны Новороссийск грудью защитил Черноморское побережье от фашистского нашествия. Здесь мы вспоминаем книги Сергея Борзенко, Леонида Соболева, Г. Соколова и других, рассказавших о героизме и мужестве защитников Новороссийска и десантников «Малой Земли».

Герои романа Я. Кривенка «Бора» послужат примером для молодежи в формировании революционного мировоззрения, мужества, преданности Родине. В этом мы видим значимость этого произведения.

В. СОРОКИН,
председатель Новороссийского городского Совета депутатов трудящихся

Яков Кривенок. Бора. Краснодарское книжное издательство. 1972.

ЧИСТЫЕ РОДНИКИ

Книга Владимира Моложавенко «Голубые родники» увлекательно повествует о Доне.

Автор воспроизводит факты истории, перемежая их легендами, былинами, народными сказаниями.

Вереница замечательных людей проходит перед нами: мужественный солдат старой России Шабунин и писатель Лев Толстой, герой гражданской войны Николай Руднев и Герой Советского Союза Владимир Молодцов, космонавты Валентина Терешкова и Валерий Быковский, Михаил Шолохов и Серго Орджоникидзе... Сколько их, прекрасных сынов нашей Родины!

А вот строки о самом Доне: «Это на донских берегах выходили русичи на смертный бой с недругами. На его волнах рождался в петровские времена русский флот. На его берегах вспыхивали костры Разина и Пугачева, здесь звенели буденновские клинки, а в Великую Отечественную решалась судьба Сталинграда...»

Оказывается, какие памятные и дорогие имена для советского человека навечно слиты с Доном, с донской степью! В одной лишь главе о городе Ельце — Грибоедов, Писарев, Марко Вовчок, Семашко, Пришвин, Бунин... Незабываемые места, связанные с Пушкиным и Лермонтовым. В городе Задонске — Алексей Максимович Горький и снова Пушкин. Задонск — небольшой, мало кому известный городок, а какие яркие страницы из жизни этого города раскрывает автор!

Запоминаются очерки о Воронеже, о городах Павловске, Богучаре, Новочеркасске, Каменске, о донских станицах и хуторах, шолоховской Вешенской, о городе Серафимовиче... Со страниц книги встают Сталинград, Сталинградская битва, Волго-Донской канал имени В. И. Ленина, Цимлянское море, Цимлянская плотина. Обо всем этом уже написано немало, но В. Моложавенко живописует по-своему, у него свои краски, свои детали. И все время рядом с читателями — преображенная земля, обновленные берега древней реки, донская новь. Факты, один замечательнее другого...

Михаил АНДРИАСОВ

Владимир Моложавенко. Голубые родники. Издательство «Мысль». Москва.

Е. Адамова (Ашхабад). ДОЯРКИ.

Выставка произведений художников Средней Азии и Казахстана.

З. Ковалевская (Самарканд). В ЛОЖЕ.

Выставка произведений художников Средней Азии и Казахстана.

НАЙТИ ВОСКРЕСШЕГО

Ф. ШАХМАГОНОВ

Рисунки И. БЛИОХА.

ПОВЕСТЬ

18

Сальге уехал, а мы занялись исследованием белых пятен в этой истории.

Прошлое Раскольцева, Шкаликова...

И еще одно пятнышко.

Я уже упоминал, что Казанский сбывал доллары, полученные от Нейхольда, спекулянту валютой. Кто этот валютчик?

Решили поначалу, что найти валютчика будет легко. Но здесь мы встретились с большими трудностями.

Однажды Казанский обедал в ресторане. К его столику подсел грузный человек восточного типа. Он оказался веселым, общительным собеседником. Разговорились за столом, продолжили разговор в мастерской. Назвался незнакомец Габо. Он восхищался талантом Казанского, тут же купил у него картину. До утра распили не одну бутылочку. Уходя, Габо шепнул, что купил бы валюту... Казанский рискнул. Габо отдал деньги не торгуясь, сказал, что будет позванивать и возьмет, если еще появится... И позванивал.

В мастерской они больше не встречались. Габо звонил, и они сходились на улице, в подъездах домов. Короткая, как молния, встреча. Сверток передает Габо, сверток передает Казанский. И все... Никогда своего адреса или телефона Габо не оставлял.

Я несколько раз потом переспрашивал Казанского, действительно ли известно было Эдвардсу, кому и за сколько он продавал доллары. Нет, не оговорка. У Казанского сложилось впечатление, что Эдвардс и Нейхольд знали о Габо. После встречи Казанского с Эдвардсом за рубежом Габо ни разу не позвонил...

Мы его искали, но поиски ни к чему не привели...

И вот через несколько лет опять всплыла эта фигура.

Я уже упоминал о Гамузове, шофере II класса, таксисте, доставившем Иоахима Пайпера в гостиницу «Украина».

Ни по возрасту, ни по роду своих занятий он не подходил к этой компании. Его появление возле Сальге было для нас неожиданностью, оно таило в себе опасность, это был нежелательный для нас выход Сальге на автотрассы. Пришлось встретиться с Гамузовым на другой же день. Встретились в таксопарке, в кабинете инженера. Я предъявил ему удостоверение и предупредил, что разговор будет крайне серьезным. Он пожал плечами, но робости я у него не почувствовал.

Я сразу спросил:

— Кого вы, Юрий Александрович, встретили вчера на аэродроме?

Он попытался увильнуть от прямого ответа.

— Я работал на линии... Ждал пассажиров...

— Почему вы взяли именно того пассажира, который подошел позже других?

— Он мне больше понравился...

— Приплатить пообещал?

— Пообещал! — ухватился Гамузов за эту поставленную ему мной же лазейку.

Некогда, некогда было играть с ним в кошки-мышки.

Я выбросил на стол веером пачку фотографий.

Сальге идет по летному полю к аэровокзалу, он, Гамузов, протискивается сквозь толпу пассажиров в аэровокзал, останавливается у табачного киоска. Подбрасывает ключи. Сальге идет мимо киоска... Сальге садится в машину...

— Что означал этот жест с ключами? — спросил я.

Гамузов вытер пот со лба...

— Это кто же? Кого я встретил?

— Это я хотел у вас узнать.

— Шпион?

— А если шпион? Вы понимаете, Гамузов, в чем вы окажетесь соучастником?

И Гамузов начал рассказывать...

Все оказалось просто до удивления.

Однажды Гамузов довез с вокзала до гостиницы пассажира. По дороге они разговорились. Пассажир предложил Гамузову хороший приработок. Он должен будет обслуживать этого пассажира во время его приездов в Москву. Телефонный звонок. Надо будет встречать на вокзале, стоять у подъезда гостиницы с включенным счетчиком, выезжать по вызову в любой час дня и ночи. Оплата всего плана за день, второй план Гамузову. Пассажир назвался Габо. Гамузов подладился под его вызовы. Освобождал на дни приезда Габо своего сменщика от работы. По телефонному звонку подавал машину. Ездили по Москве, по московским магазинам, по гостиницам, выезжали иногда за город. Ничего подозрительного в поведении Габо шофер не замечал. Считал его богатым человеком, и только. Сам никогда ему не звонил и не искал. По его заданию он иногда обслуживал и других клиентов. Расплачивался всегда Габо.

— Каких клиентов?

— Разных... Приходилось развозить всяких гуляк... Несколько раз возил иностранцев...

Так и на этот раз... Он должен был встретить человека, который, сходя с самолета, снимет шляпу и вытрет белым платком пот со лба... После этого надо будет подойти к киоску с сигаретами, ничего не купить, у книжного киоска подбросить ключи и сесть в машину. Приезжий подойдет к машине, протянет листок бумаги с адресом. Его нужно будет доставить в гостиницу, подчиняясь в дороге каждому его требованию.

Оплата двойная... Несколько дней стоять возле дома на приколе, ждать вызовов. Все...

Гамузов дал нам словесный портрет Габо. У нас имелся портрет Габо, сделанный Казанским. Мы показали его Гамузову. Он признал в нем Габо.

Все закоулки, откуда могла бы возникнуть неожиданность, были взяты под наблюдение. Но проблема, перед которой мы встали, от этого не стала легче.

Приезд столь значительных гостей в нашей игре в какой-то степени предусматривался. Кто-нибудь должен был обязательно приехать; приехали старые знакомые: и Сальге и Эдвардс. Они круг своих людей не расширили. Соблюдали осторожность.

Но только ли осторожность?

Незадолго до этого визита Раскольцеву «удалось» ухватить за хвост жар-птицу и вырвать у нее из хвоста перо. Сложным путем, через окружение Брунова, мы передали Раскольцеву то, что заказывал ему Сальге. Такого рода «удачи» в работе разведок не часты. Передача в руки Раскольцева специально для этого сделанной схемы узлов средств оповещения и связи в системе гражданской обороны страны была совершена с крайней осторожностью. Но мы знали, что, получив эти узлы схемы, там всерьез задумаются: не дезинформация ли это? Они были обязаны над этим задуматься... А как проверить? Сравнить с подлинной схемой им не дано... Поверить не проверяя? Так в разведслужбах не бывает. Стало быть, мы ожидали проверки психологического характера. Кто-то должен был проверить всю цепь связи, расспросить Раскольцева с глазу на глаз, как ему удалось получить схему. Для этого могли прислать любого агента.

Прислали Сальге и руководителя всей операции Эдвардса. Эдвардса послали под чужим именем... Нелепица?

В такой игре нелепиц не должно быть... Стало быть, засылка Эдвардса под чужим именем — это комбинация, а не нелепица. В чем смысл этой комбинации? В чем смысл повторного засыла Сальге?

Здесь мы могли рассчитывать только на логический домысел. Надо было «проиграть» всю эту операцию...

Василия я поставил на место своего противника.

Пришла информация от Раскольцева...

Схема средств связи и оповещения населения на случай ракетно-ядерной войны — это стратегическая тайна, она дает возможность решать и стратегические задачи. А если это дезинформация? Если эту схему подсунула контрразведка? Что делать?

— Я сам встретился бы с Раскольцевым,— ответил Василий.— Никому не доверил бы этой встречи...

— Вариант возможный! — согласился я.— Как организовать встречу?

— Выезд Раскольцева за границу в этой ситуации нежелателен! Я выезжаю к Раскольцеву... Что мне может помешать? Ничто не может помешать... Покупаю туристскую путевку и еду...

— Вы выезжаете под своим именем... В вашей туристской карте значится, что вы сотрудник разведуправления... Вышли бы вы при этих условиях на встречу с Раскольцевым?

— Вышел бы! В ресторане за столиком, на бульварной скамейке, в театре, в креслах рядом... Даже, если бы обнаружил за собой наблюдение... Ну и что? Наблюдайте! Я куплю эти билеты, а потом продам их у театрального подъезда... И все! Масса возможностей... Придумывать варианты?

— Возможностей много... Согласен! Почему же он... то есть вы, Эдвардс, едете под чужим именем? Один раз Эдвардс уже был у нас под своим именем.

— Проще простого! — ответил Василий-«Эдвардс».— Прошло время... Опять еду! Волей-неволей контрразведка заинтересуется моими путешествиями... И я не буду знать, почему она проявила интерес, если замечу за собой наблюдение... Потому ли, что ей известна вся операция и она ведет с нами игру, потому ли, что я наношу повторный визит? Я меняю имя. Если тот, первый мой приезд оставил какой-то нежелательный след, если с нами играют, эта смена имен будет замечена... А если не играют? Как это заметить? В этом году страну посетило более двух миллионов туристов... Все проходит незамеченным! И вдруг все же обнаружили, что я — это не я! Как это можно доказать? Да никак! Сходство... Двойник! И все! Ответственности никакой! Пустяковое объяснение. Ни в чем я не замечен, никаких действий не произвожу... Все! Но мне нужен напарник. Этот напарник будет следить, нет ли за мной наблюдения... Даже не один напарник... Но такие могут найтись и здесь, на месте... Габо, Нейхольд, его приятели и коллеги...

— Почему же напарником вы взяли Сальге?

— Сальге убил Шкаликова... Сальге сплел всю паутину... Предположим, паутина прорвана. Если это так, то, по моему, Эдвардса, мнению, прилетевшего в Москву Сальге должны задержать. Но, может быть, не сразу... И не к Раскольцеву, а к Казанскому едет Сальге сначала: он достаточно хитер, чтобы проверить Казанского, и достаточно опытен, чтобы зафиксировать за собой наблюдение... После его встречи с Казанским я, то есть Эдвардс, пойду на встречу с Раскольцевым... Встретились, разошлись... Теперь посмотрим, что со мной и с моим напарником. Если все в порядке, то мы уезжаем...

— Так и уезжаете?

— А почему нет? — спокойно ответил Василий и вдруг запнулся.

Я заметил его заминку и сам вдруг ощутил какую-то, пока еще никак не выраженную, но наметившуюся слабость в продолжении всей этой игры.

Окончание. См. «Огонек» №№ 30—34.

— Почему нет? — повторил я вопрос Василия.— На этом все и кончается? Два раза все сходит с рук... Все сходит с рук. Давайте перечислять. Приехал в первый раз. Нелегально разгуливает по стране. Восстанавливает агентуру... Убивает Шваликова... Уезжает... Агентурная сетка работает несколько лет... Раскольцев добывает секретную информацию... Нейхольд все переправляет за границу, работает и с Габо... Они высылают Гамузова на обслуживание Сальге... Опять свободно разгуливают по стране и уезжают... А что им скажут там?

Василий не отвечал.

— Ну вот вы там, у них в центре... Вы их встретили с докладом, что все благополучно, все на месте, цепочка работает...

— Их для этого и посылали!

— Я не сторонник недооценивать противника. Что-то у меня здесь не получалось. Не получалось... Коли их прислали, коли началась проверка, стало быть, есть сомнения. Разрушим ли мы окончательно эти сомнения, выпуская Сальге и Эдвардса? Примут ли они тогда подготовленную нами схему за истинную схему без дополнительной перепроверки? Я не принял бы!

Разведслужба тоже имеет свои законы. Приняв за возможный вариант полученную схему, наш противник обязан начать самую тщательную проверку разведданных. Как могла бы строиться проверка в данном случае? Линия схемы средств связи и оповещения расчерчивала карту страны во всех направлениях. Проверяя всю схему, наш противник должен выйти на какие-то узлы, установить в каких-то скрещениях линий наличие средств связи. Нелегкое это дело, а вдруг удастся ему в одном или другом месте выйти на указанный нами узел. И там, в этом узле, обнаружится пустота... Тогда уже полученная схема ставится не только под сомнение, она полностью отвергается. Противник устанавливает, что с ним велась игра.

В любой разведигре, при передаче любой дезинформации всегда надо иметь в виду, что противник может раскрыть игру. Ошибкой было бы полагать, что мы ввели противника в заблуждение раз и навсегда.

Каков же тогда, спрашивается, был смысл всей игры? Чего мы достигли, выпустив из рук пять лет тому назад Сальге, не трогая все эти годы Раскольцева?

Первое. Втягивая разведслужбу в игру, мы как бы ставили своеобразный громоотвод. Затратив силы и средства на Раскольцева, разведслужба не могла что-то предпринимать серьезное, не получив от него результатов. Все, что могло быть получено этой разведслужбой иными каналами, нам неизвестными, проверялось на Раскольцеве и ставилось под сомнение. Даже если бы противник получил в эти годы что-то и соответствующее действительности, он не принял бы это за истину... Стало быть, под сомнением вся информация в той области, в которой работал Раскольцев, полученная иными каналами.

Второе. Игра искусственно нами затягивалась. Раскольцев получал всю «схему» урывками, маленькими частями, мы этим подогревали азарт его хозяев. Они рвались к конечной цели, на каком-то этапе еще и не ставя под сомнение достоверность данных Раскольцева.

Третье. В итоге мы получили возможность нанести удар по всей цепочке. Арест Раскольцева и связанных с его делами лиц — Сальге, Эдвардса, Нейхольда или других — означал бы для противника не только потерю нескольких агентов. Это было бы прежде всего и политическим провалом разведслужбы, вызвало бы шок, внесло бы путаницу в расстановку сил, уничтожило бы итог многолетней работы. Все надо было бы начинать сначала... Но сразу после такого провала на этой же площадке начинать невозможно.

Выход же наш на Габо и на валютные сделки Нейхольда открывал перед нами и несколько иные возможности. Мы могли привлечь Нейхольда к ответственности за спекуляцию валютой, Сальге привлечь к ответственности за использование подложных документов, Раскольцева — за его преступления в годы войны, Эдвардса можно было и не трогать... Это была бы еще одна загадка противостоящей нам разведслужбе. Вскрыта работа Раскольцева или нет? Вопрос? И не маленький!

А если вскрыта его работа, то что это означало бы? Это повело бы к полному изменению всей действительной схемы средств связи и оповещения... Стало быть, все, все надо начинать сначала... Путаница, полная путаница — это тоже форма дезинформации.

Могли мы рассчитывать и на получение каких-то новых данных для усложнения всей игры после ареста Габо...

Мы долго взвешивали все «за» и «против». Но все сходились на том, что на этот раз удачливость Сальге могла быть там понята!

Решено было нанести удар стремительно. Точка удара — Гамузов, через него — по Габо, а через Габо — по Сальге и Нейхольду...

Дирекция таксомоторного парка уволила Гамузова за использование государственной автомашины в целях личной наживы, ОБХСС привлек его к уголовной ответственности. Габо позвонил Гамузову и назначил встречу на улице. Габо сел в машину, тут же подъехала оперативная милицейская машина. Габо взяли. Обыск на месте дал незамедлительные результаты. У Габо в кармане была обнаружена пачка долларов и фунтов стерлингов. В милиции Габо отказался объяснять, откуда у него валюта. Его доставили к следователю, Игорю Ивановичу Архипову, моему старому другу и сослуживцу. Я договорился с Архиповым, что приду на первый же допрос.

Мы установили, что на месте встречи Габо и Гамузова находился и Сальге. Он видел всю сцену из подъезда близстоящего дома... Это нас вполне устраивало. Во-первых, он видел, что Габо взят милицией. Во-вторых, нам было интересно, как он поступит при столь тревожных обстоятельствах. Он вернулся в гостиницу и сказался больным. Вызвал врача...

Встреча с Габо...

Это был грузный, не очень высокий человек. Ни паспорта, ни каких-либо других документов при нем не обнаружили. Но он, конечно же, понимал, что ему придется говорить правду о себе. Он не ожидал атаки, сам набросился на следователя. Лились по его щекам слезы, он и оправдывался и каялся.

— Что? Что я такого совершил? Почему меня вызвали сюда? Я не враг! Я общественник! Я работаю... Попутали меня с этой чертовней! И не мои это деньги... Я и не знаю, кто их мне всучил... Адрес дали в Тбилиси... Должен передать...

— Кто вручил, где, когда? — спросил сейчас же следователь.

— Мне позвонили в номер... Сказали, чтобы вышел к подъезду... Есть, дескать, посылочка в Тбилиси... Я вышел, мне сунули конверт... На конверте адрес...

— Кто позвонил? Как назвался?

— Никак не назвался... Назвал имя моего друга...

— Имя друга?

— Мой друг умер... Это его семье посылка... Я мог отказать?

Архипов по прямой устремлялся в глубину не очень-то надежно придуманной легенды.

— Посылка семье вашего друга?

— Семье его...

— Вы их знаете лично?

— Нет! Не знаю... Никогда в семье у него не бывал...

— На конверте указан адрес... Вы когда-нибудь бывали по этому адресу?

— Нет! Не бывал...

Мы уже установили, что адреса, указанного на конверте, не существовало в природе. Ресурсы легенды были исчерпаны...

Архипов приостановил допрос. Надо было дать Габо возможность увериться, что его легенда работает ему во спасение.

Архипов начал допрос по форме.

— Ваше имя, фамилия, год рождения, место рождения, адрес местожительства? Прошу!

Габо потянулся к боковому карману... Затем махнул рукой.

— Забыл! В гостинице забыл, дорогой! В столике... Там и паспорт и записная книжка... Зовут меня Вахтанг. Фамилия — Кабанов. Ударение на последнем слоге... Русская фамилия... Не виноват! Так записали, когда паспорт мальчиком получал... Беспризорным рос, по детским домам! Отца как звали, не знаю... Записали Семена... Мать помню... По матери я армянин... Доказать трудновато... И кому и зачем доказывать? Отец мой торговцем был... Догадываюсь, что грек... Опять же не докажешь... И не надо! Никто меня об этом не спрашивал... Вот до этой минуты! В военкомате спрашивали, когда призывался...

— Когда призывались?

— В сорок первом... Родился я в двадцать втором году...

— Воевали, Вахтанг Семенович? — спросил Архипов.

— Воевал... Из-под самого Киева к Ростову отступали... Под Ростовом ранили... Это когда Тимошенко на немцев с севера нажал. Госпиталь... Опять воевал...

— Где?

— На Кавказе... Перечислять?

— Пожалуйста, перечислите! — попросил Архипов.

— Из Ростова-на-Дону нас погнали на Белую Глину... Есть такая станция... Слыхали?

Я подошел к карте. Нашел Белую Глину, показал Габо. Он махнул рукой.

— По карте я не обучен... Из Белой Глины мы отошли к Ставрополю. Ушли из Ставрополя, к морю пятились... Десятый стрелковый корпус... Опять госпиталь... Потом в двенадцатой армии... На Украине все и кончилось... Опять ранен был... Под Запорожьем...

— Что делали после войны?

— Торговал... Овощами торговал, рыбой торговал... Продавцом...

Я сел за столик почти рядом с Габо. Все, что он рассказывал, было похоже на правду, но такую правду легко было и склеить. Вся операция с Сальге и Эдвардсом во всех ее деталях требовала от нас работы и работы... Ничего нельзя было принимать на веру, ни одной версии по первому ходу.

Я взял со стола Архипова конверт, заглянул в глаза Габо.

Сейчас он судорожно выбирает, что он может подбросить нам, как отвести главный удар, что дать, чтобы не продешевить, что спрятать как смертельную для себя опасность.

Я положил перед ним конверт и спросил:

— Может быть, вы, Вахтанг Семенович, задумаетесь над своей сказочкой? Мы за правдивость на следствии... Это всегда облегчает участь, смягчает наказание... Сказочки сочинять все учатся с детства, но и верят им только дети...

Габо пожал плечами.

— Адреса такого не существует...— добавил я.

— Тогда заберите эту валюту... Она мне не нужна! Она не моя!

— Спасибо! — воскликнул Архипов.— Мы ее и так забрали... Но вы не ответили на главный вопрос следствия... Где вы взяли эту валюту? Для чего она вам?

Человек может управлять собой до известного предела. Он может сохранить на лице в трагическую минуту улыбку, но улыбка эта будет иметь такие оттенки, что превратится в гримасу. Габо попытался сохранить и улыбку и внешнюю жизнерадостность и продолжал играть под простачка, но в его темных глазах засветился испуг. Не может человек похудеть в одну секунду, но Габо сразу осунулся.

— Это не милиция работала! — крикнул он.

— Почему вы недооцениваете нашу милицию? У вас к этому есть какие-нибудь основания?

— И не за мной вы охотились...

— Милиция охотилась за Гамузовым... Неужели вы всерьез вообразили, что ему разрешат превратить государственную машину в вашу личную...

— Государство от этого не пострадало...

— Интересы других граждан страдали... Но наш интерес проистекает из другого... Откуда у вас валюта? Почему вы так любезно предоставили Гамузову обслужить Иоахима Пайпера?

— Какого Пайпера?

Мы показали ему фотографию Сальге.

— Я его не знаю! Не он мне заказывал машину... Я все расскажу!

Опять ползут слезы из глаз.

— Проклятый! — воскликнул Габо.— Всучил мне беду! Где мне его искать?

Архипов между тем, порывшись в столе, вдруг выложил на стол сразу несколько фотографий. Сальге на аэродроме. Нейхольд на аэровокзале. Гамузов во всех видах по дороге к машине. Сальге и Гамузов у машины.

Можно было считать, что первый торг с самим собой Габо закончил. Решился что-то нам приоткрыть. Пока самую малость. Отстраняя от себя Сальге, он отдавал нам Нейхольда. И только. Рыдая, каясь, он признавался в валютных сделках с Нейхольдом. Нейхольд скупал валюту у своих коллег и перепродавал Габо... Один конец. Другой конец сделки уходил на юг... Посыпались имена и адреса. Возникало новое ответвление в деле, но к нашим вопросам оно отношения не имело. Важно было, что Габо назвал Нейхольда.

Показания Габо давали основание к привлечению Нейхольда к уголовной ответственности за валютные сделки.

...Отступлений от стандарта в таких случаях ждать не приходилось. Нейхольд начал с бурного возмущения, с полного отрицания своих связей с Габо.

Габо опять, как сентиментальный разбойник, рыдая и кляня все на свете, отдавал нам Нейхольда. Он называл места их конспиративных встреч, телефоны Нейхольда, перечислял сделки и суммы сделок. Нейхольд на очной ставке с трудом отбивался.

А между тем работала наша служба, выясняя точнее личность Габо. Товарищи имели его документы, фотографии и отпечатки пальцев. Решили всё отпечатки пальцев. Оказалось, что на Габо... Нет, не на Габо! Как у каждого оборотня, у него было не одно имя. В батальоне «Бергман», сформированном фашистским командованием для карательных операций на Кавказе, он значился под именем Иоганна Муслима Оглы. Наши войска, выбив захватчиков из Краснодара, захватили архив штаба этого батальона. В архиве было обнаружено досье взводного командира Иоганна Муслима Оглы. С его фотографией, с отпечатками пальцев и аккуратными записями его деяний. На фотографии офицерик карательного батальона. Прошло более двух десятков лет. Тогда он был молод, вились у него, свисая на лоб, черные кудри, жесткий взгляд... Фотография порыжела, а оригинал слинял. Он расползся, обрюзг, полысел... В офицерике из досье угадать Габо было просто невозможно. Помогла немецкая предусмотрительность: оставили его отпечатки пальцев.

В сорок шестом году на одном из судебных процессов, которые вел Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа, всплыло имя Иоганна Муслима Оглы. Были даны показания, что он изменил Родине, сдался в плен и добровольно вступил в ряды карательного батальона, дослужился до взводного, принимал участие в карательных экспедициях против партизан и мирных жителей, потом скрылся. Иоганн Муслим Оглы был приговорен заочно к расстрелу...

На него был объявлен всесоюзный розыск. В розыскное дело пошли его фотографии и отпечатки пальцев. Но тогда найти преступника не удалось.

Волоков вызвал меня из кабинета следователя во время очной ставки Габо с Нейхольдом. Без преувеличения могу сказать — его трясло. Он показал мне выдержки из дела и заключение экспертов об идентичности отпечатков пальцев у Габо и Иоганна Муслима Оглы.

Нейхольд не сдавался. Он отрицал все, о чем говорил Габо. А Габо, отдав Нейхольда только по его валютным сделкам, не расширял своих показаний.

Иоганн Муслим Оглы — Нейхольд — Раскольцев — Сальге — Шваликов...

Я положил папку на стол Архипову и громко сказал:

— Полистайте, Игорь Иванович!

Подошел поближе к Нейхольду. Мы встретились взглядами. Он держался, но уже мерцал у него в глазах страх.

— К чему же вы пришли? — спросил я его.— Решение отмалчиваться? Не слишком ли это рискованно, господин Нейхольд?

Он попытался усмехнуться. Улыбка получилась жалкой.

— Жадность, жадность одолела! — твердил сквозь рыдания Габо. Я обернулся к нему.

— А под Киевом, когда вы добровольно сдавались в плен фашистам, что вас одолело?

Габо резко поднял голову и даже руки выставил, как бы заслоняясь от меня.

— Это неправда! Не было! Не было!

Нейхольд воскликнул:

— Я протестую! Этот вопрос не имеет ко мне отношения!

Я стоял, наклонившись через стол к Габо.
— Итак, Иоганн... Может быть, вы продолжите? Иоганн — это неполное ваше имя... Тогдашнее ваше имя!

Габо молчал. Крупные капли пота проступили у него на лысине, осыпали бисером лоб.

— Иоганн Муслим Оглы! — докончил я за него.

Габо вдруг пополз со стула на пол. Я испугался, подумал было, что у него плохо с сердцем, что слишком резко, без всякого подхода ошеломил его. Но я ошибся. Он упал на колени, сложил молитвенно руки и завопил:

— Спасите! Спасите! Я все расскажу! Я все расскажу! Я хочу жить! Я много знаю! Я все знаю!

Я отступил. Архипов попытался поднять его, но напрасно, такую тушу не сразу поднимешь. Я налил воды в стакан. Архипов взял у меня стакан из рук.

— Выпейте воды! — предложил Архипов.— Встаньте!

— Не встану! Не тронусь! Жить хочу! Жить хочу! Давность лет! Закон есть такой... Я все расскажу!

Нейхольд сделал какое-то движение. Габо шарахнулся от него в сторону, легко перебросив свое грузное тело на другой конец кабинета.

— О нем! О нем расскажу! — воскликнул, указывая рукой на Нейхольда.— Это дорого стоит! Он не валютчик, он шпион!

Нейхольд опустил руку в карман полуспортивной куртки.

— Держите его! Он будет стрелять! — закричал Габо.

Нейхольд вынул из кармана помятую пачку сигарет.

— Можно курить? — спросил он у Архипова.

Архипов зажег спичку.

— Вежливость — привилегия королей! — заметил Нейхольд.— Спасибо! Но я все же прошу вас избавить меня от этого сумасшедшего... Я понимаю его чувства. Обвинение в спекуляции неприятно, но я ему ничем не могу помочь и вижу его первый раз...

— Ваш пропуск! — попросил Архипов.— Мы на некоторое время отложим наш разговор...

— Не выпускайте! Не выпускайте его! — закричал Габо.— Это он меня нашел!

Архипов держал ручку в руке, словно бы готовился подписать пропуск, но отложил ручку и с некоторым даже пренебрежением спросил:

— Что за нелепость! Как это он мог вас найти? Где найти?

Начиналась история Габо. Она была выделена в специальное дело.

Нас в этой истории может интересовать только одно положение.

Нейхольд действительно нашел Габо, Габо разыскал... Раскольцева.

Все труднее Нейхольду сопротивляться. Наконец Габо назвал Казанского.

— Все! — воскликнул Нейхольд.— Даю показания!..

Итак, настала минута. Наконец-то произнесено имя Сальге. Нейхольд назвал его Пайпером...

Узел вязался за узелком. Все пока шло естественным ходом, и нигде этот ход не соприкасался с главным, пока еще ни Нейхольд, ни Габо нигде не могли почувствовать, что мы о них знаем давно и значительно больше, чем они рассказывают. Габо догадывался, что Раскольцев «оживлен» как агент, но он не знал, что добывал Раскольцев для его хозяев. Нейхольд показал, что «оживлял» Раскольцева, как агента, Пайпер...

Они торопились распродать все по мелочам, чтобы отгородиться от бóльшего.

Архипов положил перед Нейхольдом и Габо фотографию Сальге. Нейхольд не удержал восклицания:

— О-о! У вас есть даже его фотография?

Габо чуть скосил глаза на фотографию и тут же отвернулся. Но ни от меня, ни от Архипова не ускользнуло, что фотография не оставила его равнодушным.

Архипов подвинул фотографию ближе к Габо.

— Взгляните! — сказал он.— Этот человек вам известен?

Габо опять скосил глаза на фотографию. И вдруг Габо взмахнул рукой и, сжав кулак, с силой ударил по фотографии.

— Известен! — крикнул он.— Очень даже известен!

— Кто он? — сейчас же задал вопрос Архипов.

— Мой старший брат!

Я подошел к телефону и соединился с Василием.

— Василий Михайлович, могу вас поздравить!

— Слушаю, Никита Алексеевич! — откликнулся он.

— Вы помните сцену у причала? Что вы тогда пожелали своему знакомцу? До скорой встречи? Настало время с ним встретиться!

— Сейчас? Немедленно?

— Со всеми предосторожностями...

...Перед Габо легла фотография Шкаликова.

— Известен, известен! — кричал он.— Вешал, стрелял, доносил... Солдат из моего взвода!

— Имя?

— Там все под чужими именами жили!

Нейхольд встал. Габо замолк, настороженно косясь по сторонам.

— Распад личности! — произнес Нейхольд.— Я не хотел бы наблюдать эту...

Но он не закончил фразы.

Архипов не упустил возможности поставить на место этого иронически настроенного молодого человека.

— Есть русская поговорка,— сказал он.— С кем поведешься, от того и наберешься! Распад этой личности начался не сегодня, господин Нейхольд!

— Я фаталист, господин следователь! — ответил он.— Профессия такая! Надо быть готовым к любому!

— Это хорошая мысль! — отозвался Архипов.— Я прошу вас не забыть ее! Мы еще побеседуем с вами на эту тему...

Отправили в камеру и Габо. Условились с Архиповым, что он сразу же, как привезут Раскольцева, снимет с него предварительный допрос, предложит ему сделать признания, а я хотел встретиться с Сальге.

Сальге был приглашен к нам через консула страны, за которой он значился как Иоахим Пайпер, поэтому все прошло спокойно, даже при всей резкости его характера.

Встретились.

Он немедленно заявил протест на немецком языке. Я не торопился с ответом, вглядываясь в его лицо.

— Вы владеете немецким языком? — спросил он опять же по-немецки.

— Так же, как и вы русским! — ответил я ему по-русски и предложил сесть за столик. Он сел.

Должен отметить, реакция у него была мгновенной. Он сразу как бы сжался, хотя внешне это ни в чем не проявилось. Ничего не ответил, не выразил и удивления.

— У вас должна быть отличная зрительная память...— продолжал я.— Вы не припоминаете, где нам приходилось встречаться?

Он поднял на меня темные глаза. Они ничего не выражали.

— Мне моя зрительная память ничего не подсказывает...— ответил он опять же на немецком языке.

— В приемной у доктора Раскольцева...

Он по-прежнему оставался бесстрастным.

— Мне такой неизвестен...

Здесь он перешел на русский язык. Оплошность? Нет. Он не утверждал, что не знает русского языка.

Вошел Василий. Сел напротив Сальге. Не удержался! Интересен был ему этот допрос, а может быть, пришел, чтобы уберечь меня от всяких неожиданностей. Но обыск был сделан до того, как его ввели ко мне, опасаться было нечего.

— Я прошу пояснить,— сказал Сальге.— Я приглашен сюда как свидетель?

— Нет! — ответил я ему.— Допрос по форме будет вести следователь... Он вам предъявит обвинение... Я вам даю возможность побеседовать в некотором роде неофициально. Профессиональный разговор... Вы имеете возможность рассказать, зачем вы пожаловали в нашу страну, с кем вы намерены были встретиться.

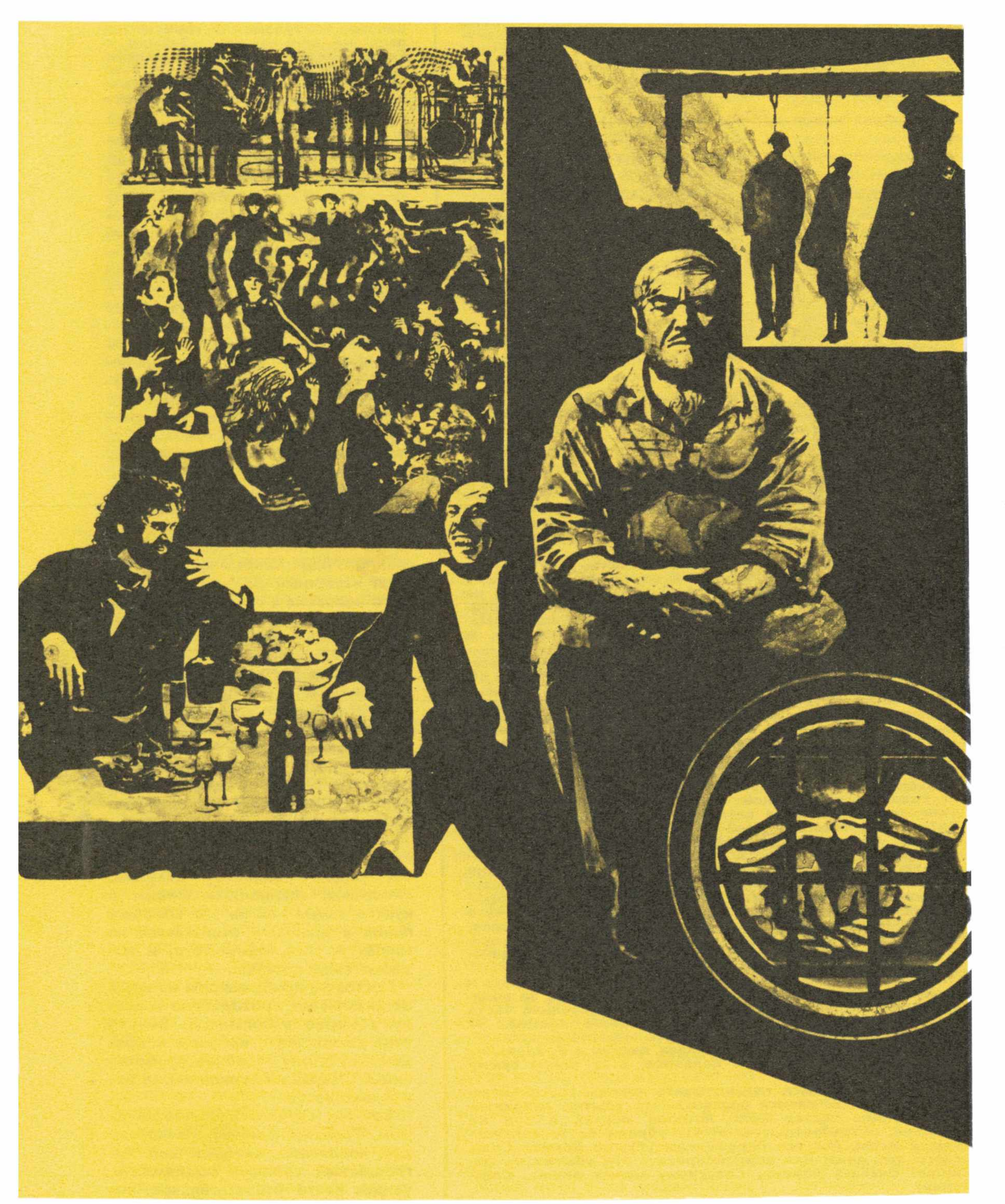
— Вы видели мой паспорт. Там все указано...

— И это все, что вы хотели бы сказать?

Сальге всматривался в Василия, наверное, узнал в нем того пограничника, который пожелал ему скорой встречи на причале. На мой вопрос не ответил.

Я нажал под столом кнопку звонка. Это был сигнал Архипову, чтобы он привел Раскольцева.

Раскольцев с порога увидел меня. Лицо его дрогнуло, что-то похожее на надежду вспыхнуло в его глазах, но он тут же перевел взгляд на Сальге и замер. Его ноги отяжелели, приросли к полу. Надо пройти к столу, а он шага не может сделать. Стало быть, всерьез наде-

ялся, что останется его «работа» на Сальге нераскрытой. Но он все же собрался с силами для отпора.

— Я не ожидал, что мой пациент превратится в моего следователя!

— Так же как я не ожидал встретить унтершарфюрера в белом халате врача!

Он овладел собой. Тяжелой походкой прошел по кабинету и сел на свободный стул, но поодаль от Сальге. Молчание было тягостно. Он негромко спросил не без вызова в голосе:

— Когда же вы совершили такое удивительное открытие?

— После того, как узнал, что некоему Притыкову переводились деньги доктором Раскольцевым. Вы переводили деньги своему герою Шкаликову, своему «спасителю».

Я выдвинул ящик стола и положил на столик фотографию обезображенного колесами поезда трупа Шкаликова.

— Приглядитесь, доктор! Это ваша работа! Последняя по вашей главной специальности...

Сальге взял фотографию. И вдруг усмехнулся.

— Вы этого не сможете никогда доказать! — воскликнул он.

— Взвешивать те или иные доказательства будет суд... У нас с вами профессиональный разговор. Разбор, так сказать, операции...

Сальге указал рукой на Раскольцева.

— Но он же не профессионал...

— Почему же? Вы положили ему ежемесячное жалованье... И не маленькое. У него есть даже звание... Унтершарфюрер... Я думаю, ему тоже интересно поприсутствовать на этом разборе? А?

— Почему вы тогда не арестовали всех участников операции? — вдруг спросил Сальге.

— Торопитесь! — остановил я его.— Вы хотите узнать, что нам известно об «Ангеле пустыни»... Казанский действительно не профессионал. К тому же он в общих чертах все знает... Все передачи он делал под нашим контролем... Все! Когда мы закончим наш разговор, мы перейдем в кинозал, я покажу, как это делалось... Сейчас могу показать вам некоторые фотографии... Что вам показать? Как вы проверяли Казанского на скользящей передаче?

— Интересно! — осторожно ответил Сальге.

— Давно это было... Казанский шел по Большой Бронной от Никитских ворот к памятнику Пушкину...

Я положил перед Сальге фотографию: Казанский идет мимо киоска с мороженым, за ним идет Сальге.

Сальге взял фотографию и пристально рассматривал ее с минуту. Оглянулся на Раскольцева.

— Что скажете, доктор? Я предупреждал вас, что надо иметь при себе средства, чтобы уйти из жизни...

Раскольцев не выдержал.

— Вы понимаете,— начал он, обращаясь к Сальге,— что вы набалтываете себе расстрел?

Сальге резко к нему обернулся.

— А вы на что рассчитывали, доктор? На счет в швейцарском банке?

— А вы на снисхождение за откровенность?

Сальге усмехнулся.

— Нет, доктор! Мне интересен разбор операции! Неужели вы не догадываетесь, что вся наша операция проходила под стеклянным колпаком?

— Вы это знали?

— Это трезвый вопрос, доктор! Сегодня все разведки мира оснащены современными техническими средствами... Или они вообще ничего не знают, или знают всё! Я уверен, что наши разговоры записаны на магнитную ленту! Не правда ли?

Вопрос Сальге относился ко мне.

Искусно поставлен вопрос, с некоторой даже долей внезапности. Он хотел установить, с какого момента они оказались под стеклянным колпаком.

— Не все! — ответил я.— Не записан ваш первый разговор с Раскольцевым. О нем только глухо упоминается!

— Он вам интересен?

— Интересно, как вы уговорили доктора работать? Он, наверное, даже забыл о своих обязательствах!

— Такое не забывается! Он прикидывал, нельзя ли меня убить, убрать. Но он правильно оценил обстановку... Он просто на пять лет продлил себе жизни! Шкаликов оказался решительнее! Кто бы мог подумать? Но и у меня есть вопрос! Разрешите?

— Разрешаю! Обращение сделано по форме...

— С какой точки все началось? Где я ошибся? Я понимаю, это чисто умозрительный вопрос, но интересно все же знать! Следствие обычно скрывает ответ на этот вопрос...

— Чего же тут скрывать?

— Художник?

Я мог ответить без опасения для хода следствия.

— Однажды ночью в дверь постучался незнакомец...

— Это случилось на второй день моего приезда сюда...— продолжал Сальге.

Разбор операции подошел к концу. Я уступил место за столом следователю...

От редакции.

Рассказанные в повести события положены в основу художественного фильма «Меченый атом», который отснят на киностудии «Ленфильм». Кинокартина поставлена режиссером И. Гостевым. В главных ролях снимались артисты: Г. Жженов, В. Самойлов, Г. Тараторкин, Ю. Толубеев, В. Стржельчик, Л. Соколова, М. Погоржельский, В. Покровский.

ЧТО ♞ ПОКАЖЕТ ФИНИШ?

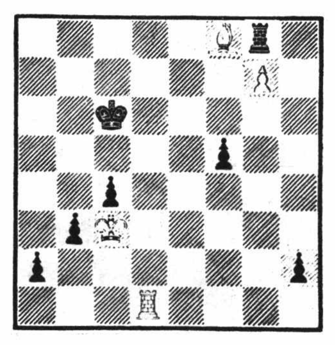
Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Чем ближе развязка в матче, тем сложнее, напряженнее протекают партии. Нет ни одной, в которой не было бы ЧП.

Пожалуй, самой содержательной, драматической партией матча следует считать тринадцатую. При откладывании Спасскому не хватало двух пешек, и многочисленные телеграфные агентства сообщали, что дела чемпиона мира плохи. Но Спасский убедительно опроверг эти прогнозы. Исключительно интересно и увлекательно проходило доигрывание. Спасский записал сильнейший ход, и вскоре выяснилось, что никакого выигрыша у Фишера нет. Не нашел его в анализе и претендент. Фишер поэтому избрал продолжение с жертвой фигуры, при котором он мог еще пытаться играть на выигрыш, причем без риска проигрыша. Пять часов Спасский успешно держал оборону. Но когда он в третий раз в этой изнурительной встрече попал в цейтнот, то все же допустил обидную ошибку и потерпел поражение, которое еще больше ухудшало его положение в матче.

Посмотрите, как это случилось:

ФИШЕР

СПАССКИЙ

Ход черных. Позиция, надо сказать, оригинальная, уникальная. Такую не найти в шахматной литературе. Ладья Фишера в заточении на g8. Правда, у черных пять (!) проходных пешек, но неужели чемпион мира не в силах с ними справиться? Ведь у Спасского ладья! Однако вести защиту для белых было не так просто, как кажется.

Ничья близка — передавали журналисты из Рейкьявика. Что может сделать Фишер? В случае 64...f4 65. Лd6+ Крс7 66. Лd1 f3 67. Крb2 Крс6 68. Лd6+ его король не может прорваться к своим пешкам, и получается «позиционная ничья». Поэтому следующим ходом Фишер предпринимает последнюю попытку игры на выигрыш, и счастье на его стороне.

64... h2—h1Ф. Отдавая эту ценную пешку, Фишер взамен открывает семафор для своего короля через d5. 65. Лd1 : h1 Крс6—d5 66. Крс3—b2 f5—f4 67. Лh1—d1+ Крd5—e4 68. Лd1—c1 Крe4—d3 69. Лc1—d1+? ... Вот она, решающая ошибка, фатальный шах. Ничья достигалась следующим путем: 69. Лc3+! Крd4 70. Лf3 c3+ 71. Крa1 c2 72. Л : f4+ Крc3 73. Cb4+ Крd3 74. Лf1 Л : g7 75. Крb2, и лавина черных пешек надежно остановлена. 69... Крd3—e2 70. Лd1—c1 f4—f3 71. Cf8—c5 ... Приходится выпустить черную ладью, ибо одной ладьей Спасскому не справиться с пешкой «f». Но ему не может помочь даже ладья вместе со слоном. 71... Лg8 : g7 72. Лc1 : c4 Лg7—d7 73. Лc4—e4+ Крe2—f1 74. Cc5—d4 f3—f2. Белые сдались, ибо на 75. Лf4 следует 75...Л : d4 76. Л : d4 Крe2, и все элементарно просто.

Беда, как известно, не приходит одна: в 14-й партии у Спасского имелась здоровая лишняя пешка и все шансы на выигрыш. Но это была та партия, в которой чемпион мира допустил самую непостижимую ошибку в матче, что дало претенденту возможность спасти полочка. Результат пятнадцатой партии мог бы быть и лучше и хуже для Спасского. После взаимных «любезностей» встреча закончилась вничью.

Может быть, наши комментаторы слишком строго и несправедливо критикуют Спасского и Фишера за обидные промахи? Нет! К сожалению, мы все довольно часто вынуждены пользоваться вопросительным знаком. За рубежом ошибки комментируются с некоторой иронией. Журналисты отметили, что каждая партия в Рейкьявике стоит около десяти тысяч долларов, а за такую сумму надо играть точнее.

Мы не собираемся подсчитывать доходы гроссмейстеров. Мы не собираемся подсчитывать убытки американской фирмы Честер Фокс, которая подала в суд на Фишера, потребовавшего, чтобы убрали ее телевизионные камеры. Мы все переживаем убытки Бориса Спасского: три очка! Как компенсировать эти убытки на финише? Оказать помощь Спасскому может лишь... Спасский!

Ия МЕСХИ

РАЗДУМЬЯ ОБ ОДНОМ СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Вечер принес в южный город прохладу. В парке на скамье сидят, беседуют несколько мужчин. Вдруг топот, крики. Бежит взволнованная женщина, просит защитить ее. Мужчины вскакивают. При свете фонаря видно: это люди преклонного возраста, убеленные сединами. Преследователи, поджав хвосты, отступают в темную аллею, но огрызаются. «Забыли о Гамкрелидзе?» — кричат издалека. «Не научила вас история с Гамкрелидзе? — кричат.— Следующий раз окажетесь там, где теперь Гамкрелидзе!..»

Что же было с Гамкрелидзе?

...Седой человек в очках заканчивал свой рабочий день. Позвонил домой. Мол, с работы поеду на рынок, куплю арбуз. По дороге зашел в книжный магазин: книги — его страсть. Купил целую кипу. А на рынке — арбуз. В одной руке книги, в другой — арбуз. Неудобно, конечно. Направляется к автобусной остановке на Колхозной площади. Рядом с остановкой творится черт знает что: плечистый парень хватает за руку девицу. Та вырывается, а он ее — по щекам. Седой человек (в одной руке арбуз, в другой — книги) подходит к парню, стыдит его. Но тут на помощь дружку подскакивает не столь плечистый, однако тоже агрессивно настроенный пижон в желтой замшевой куртке. Двое наступают на одного: тебе, мол, что надо, старый хрыч? И следует известный фольклор. Бац седого человека в грудь, в лицо. Арбуз — наземь. Очки — наземь. Стекла минус десять. Сразу ничего не видать. «Ах вы, бессовестные!..» Человек одной рукой прижимает книги, другой «ловит воздух». Наверно, надо нагнуться? Он пытается нагнуться. Тогда плечистый разворачивается и наносит молниеносно два удара в шею — справа и слева. Седой все еще держится на ногах, но обмякает уже.

Тут подбегают люди и укладывают его прямо на асфальт. Кричит рядом тоненькая девушка: «Милиция! Милиция!..» Пижон в куртке выдает ей за это хороший пинок в живот и вырывается из толпы. А того, плечистого, и подавно след простыл.

Постовой, прибежавший на крик, останавливает проходящую машину: «Скорее в больницу!» Вместо отца семейства с арбузом к обеденному столу — звонок из больницы. Смерть наступила через несколько часов.

Вот так случилось с Александром Галактионовичем Гамкрелидзе, человеком, который шел, поглощенный своими мыслями, и, увидев нечто отвратительное, по-

Рука хулигана

зорное для всех нас, счел нужным вмешаться. Ученый-византолог, человек больших знаний и культуры, заместитель директора Института рукописей Академии наук Грузинской ССР. Тишайший, деликатнейший, доброжелательный, по уши погруженный в свои исследования. Казалось, ничто, кроме древних рукописей, его не волновало. Чепуха. Волновало все, особенно хамство. Не терпел хамства, но и не сетовал, не брюзжал, а если видел — бросался в бой. Без рук. Методом, как говорится, убеждения, увещевания. Духом он был силен, а телом, увы, не атлет...

Взбудоражился весь город. Значит, что же, не вмешиваться? Жизнь одна, и нечего ее ставить под угрозу из-за ерунды. Девушка была вне опасности — дело происходило на людной площади в светлое время (кстати, она как исчезла с площади, так и канула по сей день). А если и вмешиваться в подобные инциденты, то либо звать милицию, дружинников, либо самому быть боеспособным. Это одни так говорили. Другие считали, что надо вмешиваться еще активнее по каждому, даже самому мелкому случаю. И всем дружно, очень дружно. А виновников гибели Гамкрелидзе так наказать, чтобы другим неповадно было. Раз и навсегда отбить охоту у хулигана поднимать руку на девушку, на старшего! И посыпались в народный суд письма от коллективов тбилисских предприятий, научных учреждений, отдельных лиц. В их числе и от трех горожан, которым хулиганы напоминали об участи Гамкрелидзе.

Миновали осень, зима, весна. Было следствие, допрошены свидетели, состоялись очные ставки. Теперь идет суд. Судит Коллегия по уголовным делам Верховного суда ГССР. Двери открыты для всех. Большой зал набит до отказа. Я вижу, как время от времени дрожат плечи вдовы Гамкрелидзе. У нее дочь, молодой лингвист. У нее сын, студент. В зале — матери подсудимых. Только матери. Отцов нет давно. В окружении народных заседателей — член Верховного суда республики Аделина Хонякина. Достаточно выдержанная, внимательная и терпеливая.

На скамье — два бритоголовых приятеля: плечистый Гурам Бебиашвили и небольшого роста, коренастый Роберт Квицинадзе. Физиономии бодрые, ни тени подавленности, смущения, стыда. Напротив, улыбки в зал, еле заметные кивки. Что они, в самом деле, бандиты какие-нибудь, взломщики, шулера, профессиональные убийцы? Нет, конечно. Я говорю без иронии, в самом деле нет. Посмотришь на них, послушаешь их — просто веселые, свободные, холостые, игривые ребята. С одной стороны. А с другой? Очень сомнительно качество этой веселости, этой свободной игривости. Баловство наркотиками, в армии 86 гауптвахт — это лицо Бебиашвили. Квицинадзе патрулирует площадь, на которой живет, ибо работать неохота: устраивается — уходит, устраивается — уходит. В 1966 году в инциденте с пьяными на этой же площади ударил капитана милиции так, что тот получил сотрясение мозга и ушел в отставку. А Квицинадзе от правосудия в... армию. И там временно притих.

Человек может ошибиться даже роковым образом. Минута слабости, безответственности, легкомыслия. Потом возвращение сознания, оценка своего поступка, мужественное раскаяние. Девять месяцев было у Бебиашвили и Квицинадзе для того, чтобы все выяснить, обдумать, понять. Девять месяцев! За это время в утробе матери формируется сложнейшее создание земли — человек.

Теперь их спрашивают: что было на Колхозной площади 26 августа 1971 года в седьмом часу вечера? Бебиашвили не помнит. Он помнит, что его (!) обидела на улице девушка, но он и очухаться не успел, как взрослый, седой мужчина двинул его в глаз. После этого вошел в шок — это по его выражению — и больше ничего не знает. Квицинадзе, напротив, все хорошо помнит, каждую деталь. Если уважаемые судьи позволят ему, он может начертить на доске мелом, кто где стоял, кто кого оскорбил и ударил. Квицинадзе словоохотлив, сообщает суду подробности о своем здоровье, кровяном давлении (верхнем и нижнем), в его речи много таких слов, как «интуитивно», «инстинктивно». Язык хорошо подвешен. Море достоверных мелочей. А по существу дела ни он не ударял седого человека, ни Бебиашвили. Это седой ударил Бебиашвили; бедный парень сказал «Ой!» и убежал. Тогда седой вцепился в Квицинадзе (даже три пуговицы на рубахе его оторвал!), и пришлось, конечно, вырываться. А если седого и ударил кто-то, то это не Бебиашвили. Мало ли там было на площади людей!

Мало, мало было людей! Иначе не случилось бы то, что случилось. Но все же люди были. Несмотря на советы осторожных («Как бы чего не случилось и с вами!»), они свидетельствовали правду и помогли суду восстановить картину. Кроме того, и сами хулиганы, пока они не узнали о трагическом конце своей жертвы, пока думали, что сидят просто так, за драку, говорили более откровенно. Шесть раз Квицинадзе сообщал следствию, что Бебиашвили ударил седого человека ладонью в шею. Шесть раз сам Бебиашвили свидетельствовал, что да, ударил. Эксперт показал, что удары нанесены справа и слева в область сонной артерии. Справа удар был очень сильным: произошел разрыв внутренней оболочки артерии и повлек за собою смерть.

Откуда же эта устремленность руки в жизненно важный центр, именно в артерию, два раза именно в нее? Бебиашвили был, с позволения сказать, спортсменом, кандидатом в мастера. 26 августа 1971 года, узнав, что он принят в институт физкультуры на первый курс, выпивал по этому поводу с утра. Избранный им вид спорта — классическая борьба. Прекрасный, мужественный спорт. Еще есть его собрат самбо и собрат дзю-до. А еще собрат карате — «пустая рука» — японский национальный вид борьбы, целый комплекс, в который входят, в частности, удары кулаком, основанием, тыльной частью и ребром ладони. Во время спортивных состязаний эти удары только условны, они имитируются или наносятся пальцами. В случае всамделишного нападения или обороны все это делается с большой силой, хорошо тренированной рукой. Говорят, что люди, владеющие приемами карате, легко побеждали вооруженных до зубов самураев.

Итак, японская «пустая рука». Вместе с самбо, дзю-до, о которых еще недавно мы почти ничего не знали, она приходит и в советский спорт и на вооружение органов охраны общественного порядка. Больше знать, больше уметь — это всегда хорошо! Но вот что писал известный советский борец, ответственный секретарь Федерации борьбы самбо, подполковник милиции Владимир Панкратов: «...карате — это не только спорт, но и оружие. И нам вовсе не безразлично, в чьи руки оно попадает. Круг лиц, занимающихся карате, следовало бы определить точно. Приемы карате должны достаться лишь тем, кто способен защищать общественный порядок, а не тем, кто хочет его нарушать».

Но пока мы говорим «следовало бы», «должны достаться» и так далее, приемы сами по себе просачиваются, ПОПАДАЮТ НЕ В ТЕ РУКИ. Да разве речь только о карате? Разве нет иных способов у борца сделать руку сильнее оружия?

Может быть, суд спрашивал бывшего кандидата в мастера по классической борьбе подсудимого Бебиашвили, владеет ли он недозволенными приемами самбо, дзю-до, карате или еще чем-нибудь? Нет, суд не спрашивал, как не спросил бы он человека, пырнувшего ножом другого человека, знает ли он, что нож — это опасно, смертельно. Тогда вопрос к Уголовному кодексу, к Министерству юстиции? Если отдельные приемы отдельных видов спорта приравниваются к оружию, почему в соответствующих статьях кодекса, определяющих степень наказания, не стоят они в ряду с огнестрельным оружием, ножами, кастетами?

С этими двумя подонками общества вопрос достаточно ясен. Суд постарался быть строгим к их деяниям. На 15 лет общество освободилось от Бебиашвили, на пять — от Квицинадзе. Им не хватило на обдумывание своей жизни девяти месяцев. Может быть, хватит этого срока. Советский суд гуманен и крови не жаждет.

Но представим себе, что Бебиашвили с его тяжелыми ручищами не хулиган, затесавшийся в спортивную среду, а просто заурядный хулиган. И на площади подошел к нему не известный в городе ученый, а никому не знакомый человек. И Бебиашвили ударил его за то, что тот «сковывает его свободу». Ударил вот так же, в сонную артерию, потому что он и его тренеров знает: это удар наповал. И город не так расшумелся бы по этому случаю, потому что не узнал бы о нем, писем не писал бы с просьбами принять строгие меры. И пошло бы тихое топтание вокруг кодекса в сторону смягчения, смягчения, смягчения... Потерпевшего-то все равно нет на свете, а эти молодые... Да хотели ли они убить? Был ли умысел? Умысла никакого не было. Ударили седого неосторожно. Неосторожное убийство. Наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года. Статья 108 УК ГССР, соответствующая 106-й статье УК РСФСР. И не успели бы мы оглянуться, как отъявленные хулиганы вновь гуляли бы, резвились и угрожали в парках почтенным людям.

Я смотрю на Бебиашвили. Он сидит на скамье подсудимых в свободной позе, отвалившись, закинув локти за спинку стула. Висят на всеобщее обозрение кисти его громадных ручищ. Сильные мужские руки само по себе зрелище прекрасное. Сколько полезного они сделали, делают и будут делать для всех нас — сильные руки трудовых мужчин! Но как сделать, чтобы сильная мужская рука поднималась только с тем, чтобы защищать человека, а не оскорблять, не убивать?

Строгость соблюдения закона? Да, конечно. Однако наша озабоченность должна простираться глубже, к истокам формирования личности. Надо понять наконец, что упускается с первых лет жизни человека. Может быть, кому-то нравится ребенок, который, цепляясь за подол, колошматит мать, когда она ему чего-то не разрешает. И она разрешает. А потом он орет на родителей сиплым баском, потому что ему не купили сверхмодный костюм или не дали пятерку на водку. И родители лезут из кожи вон, гонятся за сверхдостатком, иной раз гонятся нечистыми дорогами, а отпрыск, видя это, сверхнаглеет.

Может быть, в школах иные педагоги перестали отличать невинное ребяческое баловство от грозного в своей сути хулиганства и прощают все, дабы самим было спокойнее? Может быть, кому-то импонирует доносящийся с Запада призыв к молодежи: «Долой всякие условности!» «Уважение к старшему — это ведь условность,— слышала я рассуждение одного сопляка.— Он человек, и я человек. И я должен его уважать за то, что он дополз до старости? А может быть, он мразь!»

Вот ведь как: «Может быть!..» Он «может быть», а ты-то уж точно.

...Руки за спину! Конвой уводит осужденных.

ФЛАГМАН СОВЕТСКОЙ САТИРЫ

— Партиен со дня рождения.

Так коротко и ясно отвечает «Крокодил» на вопрос о партийности. Приведен этот ответ в шуточной анкете, предпосланной книжке коллектива крокодильцев «О времени и о себе».

В этой шутке не только доля правды, как принято говорить, а большая, полновесная, истинная правда. Подкрепленная полувековой добротной работой.

В самом деле, когда в 1922 году увидел свет первый номер «Крокодила», уже выходило несколько сатирических и юмористических журналов. Почему же все-таки именно «Крокодил» по-молодому шагнул во второе полустолетие, достиг многомиллионного тиража и заслуженно стал флагманом советской сатиры?

Не потому ли, что на первом же редакционном совещании было твердо решено стремиться к созданию подлинно массового сатирического журнала, рассчитанного на приток читательских писем. Первый редактор «Крокодила», старейший правдист и видный деятель ленинской партии Константин Степанович Еремеев, напомнил молодому авторскому коллективу, как помогла «Правде» достучаться до сердца своих читателей знаменитая полоса рабочих писем, с которыми на газетные полосы ворвалась сама жизнь.

Правдистские принципы стали верным компасом для крокодильцев. Призывая рабочих и крестьянских читателей держать деловую связь с журналом, Демьян Бедный писал:

Печатаем мы краснокрокодильские
тетради
Не зубоскальства ради,
А чтоб предавать карающему смеху
Все, что составляет для Советской
власти помеху.

И советские люди, страстно ненавидевшие такие помехи и их носителей, увидели в «Крокодиле» свой сатирический журнал нового типа, веселый журнал отчетливо выраженной политической направленности. Эти качества высоко оценил А. М. Горький, подчеркнувший любовь крокодильцев к читательским письмам и умение работать над ними.

Не раз обновлялась за полвека семья крокодильцев. И всем ее поколениям наибольший успех сопутствовал именно тогда, когда с партийной принципиальностью следовали они боевым традициям Владимира Маяковского, Михаила Кольцова, Василия Лебедева-Кумача, Ивана Малютина, Михаила Черемных, Дмитрия Моора, всех, кто вместе с К. С. Еремеевым зачинал «Крокодил».

Эти испытанные временем, плодотворные традиции даже попросту перечислить трудно. Но разве можно забыть легкие на подъем, зато весьма тяжелые на сатирическую руку выездные редакции и контрольные посты «Крокодила»! Еще в годы первых пятилеток они действенно помогали строителям «Магнитки», Кузнецка, Турксиба. И поныне крокодильские бригады чаще всего выезжают в далекие рейды по приглашению самих читателей.

Делал «Крокодил» свое дело и в пору Великой Отечественной войны. Немало молодых писателей-фронтовиков впервые увидели свое имя на газетной бумаге посуровевших крокодильских страниц. Какой бы заголовок ни носили тогда сатирические разделы фронтовых газет, воины часто именовали их на свой лад «Фронтовым Крокодилом». В то нелегкое время в семью крокодильцев пришли Алексей Толстой, Самуил Маршак, Александр Прокофьев, Борис Лавренев, Николай Асеев.

«Крокодил» — журнал подлинно всесоюзный. И не только потому, что обильная почта мешками приносит ему письма буквально из всех уголков страны, в результате чего некоторые разделы журнала, вроде «Вилы в бок» и «Нарочно не придумаешь», делаются перьями и фотоаппаратами читателей. «Всесоюзность» журнала определяется и таким весьма отрадным явлением: на его страницах мы неизменно встречаем имена Степана Олейника и Самига Абдукаххара, Расула Гамзатова и Гулама Мамедли, Давида Кугультинова и Виты Жилинскайте и многих, очень многих талантливых представителей многонациональной советской литературы. Верно понимая свою роль колонновожатого советской сатирической печати, «Крокодил» по-родственному открывает свои страницы девятнадцати братьям и сестрам — сатирическим журналам союзных и автономных республик. Похвальная семейственность!

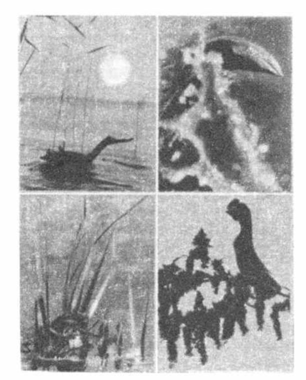
Попытка хотя бы вкратце обозреть богатейшее литературное наследие «Крокодила» с 1922 года до наших дней настолько сложна, что я и не рискую за нее браться. Интересующихся отсылаю к объемистой и красочно оформленной книге «Нестор из «Крокодила», где каждый из 268 авторов представлен одним произведением.

Еще не каждая крокодильская строка бьет прямо «в яблочко». Еще сатирико-юмористическая продукция нашего брата-литератора частенько не столь разяща и смешна, как точные и увесистые залпы карикатуристов. Но главное достигнуто: десятки миллионов читателей любят «Крокодил», верят ему. А волокитчики и хапуги, склочники и рутинеры — словом, все, кто с трусливой дрожью перелистывает безжалостный на их взгляд журнал, не очень-то хвалят его. В этом реально сказывается животворная природа советской сатиры и рождаемого ею смеха, о котором столь точно сказал А. В. Луначарский: «Смех не только признак силы, но сама — сила. Смех — признак победы».

Товарищи,
вовсю
из глоток из всех —
да так, чтоб врагам
аж смяться,
сегодня
раструбливайте
радостный смех!
Нам
есть над чем посмеяться!

Повторяя эти строки Маяковского, можно ли сомневаться, что головным нашим смехотворцем и сатирическим орудием большого калибра будет нестареющий, зубастый и веселый «Крокодил»!

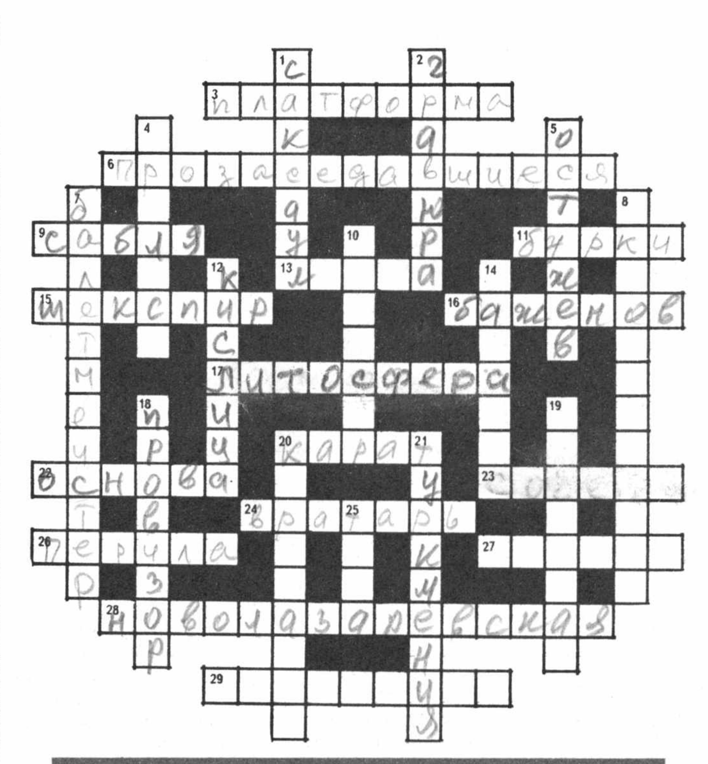
Ц. СОЛОДАРЬ

КАРЕЛИЯ! Край прозрачных озер и хвойных лесов, бурных водопадов и быстрых рек. Кто хоть раз побывал здесь, тот не забудет красоты неповторимого карельского пейзажа. С нетерпением ждешь отпуска, чтобы снова пройти нехожеными тропами, проплыть по ожерелью озер, слушать дружный птичий пересвист.

И здесь встретился я с обитателями сказочного мира, но не живыми, а созданными художницей-природой, водой и ветром. Вот в зарослях осоки, на зеркальной глади озера притаилась уточка... А вот и хозяйка болотного царства лягушка... Вечером, на закате солнца, маленький дельфин резвится, разбрасывая сверкающие брызги... Диковинная птица встречает утро...

В. РУБАН
Фото автора.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 6. Стихотворение В. Маяковского. 9. Холодное оружие. 11. Теплые сапоги. 13. Пестрая нерпа. 15. Английский поэт и драматург. 16. Русский архитектор XVIII века. 17. Земная кора. 20. Единица веса драгоценных камней. 22. Продольные нити в ткани. 23. Сухая лепешка из пресного теста. 24. Игрок футбольной команды. 26. Ограда по краю моста, лестницы. 27. Литовский поэт. 28. Антарктическая прибрежная научная станция СССР. 29. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Доходное место».

По вертикали: 1. Дерево или кустарник среднеазиатских пустынь. 2. Оттиск рельефного рисунка. 4. Порт в Казахстане. 5. Великий русский актер. 7. Постановщик танцев. 8. Способ изображения предмета на чертеже. 10. Озеро в Прикаспийской низменности. 12. Растение, в листьях которого содержится щавелевая кислота. 14. Вершина Главного Кавказского хребта. 18. Работник аптеки. 19. Прозрачный водонепроницаемый материал. 20. Птица. 21. Союзная республика. 25. Духовой музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34.

По горизонтали: 3. Пятигорск. 7. «Вольность». 8. Таратайка. 12. Акула. 13. Розетка. 14. Углерод. 15. Сфера. 17. Гаронна. 18. Брюллов. 22. «Норма». 25. Вторник. 26. Тангенс. 27. Кобза. 29. Земляника. 30. Платформа. 31. Караганда.

По вертикали: 1. Статика. 2. Ярмарка. 3. Пробирка. 4. Кваренги. 5. Шолохов. 6. Эквадор. 9. Огурец. 10. Александрит. 11. Спелеология. 15. Санин. 16. Аорта. 19. Грибов. 20. Стартер. 21. Шиповник. 23. Камчатка. 24. «Анафема». 27. Конкурс. 28. Афалина.

На первой странице обложки: Чабанам на пастбище привозит книги библиотекарь Зарыл Исмаилова (см. в номере репортаж «В горы — с заботой»).

Фото Э. Эттингера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-88-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/VIII-72 г. А 00731. Подп. к печ. 22/VIII-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1627. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3348.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Здесь сошлись дальние маршруты...

В КАДРЕ — ОТДЫХ

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

Здесь сошлись дальние маршруты, здесь низвергаются водопады, вырастают знаменитые Красноярские столбы. А рядом с ними, ну, может, через три-четыре сантиметра,— спортивная площадка московского стадиона. Здесь завершают туристские походы или просто идет дождь, сильный и теплый дождь.

— Он застал нас на опушке леса...

— А это наше крымское путешествие,— говорит москвичка Ольга Ростиславовна Сидельникова.— Карадаг и с берега красив, а с моря — чудо из чудес. «Замок из сказки» — моей дочери гора показалась волшебной. Да посмотрите — впрямь фантастика!

Ольга Ростиславовна показывает фотопленку. Тридцать шесть цветных диапозитивов — тридцать шесть напоминаний о днях отпуска, тридцать шесть визитных карточек крымского лета.

Оно останется с ними — теперь можно повторить его в любой вечер: стоит только вставить в проектор диапозитивы...

Миллионы людей отправляются в отпуск, просто на субботнюю прогулку, в двухдневный туристский поход, на рыбалку, взяв с собой простенькую «Смену» или отменный «Зенит». И если в фотоаппарате была диапозитивная пленка фирмы «ОРВО», ее почти наверняка принесут сюда, в фотоателье на столичном проспекте Калинина.

— Двести пятьдесят — триста катушек пленки принимаем мы ежедневно,— рассказывает директор фотоателье О. Л. Беленький.— Снимки отовсюду. По ним можно познакомиться с географией нашей необъятной страны. Волга, Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия...

Фотолаборанты отмечают одну тенденцию. Понемногу стало изменяться понятие «курортный район». Прежде подавляющее большинство снимков было сделано на Черноморском побережье — на Кавказе, в Крыму. Сейчас — Кижи, Архангельская область, Урал, Красноярский край... И если сравнивать фотографии, если по ним судить (а фотоснимок почти всегда объективен, заметил один

из фотолюбителей) о привлекательностях того или иного района, то обнаруживается, что у Крыма и Закавказья появились серьезные «соперники».

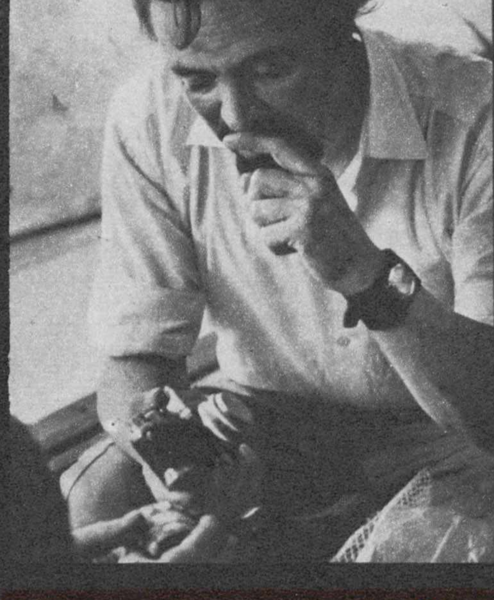
— Двадцать дней на уральских реках — год воспоминаний,— рассказывает молодой инженер Игорь Лопухов, только что вернувшийся из поездки. Его «трофеи» — восемнадцать кассет

1

3

2

1. А эти снимки сделаны и любезно предоставлены «Огоньку» фотолюбителями А. Атеевой, В. Бахановичем, С. Матюшиным, О. Сидельниковой, В. Точилиным.

2. Опыт не помеха.

3. Может, фотокамера виновата...

4. Ну и что!!

5. Что там получилось!..

6. Неплохо, а!

7. Одну минуту, очень интересный кадр.

8. Вот здорово! Посмотри!

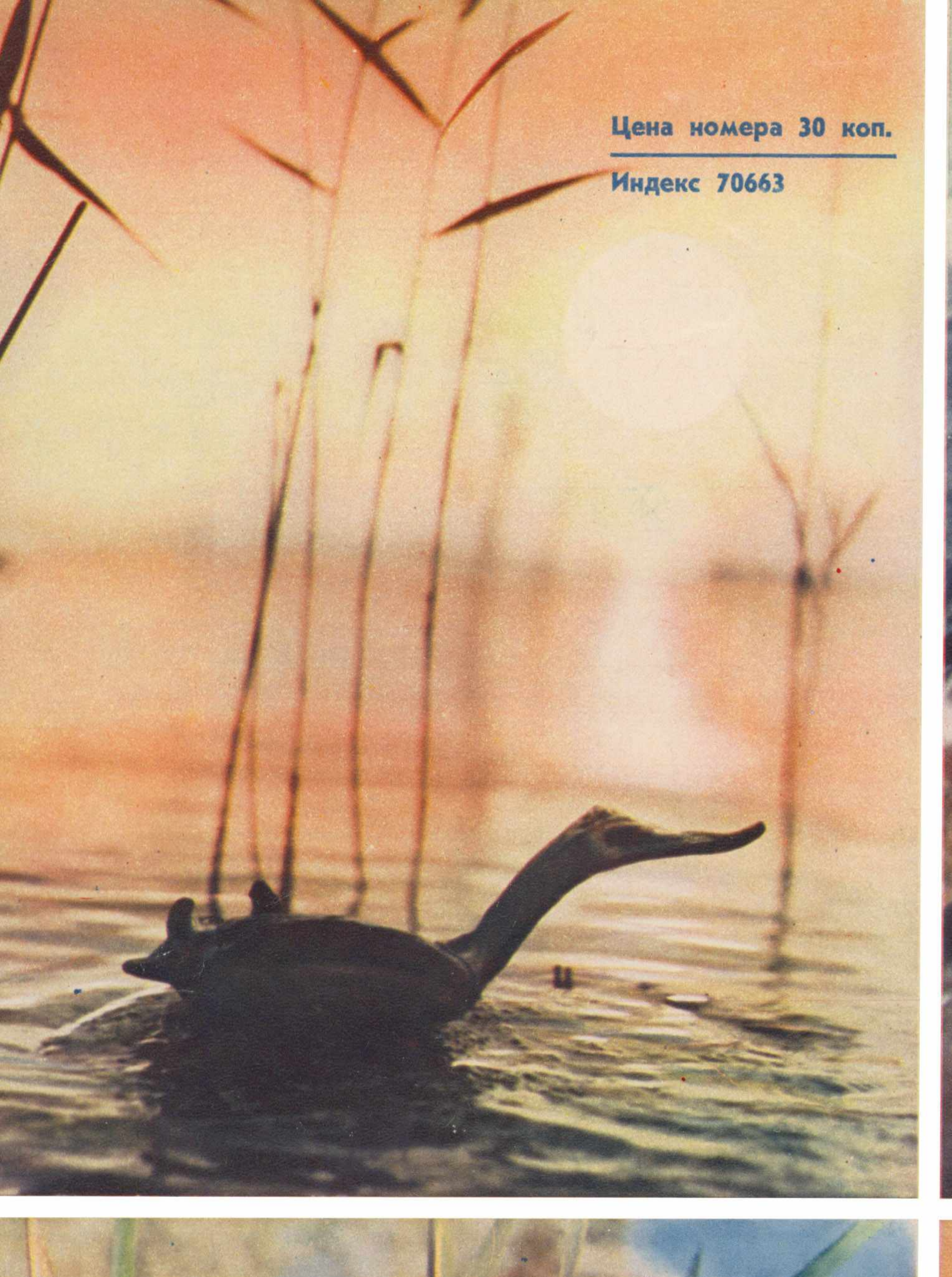
9. Испорчена пленка — испорчено настроение.

с отснятой пленкой.— Если хоть половина сделанных кадров на уровне, представляете, как будет интересно!..

А вот московский таксист Владислав Точилин сделал тысячу диапозитивов, не выезжая из города. Живут Точилины в Медведкове, лес рядом. Выдастся свободный час — фотоаппарат в руки и айда... Почти на всех снимках — великолепные уголки природы, ну и, конечно же, жена с сыном Эриком...

4
5
6
7
8
9

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

